

ТАРАС ШЕВЧЕНКО

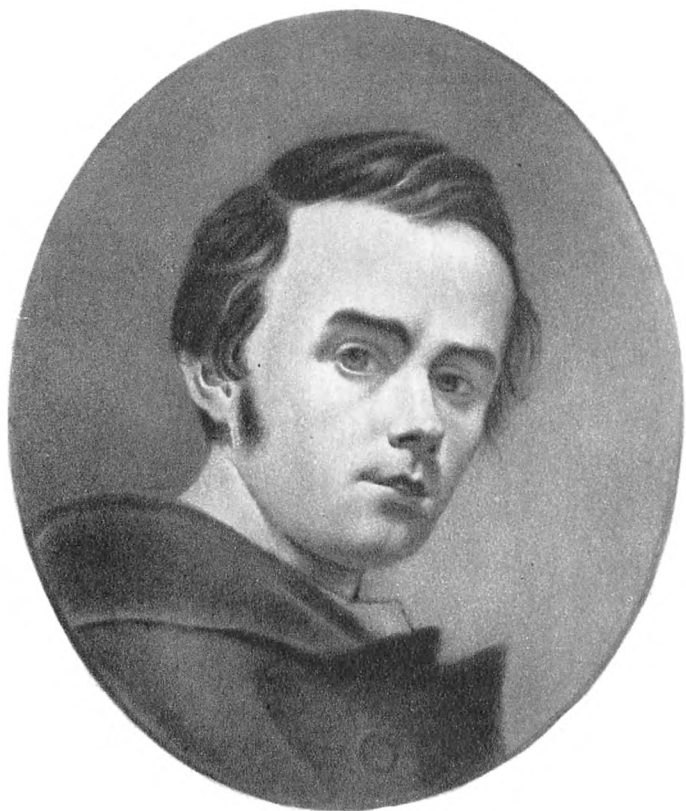
СТИХОТВОРЕНИЯ
И
ПОЭМЫ

ДЕТГИЗ 1954

ТАРАС ШЕВЧЕНКО - СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Мариус Шевичев

Автопортрет, 1840 г.

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ТАРАС ШЕВЧЕНКО

СТИХОТВОРЕНИЯ
И
ПОЭМЫ

*Перевод с украинского под редакцией
А. И. Дейча и М. Ф. Рыльского*

**Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1954**

*Книга иллюстрирована
репродукциями с работ
Т. Г. ШЕВЧЕНКО*

*Оформление
Э. ВИЗИНА*

ТАРАС ШЕВЧЕНКО

1

Зимой 1845 года в город Переяслав приехал тридцатилетний поэт и художник Тарас Григорьевич Шевченко. Он любил этот древний город, овеянный славой украинского народа. Там все дышало событиями прошлых веков; исторические курганы и памятники подступали к крепостному валу, воздвигнутому некогда для защиты от набегов кочевых орд татарских ханов и других чужеземных поработителей. В 1630 году под Переяславом казацко-крестьянские повстанцы во главе с Тарасом Трясило разгромили крупное войско польской шляхты.

Столетиями Украина испытывала разорение от нашествий хищных завоевателей. Украинский народ, находясь под угрозой уничтожения, постоянно боролся против иноземных захватчиков, стремясь к объединению с единокровным русским народом и обращаясь к нему за помощью.

Освободительная война украинского народа 1648—1654 годов против польской шляхты под руковод-

ством крупнейшего полководца и государственного деятеля Богдана Хмельницкого закончилась великим историческим актом: 8 (18) января 1654 года в Переяславе было торжественно принято решение о воссоединении Украины с Россией, что навеки связало судьбы двух братских народов.

Улицы и площади Переяслава, со старинными церквями и соборами, деревянными башнями и земляными укреплениями, живописно расположенного на реке Трубеже, неизменно привлекали Шевченко. Не раз в своих стихотворениях, повестях и письмах Шевченко вспоминал Переяслав и его окрестности: синые Трахтемировские горы, села Андруши и Монастырищи.

В этот приезд, как и раньше, Шевченко остановился у своего друга, врача А. О. Козачковского. В гостеприимном доме поэту было хорошо и легко работать. Не только прошлое увлекало Шевченко, его мысли устремлялись в будущее. Он думал о судьбе простых, трудовых людей, страдавших от гнета феодалов-крепостников. Поэт чувствовал свое кровное родство с обездоленными крестьянами. Их думы были его думами, и Шевченко хотелось делиться с народом каждым написанным словом.

Здесь поэт написал свое бессмертное стихотворение «Завещание».

Рано было думать о смерти — всего тридцать лет, — но сами собой явились первые строки:

Как умру, похороните
На Украине милой,
Посреди широкой степи
Выройте могилу...

Ему виделось, что он стоит на высоком днепровском берегу. Бесконечные поля уходят вдаль, а внизу перед ним шумят волны широкой реки, вздымаются гребни и с

гулом разбиваются о берег. В ропот днепровских волн врываються голоса, полные гнева и ненависти, — это народ восстал против своих угнетателей; сорвал оковы и, свободный, стремится вперед, к новой, счастливой жизни... Дальше и дальше лились стихи, навсегда ставшие заветом для народа:

...вставайте,
Цепи разорвите,
Злоу вражескою кровью
Волю окропите.
И меня в семье великой,
В семье вольной, новой,
Не забудьте — помяните
Добрым, тихим словом.

В Переяславе, где свершилось воссоединение свободлюбивого украинского народа с единокровным братским русским народом, прозвучал этот горячий призыв поэта к единению и дружбе всех народов.

2

Тарас Григорьевич Шевченко родился 9 марта 1814 года в селе Моринцы, Звенигородского уезда, Киевской губернии. Родители Шевченко были крепостными помещика Энгельгардта и жили в большой бедности. Когда Тарасу было три года, семья переселилась в соседнее село Кирилловку, принадлежавшее тому же помещику. У кирилловских крестьян были крохотные наделы земли — одна-полторы десятины на хозяйство. Однако и эту землю как следует возделывать не удавалось. Все силы уходили на барщину — принудительный труд на земле помещика. Тарас рано узнал нужду, лишения, жестокость крепостников. На девятом году жизни он потерял мать. Через два года умер и отец. Мальчик остался круглым сиротой и жил у чужих людей из милости.

Он учился грамоте у пьяных дьячков. Его первыми книгами были псалтырь и часослов. За обучение и за кусок хлеба Тараса заставляли выполнять тяжелую работу. Дьячок Богорский попросту сделал мальчика своим слугой: Тарас носил воду, убирал помещение школы. В награду за работу его часто били. «Мое детское сердце было оскорблено этим исчадием деспотических семинарий миллион раз, и я кончил с ним так, как вообще оканчивают выведенные из терпения беззащитные люди, — мезтью и бегством. Найдя его (то-есть дьячка. — А. Д.) однажды бесчувственно пьяным, я употребил против него собственное его оружие — розги и, насколько хватило детских сил, оплатил ему за все его жестокости...»

Маленький Тарас, убежав от Богорского, батрачил у попа, учился у маляров.

Часто в село заходили бродячие певцы — кобзари, лирики. Они пели исторические думы о храбрых запорожских казаках, сражавшихся с врагами — польскими панями, татарами, турками. Перед слушателями вставали героические образы крестьян-повстанцев, гайдамаков. Тарас восхищался их отвагой, их стойкостью в борьбе за народное дело.

Еще когда мальчик жил в хате отца, дед Иван в долгие зимние вечера рассказывал внуку о том, как украинские казаки гнали польскую шляхту со своей земли. Он рассказывал о славном полководце Богдане Хмельницком, об украинском гетмане Петре Сагайдачном и вожаках великого крестьянского восстания XVIII века Гонте и Зализняке (Железняке). Уже тогда в сознании будущего поэта зарождались образы его большой поэмы «Гайдамаки».

Когда Тарасу исполнилось пятнадцать лет, управляющий помещика Энгельгардта зачислил мальчика в дворовую челядь.

Теперь Шевченко особенно чувствовал на себе гнет подневольной жизни. Он сначала был поваренком на

кухне, а затем «казачком», то-есть комнатным слугой помещика. В каждую свободную минуту Тарас умудрялся заниматься любимым делом — рисованием. Несмотря на побои и угрозы, он все, что видел, зарисовывал карандашом, углем, мелом — чем придется.

Шевченко побывал со своим барином в Киеве и Вильно. Во время остановок на постоянных дворах он добывал лубочные картинки с изображением Кутузова и героя Отечественной войны 1812 года казака Платова и, как умел, перерисовывал эти картинки.

Особенно томило Шевченко вынужденное безделье в помещичьем доме. Ему приходилось по целым дням неподвижно и молча сидеть в передней. По первому зову Энгельгардта он прибегал в комнату, подавал чубук или наливал воду в стакан из графина, стоявшего перед самым носом помещика-самодура.

Мальчик тихо напевал любимые украинские песни и украдкой срисовывал картины, висевшие по стенам богатой квартиры Энгельгардта.

Однажды — это было в Вильно 6 декабря 1829 года — Энгельгардт уехал на традиционный бал в дворянское собрание. «Казачок» Шевченко, оставшись один, зажег свечу и стал срисовывать Платова с лубочной картинки. Углубившись в работу, он не заметил, как возвратился его барин. Энгельгардт больно выдрал за ухо юного художника, а на следующий день кучер Сидорка, по приказу барина, выпорол Тараса на конюшне.

Энгельгардт убедился, что из Тараса слуги не выйдет. Он решил сделать его своим «придворным» живописцем.

В начале 1831 года Шевченко вместе с прочей дворовой челядью помещика Энгельгардта прибыл в Петербург.

Через год Энгельгардт отдал Тараса в обучение к мастеру живописи Ширяеву.

Восемнадцатилетним юношей Тарас получил возможность учиться живописи. Ширяев был богатым и скупым предпринимателем, человеком крутого нрава. Он держал при себе «трех, иногда и более, замарашек в тиковых халатах под именем учеников».

Артель Ширяева выполняла различные живописные работы в частных домах и расписывала потолки и стены петербургских театров.

Четыре года обучения у живописца принесли Шевченко пользу. Он видел за это время много прекрасных произведений искусства: гравюр, картин и скульптур.

После трудового дня Шевченко часто убегал в Летний сад, где находились слепки античных статуй. Поздними вечерами и в призрачные белые ночи Шевченко срисовывал статуи.

В Летнем саду произошла встреча Шевченко с земляком-художником Сошенко. Проходя аллеей, Сошенко увидел юношу в грязном тиковом халате, срисовывавшего статую Сатурна. Сошенко подошел к нему, взглянул на рисунок и сразу понял, что Тарас наделен незаурядным дарованием.

Иван Максимович Сошенко, художник-портретист, был добрым и отзывчивым человеком. Он принял горячее участие в судьбе крепостного юноши и познакомил его с замечательным мастером живописи — профессором Академии художеств Брюлловым, со знаменитым поэтом Жуковским, с украинским писателем Е. Гребенкой. Они решили определить Шевченко в Академию художеств; но ему, как крепостному, доступ туда был закрыт. Нужно было освободить его от крепостной зависимости.

Художник Венецианов отправился к Энгельгардту, чтобы уговорить помещика отпустить Шевченко на волю.

Помещик-самодур продержал Венецианова около ча-

са в передней, и когда тот попытался заговорить о филантропии, Энгельгардт грубо оборвал его: «При чем тут филантропия? Деньги, и больше ничего».

И помещик назначил две с половиной тысячи рублей за выкуп своего художника.

Деньги для выкупа были добыты своеобразным путем: Брюллов написал портрет Жуковского, и этот портрет разыграли в лотерею.

22 апреля 1838 года Энгельгардт подписал Шевченко отпускную.

4

Тарас Григорьевич стал студентом Академии художеств. Он учился у «Карла Великого», как прозвали знаменитого художника Карла Брюллова. Шевченко много читал. Его интересовало все: поэзия и история, физика и медицина, история искусств и философия. Он зачитывался Пушкиным и Гоголем, Лермонтовым и Жуковским, Гомером и Данте, Шиллером и Вальтер-Скоттом. Шевченко прилежно посещал лекции по физиологии, зоологии и физике, изучал французский язык, ходил на выставки и в театры, слушал концерты лучших музыкантов.

Огромная восприимчивость к культуре дала Шевченко возможность в короткий срок подняться до уровня образованных людей, с которыми он общался. Брюллов очень ценил своего ученика и старался приучить его к работе над образцами античного искусства, которое казалось Шевченко величественным, но холодным. Его привлекали народные образы и картины народной жизни. Перед ним вставали видения родины, и ему хотелось запечатлеть их не только карандашом и кистью, но и словом.

По собственному признанию, он начал писать стихи в светлые летние ночи 1837 года.

Первая тоненькая книжка стихов Шевченко под названием «Кобзарь» вышла в 1840 году.

Само заглавие книжки говорило о близости поэта к украинскому народному творчеству, к песням и думам кобзарей. В стихотворениях Шевченко звучала горячая любовь к родному народу, достойному лучшей доли.

Думы мои, думы мои,
Горе, думы, с вами!
Что вы встали на бумаге
Хмурыми рядами?
Что вас ветер не развеял
Пылью на просторе?
Что вас ночью, как ребенка,
Не приспало горе?..

Этим обращением к своим поэтическим мыслям открывался «Кобзарь» Тараса Шевченко. Поэт посылал свои думы на Украину, мечтая о том, чтобы его сердечное слово проникло в крестьянские хаты.

С трогательной нежностью изобразил Шевченко старого слепого кобзаря Перебендю, который ходил из села в село. У Перебенди для каждого была своя песня, глубоко западавшая в душу.

Но из всех песен кобзарей особенно волновали Тараса Шевченко песни об историческом прошлом Украины. Рисую славное прошлое украинского народа, Шевченко в ту пору идеализировал это прошлое. Запорожская Сечь — украинская полувоенная организация казаков, существовавшая до XVIII века в низовьях Днепра и сыгравшая прогрессивную роль в истории украинского народа, — представлялась ему свободной республикой. Его героями были храбрые казаки-запорожцы, дравшиеся с турками и польской шляхтой. Он еще не понимал тогда, что военачальники казаков — гетманы — не раз предавали и продавали народ, что среди запорожцев были привилегированные верхи и рядовые казаки из крепостных.

Шевченко вскоре освободился от этих заблуждений. Но и в первых произведениях, изображая прошлое, он видел в нем уроки для настоящего и как бы говорил своим современникам: «Смотрите, как ваши отцы и праотцы боролись за свободу, за независимость, и последуйте их примеру!»

Литературные предшественники Шевченко — украинские писатели Котляревский, Квитка-Основьяненко, Гребенка и другие — были выходцами из помещичьей среды. В их творчестве мирно уживалось сочувствие к страданиям народа и примирение с крепостной действительностью. Порой они изображали злых панов и осуждали их за жестокое обращение с крестьянами, но при этом не посягали на крепостнический строй и всю систему самодержавия.

Выходец из другой социальной среды, Шевченко первый ввел в украинскую литературу новые темы и идеи. Правдиво рисуя тяжелую жизнь угнетенных крестьян, он выражал сокровенные народные мысли о необходимости уничтожения крепостничества и самодержавия.

Шевченко призывал к глубокому и серьезному изучению крестьянской жизни: «Чтобы знать людей, надо жить с ними. А чтобы писать о них, надо самому быть человеком, а не бумагомарателем. Вот тогда пишете, и тогда работа ваша будет работой честной».

Критика по-разному встретила первую книгу молодого поэта. «Отечественные записки» похвалили стихи. «Литературная газета» отмечала, что в поэзии Шевченко «много огня, много чувства глубокого, и везде дышит в них горячая любовь к родине. Его картины верны с натурой и блещут яркими, живыми красками».

Некоторые реакционные критики упрекали поэта в том, что он пишет «по-мужицки».

«Пусть я буду и мужицкий поэт, лишь бы только поэт. Мне больше ничего и не нужно!» — писал Шевченко.

Первые стихи Шевченко — романтические баллады, лирические элегии, песни: «Порченая», «Ветер буйный», «Течет вода в сине море» и другие. В них он, продолжая традиции кобзарей, воспринял их песенный строй и поэтические образы: широкий и бурный Днепр, над которым плывет бледный месяц, вышедший из-за грозовых туч; русалки, плещущиеся в волнах реки; девушка, тоскующая по любимому, ушедшему в дальние края; привольная степь с курганами — богатырскими могилами, над которыми гуляет буйный ветер; слепой кобзарь, перебирающий струны, поющий думу о прошлом: о походах казаков, о Запорожской Сечи, о борьбе за волю и правду.

Горький, говоря о Шевченко, подчеркивал, что через все его творчество проходит единство мыслей и чувств поэта с мыслями и чувствами народа: «В его (Шевченко. — А. Д.) жалобах на личную судьбу слышна жалоба всей Малороссии, в его воспоминаниях о казацкой воле вы чувствуете воспоминания всего народа».

В «Кобзаре» Шевченко сильна революционно-демократическая направленность — и в содержании, и в языке, и в поэтических образах. Шевченко выступает как яро-стный враг крепостного строя. Поэт раскрывает бездушие и жестокость «гнуснейшего и подлейшего сословия» — феодалов-крепостников.

В поэме «Катерина» Шевченко рассказал о трагедии крестьянской девушки, покинутой своим любимым — барчуком, офицером царской армии. Поэма волновала читателей жизненной правдой и вселяла в их сердца ненависть к панам-душегубам. Не раз впоследствии Шевченко возвращался к этой теме — поруганной женской любви. С нежностью рисовал поэт обиженных и несчастных девушек, таких, как Катерина.

Поэма «Гайдамаки» была начата Шевченко еще осенью 1839 года, но вышла в свет лишь в 1841 году, после долгих цензурных мытарств.

Поэт посвятил свое произведение борьбе украинского народа против польских панов, владевших в XVIII веке обширными украинскими землями.

Богатые польские земельные магнаты нещадно эксплуатировали украинских крестьян. К социальному гнету прибавлялся религиозный: еще в XVI веке, по так называемой Брестской унии, православная церковь на Украине была подчинена папе римскому. Униатское и католическое духовенство действовало в интересах польской шляхты и призывало украинцев к смирению и покорности.

Не раз вспыхивали крестьянские восстания, но они жестоко подавлялись польскими панами.

Во второй половине XVIII века шляхетская Польша вступила в полосу политического упадка. На престоле сидел король Станислав II Понятовский, бывший покорным орудием в руках русской царицы Екатерины II. Против Станислава Понятовского восстала часть шляхты, и в 1768 году, под руководством Пулавского, она создала вооруженный союз — Барскую конфедерацию. Банды конфедератов грабили Украину, издевались над народом.

Против дикого разгула шляхты поднялось народное восстание, вошедшее в историю под названием Колиивщины. Это восстание и описано в поэме «Гайдамаки». Поэт был захвачен историей революционного крестьянского движения. Уже много лет спустя в одной из своих повестей Шевченко писал: «...Мои покойные земляки ничуть не уступили любой европейской нации, а в 1768 году... даже первую французскую революцию перещеголяли».

В «Гайдамаках» Шевченко дал широкую картину крестьянской революции, стихийной, незрелой, но рожденной жаждой правды и свободы.

Борьбу возглавил Максим Железняк. Его гайдамаки громят польскую шляхту, поджигают помещицьи усадь-

бы. Восстание зарождается под Чигирином; оттуда Железняк, Неживый и другие вожди повстанцев повели свои отряды. К Железьяку присоединились казаки под начальством Ивана Гонты. Повстанцы заняли город Умань и три недели держали его. Царское правительство, испуганное неожиданным размахом крестьянских волнений, послало войска на помощь польской шляхте. Восстание было разгромлено, Железняка сослали в Сибирь на каторгу, Гонту шляхтичи казнили после страшных пыток.

Шевченко в своей поэме дал не просто реалистическое изображение событий 1768 года — в ней звучит призыв к восстанию против царизма.

С особой нежностью Шевченко нарисовал образ забитого батрака Яремы, превращающегося в яростного борца против насильников — польских шляхтичей. С тонким лиризмом показана любимая Яремы, Оксана, провожающая его на бой с панами. Колоритная фигура слепого кобзаря, образы казацких старшин — все это живые люди эпохи, когда «ходили гайдамаки с святыми ножами».

Поэма «Гайдамаки» имела большой успех в передовых кругах украинского общества. Великий патриот, Шевченко воспел в «Гайдамаках» героев многовековой борьбы со злейшими врагами трудовой Украины. Поэма поражает богатством стихотворных ритмов, волнующих образов, ярчайших лирических и эпических описаний. Здесь, как и в каждом подлинном произведении искусства, глубокое идейное содержание сочетается с великолепной, доходчивой до миллионных масс национальной формой.

Недаром великий русский критик Добролюбов так высоко оценил поэму «Гайдамаки»: «чудно разнообразную, живую, полную силы и совершенно верную народному характеру...»

Поэма «Гайдамаки» — самая крупная из всех истори-

ческих поэм Шевченко; значение ее состоит в том, что поэт, рисуя образцы гражданской доблести в прошлом, вызывал тем самым невольные сопоставления с настоящим.

Характерно, что после появления «Гайдамаков» предводитель дворянства Каневского уезда доносил начальству: «Сочинение «Гайдамаки» крайне опасно для дворянства и для других сословий общества, ибо народ, видя исключительно только изображение мести, резни, кровопролития, побуждается к тому, чтобы повторить эти дела, столь прославленные».

По свидетельству одного современника, «сочинение Шевченко разошлось на Украине во множестве и было причиною сильного волнения умов, вследствие которого и теперь Малороссия находится в брожении».

5

Стихи Шевченко нашли широкое распространение в народе. «Кобзарь» зачитывали до дыр. Когда поэт в 1843 году, после многих лет отсутствия, приехал на родину, он услышал из уст крестьян и кобзарей свои песни и думы.

Шевченко посетил знакомые места на Украине, повидал родных, томившихся под ярмом крепостничества. «Везде был и всё плакал, — писал поэт другу: — разорили нашу Украину».

Шевченко был радушно и покровительственно принят в помещичьих усадьбах. Но блеск барских домов не мог отвлечь поэта от мыслей о братьях-крепостных, о нищих селах, о тяжелом, подневольном труде, ценой которого куплена показная роскошь помещичьего быта.

В дымных хатах, где из каждой щели сквозили нужда и бесправие, он чувствовал себя среди близких и родных.

Поэт не раз вспоминал потом, в далекой ссылке:

...В том краю
Я вырос в хате, не в раю —
Я видел ад... Там гнет, забота,
Неволя, тяжкая работа..

Украинские паны-националисты хотели сделать Шевченко «своим человеком». Напрасные старания!

Борьба с крепостничеством и самодержавием стала основной темой его поэзии:

Нет, запоем мы песню славы
На пепелище роковом,
Мы цепь неволи разорвем,
Огонь и кровь мы на расправу
В жилища вражьи принесем.

«Вражьи жилища» — это усадьбы жестоких помещиков-крепостников.

Шевченко писал по-русски эти стихи, полные страстного стремления к свободе, которую надо завоевать вооруженной силой.

Под влиянием виденного на Украине, под впечатлением тяжелого положения закрепощенных крестьян поэт проникался революционным пафосом борца.

Шевченко не прятал своих чувств и мыслей перед кичливыми украинскими панами. Поэт правильно оценивал грошовый либерализм тех украинских помещиков, которые притворялись друзьями крестьян, а в действительности оказывались жестокими крепостниками. «Куда ни гляну, везде не люди, а змеи. Зачем я тут и что мне делать между ними!» — восклицает Шевченко.

В феврале 1844 года Шевченко уехал в Петербург. Он хотел поскорее окончить Академию художеств, мечтая затем переселиться на Украину. Еще путешествуя по родным местам, он задумал издать серию рисунков

«Живописная Украина». Ему удалось выпустить в Петербурге только шесть офортов этой серии — картины из прошлого Украины, из быта родного народа.

Один из офортов изображал приношение даров от трех держав Богдану Хмельницкому и украинскому народу в 1649 году. Шевченко запечатлел важный эпизод из родной истории, предшествовавший воссоединению Украины с Россией. Три посла — из Царьграда (Константинополя), Варшавы и Москвы — прибыли с богатыми дарами для переговоров к Богдану Хмельницкому. На офорте Шевченко изобразил льстивые фигуры послов Турции и шляхетской Польши и противопоставил их спокóйному, мудрому русскому послу.

Знаменательно, что Шевченко как художник обратился к исторической теме из эпохи Богдана Хмельницкого, когда осуществились вековые чаяния и стремления украинского народа, воссоединившегося с великим русским народом.

Шевченко вместе с передовыми деятелями русской культуры высоко оценивал прогрессивное значение этого события, связанного с деятельностью Богдана Хмельницкого, «великого война и великого политика», по определению В. Г. Белинского. Революционные демократы, отстаивая право Украины на национальную независимость, ведя борьбу против позорной политики царизма, натравливавшего народы России друг на друга, понимали огромное значение исторического акта Переяславской рады. В. Г. Белинский писал: «Слившись навеки с единокровною ей Россиею, Малороссия отворила к себе дверь цивилизации, просвещению, искусству, науке... Вместе с Россиею ей предстоит теперь великая будущность...»

Совместная борьба всех народов царской империи против внешних врагов, против самодержавия и крепостничества сплачивала их, укрепляла их нерасторжимую дружбу.

В июне 1844 года Шевченко написал сатирическую поэму «Сон». До сих пор Шевченко еще не поднимался до таких вершин обличительной поэзии. Он изобразил ужасающую картину царского и помещичьего произвола в России времен Николая I. Он показал Петербург, построенный на костях трудового народа, показал царских вельмож, «пузатых бар», самого «царя-батюшку» — жестокого палача и угнетателя народов.

Шевченко, обратившись к прошлому, резко осудил и Екатерину II за то, что она создавала свою империю, угнетая народные массы. Великий украинский поэт обличал и Петра I, его жестокость к трудовому люду.

В поэме «Сон» Шевченко вспоминает участников восстания 1825 года — декабристов, которые поднялись против самодержавного режима. Поэт взволнованно говорит о борцах за свободу, томящихся на каторге в Сибири. В них для поэта воплощена идея свободы.

Гневными словами Шевченко бичует царя, угнетателя народов:

О царь окаянный!
Царь проклятый и лукавый,
Аспид ненасытный!

Разумеется, Шевченко не мог и мечтать о том, чтобы напечатать поэму «Сон». Но он читал ее верным друзьям и давал переписывать.

Передовая молодежь была глубоко взволнована сатирическими сценами этой поэмы. Один юноша писал: «Последнее сочинение, приобретенное мной, есть «Сон». Это гениальная сатира, отразившая в себе так метко пороки петербургских придворных вельмож, карающая так грозно наших мучителей...»

В год создания своего знаменитого стихотворения «Завещание» (1845), в котором звучал прямой призыв к

вооруженному восстанию, Шевченко написал, тоже в Переяславе, поэму «Кавказ».

Поэт преклонялся перед силой воли и мужеством народов, населяющих Российскую империю, и призывал их к совместной борьбе против общих угнетателей.

В поэме «Кавказ» Шевченко характеризует империю Николая I как тюрьму, в которой

От молдаванина до финна
На всех языках все молчат...

Поэт воодушевляет поработанные народы, зовя их к восстанию:

Вы боритесь — поборете!
.....
С вами правда, с вами слава
И воля святая!

Шевченко создает мужественный образ Прометей, сердце которого клюет орел, но убить титана не может, потому что Прометей — народ — бессмертен:

И душа не гибнет наша,
Не слабеет воля,
Ненасытный не распашет
На дне моря поля.
Не скует души бессмертной,
Не осилит слова..

Эти пламенные строки воодушевляли не только современников Шевченко, но и их потомков. В 1908 году выдающийся русский художник И. Е. Репин сделал акварельный набросок «Прометей» и подписал: «Памяти великого народного поэта Украины».

Революционные призывы Шевченко находили горячий отклик в народных массах. По многочисленным свидетельствам современников, поэт сам читал свои произведения крестьянам и городским беднякам.

Характерно, что провокатор Липранди, предавший революционный кружок петрашевцев в Петербурге, доносил, что на Украине умы находились «в брожении от семян, брошенных сочинениями Шевченко». Об этом говорит в своих воспоминаниях и член кружка Петрашевского Моммбели, познакомившийся с Шевченко в Петербурге: «Если бы намерения Шевченко осуществились, весь юг и запад России взяли бы за оружие».

7

В марте 1845 года Тарас Шевченко получил диплом об окончании Академии художеств со званием свободного художника.

Он снова отправился на Украину. По поручению Археологической комиссии Шевченко ездил по Волини и Подолии, Киевщине и Полтавщине, зарисовывая памятники украинской старины. Осматривая и изучая эти памятники, поэт думал о судьбах родного народа: «Что же говорят, о чем свидетельствуют эти угрюмые свидетели прошедшего? О деспотизме и рабстве! О хлопах и магнатах!.. Что же говорят пытливому потомку эти частые темные могилы на берегах Днепра и грандиозные руины дворцов и замков на берегах Днестра? Они говорят о рабстве и свободе... А моя прекрасная, могучая, вольнолюбивая Украина туго начиняла своим вольным и вражьем трупом неисчислимые огромные курганы. Она своей славы на поталу не давала, врага деспота под ноги топтала и — свободная, нерастленная — умирала. Вот что значат могилы и руины. Не напрасно грустны и унылы ваши песни, задумчивые земляки мои. Их сложила свобода, а пела тяжкая одинокая неволя».

В украинских селах Шевченко общался с крестьянами, читал им свои политические стихи и поэмы, направленные против самодержавия и крепостничества. Его по-

пулярность среди народа непрерывно возрастала. Поездки по Украине обогащали поэта и художника; он собирал ценные образцы народного творчества. Шевченко впитывал в себя богатство живой народной речи, запоминал и записывал песни, легенды, сказания, исторические думы.

1845—1846 годы были порой большого творческого расцвета Тараса Шевченко. В это время он написал поэмы «Еретик», «Батрачка», «Ведьма», «Слепой» («Невольник») и много прекрасных лирических стихотворений.

Поэма «Еретик» была посвящена чешскому ученому Шафарику, автору книги «Славянские древности».

История славян давно уже привлекала Шевченко, и книга Шафарика его очень заинтересовала. Страстный патриот, Шафарик мечтал о том времени, когда все славяне объединятся в дружный союз. Шевченко был взволнован его пламенными словами о грядущем братстве свободных славянских народов.

С гневом вспоминал Тарас Шевченко в своей поэме о немецких рыцарях-захватчиках, которые в течение столетий жгли и грабили славянские земли, разъединили славянские народы и пустили между ними «усобиц лютую змею».

Обращаясь к Шафарику, который описал жестокую борьбу чехов с немецкими завоевателями и прославил доблесть и героизм славян-патриотов, Шевченко восклицал:

Будь же славен ты, Шафарик,
Во веки и веки,
Что в одно собрал ты море
Славянские реки!

В поэме «Еретик» Шевченко создал героический образ чешского реформатора XV века Яна Гуса, сожженного католическими монахами. Поэт изобразил Гуса по-

борником народной правды, смело выступающим против немецких баронов-захватчиков и католических князей церкви.

Шевченко начал свою поэму словами:

Кругом неправда и неволя,
Народ замученный молчит...

И современники мысленно переносили действие поэмы в свое тяжелое время, когда вокруг царили гнет и насилие.

Ян Гус звал народ к борьбе, и на его горячий призыв собирались обездоленные, ограбленные крестьяне. Но жирные, откормленные монахи, кардиналы, бароны — «лютые звери в овечьей шкуре», — прикрывшись «божьим словом», осудили Гуса на сожжение.

Ян Гус погиб смертью героя, но слово правды осталось жить, зовя народ к борьбе за свободу и счастье.

Поэма «Еретик», нелегально распространявшаяся среди революционно настроенной молодежи, была широко известна в России.

В 1846 году в Киеве Шевченко сблизился с молодым ученым, историком Н. И. Костомаровым, вокруг которого группировалась украинская либеральная интеллигенция. Поэт познакомился с друзьями — единомышленниками Костомарова, мечтавшего о создании федерации славянских народов, о дружеском объединении славян.

Поэзия Шевченко произвела большое впечатление на Костомарова и его друзей. «Я увидел, — писал Костомаров, — что муза Шевченко раздирала завесы народной жизни. И страшно, и сладко, и больно, и упоительно было заглянуть туда». Действительно, смешанные чувства боролись в Костомарове. Этот умеренный либерал видел правду в гневных нападках Шевченко на крепостничество и самодержавие, но его охватывал страх перед

народным восстанием. Он надеялся, что мирным путем, при помощи просвещения можно искоренить «рабство и всякое унижение низших классов».

Костомаров был одним из организаторов тайного общества — Кирилло-Мефодиевского братства, — выдвигавшего путаную программу объединения славянских народов, уничтожения крепостничества и распространения просвещения в массах.

Шевченко, которому Костомаров сообщил планы и устав кирилло-мефодиевцев, заинтересовался деятельностью этого общества. Его привлекали антикрепостнические тенденции «братчиков», хотя, по свидетельству Костомарова, Шевченко отнесся к идеям общества «с большим возбуждением и крайней нетерпимостью».

Между «братчиками» не было единства во взглядах. Либералы, возглавляемые Костомаровым и Кулишем, боялись революционных действий и надеялись на мирное преобразование страны. Другие члены общества (Гулак, Навроцкий, Посяда и др.) стояли за освобождение крестьян путем вооруженного восстания. Их вдохновителем был Шевченко. Он принимал участие в тайных собраниях общества, происходивших на квартире Гулака. Шевченко читал на этих собраниях свои революционные стихи и часто выступал с горячими речами, упрекая членов общества за то, что они только говорят, а не действуют.

Шевченко в это время много рисовал и писал. Его стихи проникали все глубже в народ. Тайная полиция — III Отделение — следила за поэтом.

В марте 1847 года был сделан донос на братство. В доносе указывалось, что на собраниях братства читались «явно противозаконные» стихи Шевченко, содержав-

шие недопустимые нападки на царскую фамилию. Тайное общество было разгромлено, а члены его арестованы.

Шевченко в это время ездил по Украине. Когда он возвращался в Киев, у переправы через Днепр его арестовали. С ним находился опасный багаж — его стихи, в том числе и поэма «Сон».

Шевченко был доставлен в Петербург, в III Отделение, где велось следствие по делу Кирилло-Мефодиевского братства. Вещи, оказавшиеся при Шевченко, стихи и его переписка также были сданы в III Отделение.

Члены братства легко убедили жандармов в том, что мечтали об объединении славянских народов под властью русского царя. Большинство из них было мягко наказано за эти мечтания.

Иначе поступили с Шевченко. Поэт понес жестокую кару за свое творчество. Свободолюбивый и непреклонный, он с достоинством заявил на допросе, что писал революционные стихи потому, что, «будучи еще в Петербурге, слышал везде дерзости и порицания на государя и правительство». Нищета и ужасное угнетение крестьян помещиками на Украине вызвали в нем еще большую ненависть, еще более сильное негодование.

Шевченко был приговорен к ссылке и определен рядовым солдатом Оренбургского линейного батальона. Поэта отдали под строжайший надзор, «дабы от него, ни под каким видом, не могло выходить возмутительных и пасквильных сочинений».

На приговоре Николай I собственноручно добавил: «Под строжайший надзор, с запрещением писать и рисовать».

«Если бы я был изверг, кровопийца, то и тогда для меня удачнее казни нельзя было бы придумать», — вспоминал впоследствии поэт.

Десять лет бездушной муштры, издевательств тупых и жестоких начальников обострили ненависть Шевченко

к царскому строю. «Трудно, тяжело, невозможно заглушить в себе всякое человеческое достоинство, стать навзрыжку, слушать команду и двигаться, как бездушная машина», — писал Шевченко.

Унижения и жестокости не сломили в нем твердости убеждений, пылкости чувств, веры в человека и его лучшее будущее.

«Терзаюсь, мучусь, но не каюсь» — вот данная самим Шевченко характеристика его переживаний в эти тяжелые годы.

Никакие запреты и угрозы не могли пресечь его творчество. Он писал стихи, сидя в каземате III Отделения, в Петербурге; писал он и рисовал и в долгие годы ссылки. Судьба родины волновала его больше, чем личная судьба.

«Мне, право, все равно, я буду на Украине жить или нет», — писал Шевченко.

...и лишь одно,
Одно лишь мне не все равно:
Что Украину злые люди,
Лукавым убаюкав сном,
Ограбят и в огне разбудят.
Ох, это мне не все равно!

В далекой Орской крепости (в двухстах километрах от Оренбурга), приютившись где-нибудь у крепостного вала, поэт писал стихи в маленьких самодельных книжечках, а затем прятал свои произведения за голенище сапога, чтобы никто не мог их обнаружить при обыске.

В бурой, выжженной степи поэт вспоминал о своей родине, о далекой Украине, о широком, привольном Днепре. Вновь и вновь рисовал он себе славные страницы освободительной борьбы родного народа против иноземных захватчиков, и печальное положение родины в годы крепостничества, и картины лучшего будущего. Он

мечтал о крестьянском восстании, о полной победе над царем и помещиками. В поэме «Варнак» он рисует такое восстание, когда, «как поросычья кровь», лилась кровь помещиков, когда его герой «резал все, что паном звалось, без милосердия и зла».

И порой, заглядывая в будущее, он видел освобожденные от угнетателей «широкие села, а в веселых этих селах жизнь людей веселых».

С грустью Шевченко добавляет: «Может, так оно б и стало, если б не осталось злых панов на Украине!»

В тяжелой неволе судьба Шевченко всецело зависела от характера и настроений его начальства. Иногда он попадал в более «благоприятные» условия. В 1848 году начальник экспедиции к берегам Аральского моря Бутаков взял Шевченко с собой для зарисовки видов. Пришлось пройти через безводную, безлюдную пустыню, испытать качку на неверном Аральском море, зазимовать на острове Кос-Арал. Но все это было лучше, чем жить в зловонной казарме и переносить солдатскую муштру.

В Кос-Арале родилось много прекрасных стихотворений. Здесь Шевченко создал и лирические песни: грустные, веселые, плясовые. Здесь написал он много автобиографических стихов, вспоминая дни детства и юности.

К осени 1849 года экспедиция вернулась в Оренбург. Рисунки Шевченко — виды Аральского моря — были отправлены начальству с ходатайством об облегчении участи ссыльного. Результат получился обратный. Из Петербурга пришел приказ об ухудшении положения рядового Шевченко. Николай I лично позаботился об этом. Поэта отправили в отдаленное Новопетровское укрепление, на северо-восточном берегу Каспийского моря. Слежка за Шевченко усилилась. Вторично строжайше было запрещено писать и рисовать.

Однако поэт не сдавался. С риском для жизни он ра-

ботал. В письмах к друзьям он часто просил прислать ему книги, по которым особенно тосковал: Лермонтова, Кольцова, Гоголя. С большой теплотой Шевченко отзывался о Гоголе, которому он еще в 1844 году посвятил проникновенное стихотворение («Гоголю»). Прося прислать «Мертвые души», поэт писал одному из своих друзей: «...Я всегда читал Гоголя с наслаждением... Перед Гоголем должно благоговеть, как перед человеком, одаренным самым глубоким умом и самую нежную любовью к людям!.. Истинный вездатель сердца человеческого, самый мудрый философ! И самый возвышенный поэт должен благоговеть перед ним, как перед человеколюбцем!»

В Новопетровской крепости Шевченко написал ряд повестей на русском языке: «Художник», «Музыкант», «Княгиня», «Близнецы» и другие. В этих повестях содержится богатый автобиографический материал. Шевченко рассказывает о своем детстве, о годах ученичества, правдиво рисует образы друзей и врагов.

Велика была моральная сила Шевченко. Когда, в 1857 году, его наконец освободили, поэт воспрянул, как будто сбросил с себя тяжесть долгих лет ссылки. «Мне кажется, что я точно тот же, что был и десять лет тому назад. Ни одна черта в моем внутреннем образе не изменилась. Хорошо ли это? Хорошо...» — писал он в «Дневнике».

9

Летом 1857 года Шевченко покинул Новопетровское укрепление. В лодке пересек он Каспийское море и прибыл в Астрахань. Отсюда на пароходе «Князь Пожарский» он выехал вверх по Волге.

Этапы этого путешествия, большие и малые события 1857—1858 годов запечатлены в записях поэта, в его «Дневнике». «Дневник», который Шевченко вел на рус-

ском языке «для милых, искренних друзей, для памяти минувших дней», дает нам живой портрет стойкого и непримиримого революционера-демократа, исполненного горячей любви к угнетенному народу и ненависти к помещикам-крепостникам и самому царю. Николай I для него — злейший враг, которого он именует то «дрессированным медведем», то «неудобозабываемым тормозом», то «коронованным палачом».

Ненавидя царя и его приспешников, Шевченко с любовью относился к русскому народу, который был всегда надежным союзником и защитником в освободительной борьбе украинского народа; благодаря русскому народу украинский народ сохранил себя как нацию.

Шевченко живо интересовался русской историей, ее героями. Он записывает народные сказания «про славного рыцаря Стеньку Разина», он интересуется историческими памятниками Астрахани, Саратова, Казани, Нижнего Новгорода.

В «Дневнике» Шевченко высказывает глубокие мысли о музыке, живописи, литературе, философии, науке и политике.

По возвращении из ссылки он жадно читал русскую демократическую литературу, которую ему с трудом удавалось находить в последние годы. Еще на пароходе Шевченко раздобыл у капитана Кишкина нелегальную литературу, запрещенную царской цензурой. Он увлекался произведениями Рылеева и особенно Салтыковым-Щедриным, который «подал голос за бедную, грязную, опасную чернь». Он восторженно переписал в свой «Дневник» поэму Барбье «Собачий пир», где изображено народное восстание в Париже.

Мысли Шевченко все время были обращены к революционной борьбе. Подняв на палубе парохода смятый листок газеты «Русский инвалид», Шевченко прочитал речь вождя китайских повстанцев Хун Сю-цюаня (Гонга)

к своим войскам. В этой речи Гонг воодушевлял участников народного тайпинского восстания к борьбе с мандаринами (высшими китайскими чиновниками), которых называл «жирным убойным скотом». Шевченко, переписав эту речь в «Дневник», заметил от себя: «Скоро ли во всеуслышание можно будет сказать про русских бояр то же самое?»

Проезжая мимо одного села, Шевченко узнал, что недавно местные крестьяне подожгли помещичий хлеб. Он почувствовал в этом проблеск народного возмущения крепостничеством и занес в «Дневник»: «Отрадное происшествие».

Когда Шевченко прибыл в Нижний Новгород, ему было объявлено, что въезд в царскую столицу для него закрыт. Ему пришлось прожить около полугода в Нижнем.

«Теперь я на воле... На такой воле, как собака на привязи», — писал из Нижнего Шевченко своему другу, знаменитому актеру М. С. Щепкину.

Семидесятилетний Щепкин откликнулся на призыв Шевченко и лютой зимой 1857 года приехал на несколько дней в Нижний, чтобы скрасить вынужденное пребывание там поэта.

Великому актеру и верному другу посвятил Шевченко свое произведение, написанное в Нижнем, — поэму «Неофиты».

Поэт перенес действие в древний Рим, в царствование Нерона, в образе которого вывел Николая I. Он показал современную ему крепостническую, самодержавную Россию и под видом неофитов изобразил «мучеников за свободу» — декабристов. С величайшей любовью относился Шевченко к декабристам, о которых говорил благоговейно, как о «первых русских благовестителях свободы».

Здесь же, в Нижнем, Шевченко написал еще несколько ярких лирических стихотворений. В одном из них, обращаясь к своей доле, поэт говорит:

Мы не лукавили с тобою,
Мы прямо шли, и ни зерна
У нас неправды за собою.

И действительно, правдив от начала до конца был путь Шевченко.

10

25 февраля 1858 года Шевченко получил радостное сообщение: ему разрешили въезд в Петербург.

В начале марта он выехал на санях из Нижнего и направился сначала в Москву, чтобы еще раз повидаться со Щепкиным и другими друзьями.

В Москве Шевченко бывал и раньше: ему приходилось проезжать через этот город по дороге из Петербурга на Украину. Но это было давно, и он не видел Москвы с 1845 года.

Поэт остановился у своего друга Щепкина, и старый актер радостно принял Шевченко.

В гостеприимном доме Щепкина бывали писатели, актеры, общественные деятели. Они тепло отнеслись к поэту и наперебой приглашали его к себе. В «Дневнике» находим отголосок встреч Шевченко с писателем С. Т. Аксаковым, поэтом-переводчиком Д. Е. Мином, переводчиком Шекспира Н. Х. Кетчером, профессором славянских языков О. М. Бодянским, московскими художниками и музыкантами.

«В Москве более всего радовало меня то, что я встретил в просвещенных москвичах самое теплое радушие лично ко мне и непритворное сочувствие к моей поэзии», — записывал Шевченко.

25 марта Шевченко по недавно выстроенной железной дороге выехал из Москвы в Петербург.

Тарас Григорьевич был восторженно встречен передовым Петербургом. Перед ним раскрылись двери литера-

турных салонов, он находился среди выдающихся деятелей русской культуры. Вместе с другими писателями Шевченко выступал на литературных вечерах и пользовался огромным успехом. Особенно он сблизился с литераторами, объединявшимися вокруг журнала «Современник».

Непримиримый враг царизма и крепостничества, заключенный в ссылке, Тарас Шевченко стал другом и соратником революционных демократов. И Чернышевский и Добролюбов приняли Шевченко как великого украинского поэта. Они оценили его революционный пыл, они подняли на щит поэта-обличителя. Вместе с Чернышевским Шевченко говорил о невозможности мирным путем разрешить крестьянский вопрос в России.

В зарубежном издании Герцена «Колокол» 1 октября 1858 года было помещено обращение к крестьянству России: «Слышите ли вы, бедняки, нелепы ваши надежды на меня, говорит вам царь. На кого же надеяться теперь? На помещиков? Никак. Они заодно с царем, и царь явно держит их сторону. На себя только надейтесь, на крепость рук своих: заострите топоры — и за дело...»

К топору звал и Шевченко в своих стихах. Его земляки — буржуазные либералы Костомаров, Кулиш и другие, жившие теперь в Петербурге, — надеялись, что новый царь, Александр II, даст наконец освобождение крестьянам. Но Шевченко слишком хорошо знал, что значит царская милость. Он писал:

...Доброго не жди —
Напрасно воли поджидаем:
Придавленная Николаем,
Заснула. Чтобы разбудить
Беднягу, надо поскорее
Обух всем миром закалить
Да наточить топор острее
И вот тогда уже будить.

В этот период политические стихи Шевченко были особенно сильны. Один из современников писал: «Обличения

Шевченко стали безудержными; он разит и бьет; он весь пылает каким-то бешеным, всеистребляющим огнем».

Не только общность политических позиций связала Шевченко с вождями русской революционной демократии. В области философии, эстетики, этики Шевченко также стоял на позициях Чернышевского и Добролюбова. Он рассматривал искусство и литературу как мощную общественную силу, как оружие в борьбе за раскрепощение народа.

Художник Шевченко занялся «прекраснейшим, благороднейшим» искусством гравера. «Быть хорошим гравером — значит быть распространителем прекрасного и поучительного в обществе, значит быть распространителем света истины», — писал он.

Стремление к истине, к правдивости, к высокому идейному искусству проходит через всю деятельность Шевченко. Эта деятельность для него — конкретная форма борьбы за лучшее будущее человечества.

В 1859 году Шевченко в последний раз побывал на Украине. Он посетил свою родину, своих родных и увидел ту же бедную, подневольную жизнь, тот же каторжный труд за кусок хлеба. И там он все время находился под тайным надзором полиции. Его беседы с крестьянами подслушивались жандармами и сыщиками. В конце концов он снова был арестован.

В полицейских донесениях указывалось, что Шевченко произносил богохульственные речи и говорил, что «не надо ни царя, ни попов, ни панов».

С трудом поэту удалось добиться освобождения. Ему запретили жить на Украине и вернули в Петербург. Он поселился на антресолях в доме Академии художеств и опять занялся граверным искусством.

Шевченко многого достиг в области офорта и гравюры. За великолепные работы он получает в 1860 году звание академика гравюры.

В том же году Шевченко после длительных хлопот и бесконечной переписки с III Отделением, цензурным комитетом и министром просвещения получил возможность издать «Кобзарь». Разумеется, такие революционные произведения поэта, как «Сон», «Кавказ», «Еретик», «Завещание», не вошли в эту книгу.

Добившись наконец разрешения цензуры на новое издание «Кобзаря» в Петербурге, Шевченко писал: «Сегодня цензура выпустила из своих когтей мои несчастные песни и так, проклятая, их почистила, что я едва узнал моих деточек».

Революционные демократы старались широко распространить стихи Тараса Шевченко и ознакомить читателей с его жизнью. В журнале «Современник» появилась статья Н. А. Добролюбова о «Кобзаре». Революционный демократ М. И. Михайлов, ближайший друг и соратник Чернышевского, приветствовал новое издание стихотворений Шевченко в журнале «Русское слово». Он писал: «Тесная связь певца с народом, связь и кровная и нравственная, одинаковые радости, одинаковые страдания дали характер чисто народный его песням». Михайлов подчеркивал в Шевченко «силу поэтического чувства, глубокое сердечное понимание лишений и нужд, печалей и радостей народных». В обеих статьях была помещена автобиография Тараса Шевченко. М. И. Михайлов был одним из первых переводчиков Шевченко на русский язык. Заключенный в Петропавловскую крепость, Михайлов вспоминал стихи великого украинского поэта, о чем свидетельствует его письмо из крепости.

Поддержанный кружком Чернышевского, Шевченко создает цикл новых стихов, в которых с новой силой разит царя и помещиков. Он предсказывает, что близок тот день, когда царя на плаху поведут, когда «врага не будет, супостата, а будут сын и мать. Тогда-то лишь люди будут на земле».

Поэт ждал того великого часа, когда придет «святая правда», то-есть когда победит народ и начнется новая жизнь не только на его родине, но и на всей земле.

Чтобы обойти бдительность цензуры, Шевченко часто обращался к темам, сюжетам и образам из библии и евангелия. Он писал якобы подражания древним библейским пророкам, прибегал к туманным образам и сравнениям, но сквозь эту завесу резко проступали призывы поэта-демократа к борьбе с царями, помещиками и попами. Устами пророка Исаии Шевченко вещал о будущем:

...Потекут,
Взыграют реки, а озера
Вокруг лесами порастут,
Весельем птичьим оживут.

Оживут озера, степи —
И не верстовые,
А широкие, как воля,
Дороги святые
Опяшут мир. Не сыщет
Тех дорог владыка;
Но рабы на тех дорогах
Без шума и крика
Братски встретятся друг с другом
В радости веселой —
И пустыней завладеют
Веселые села.

Шевченко радостно смотрел вперед, видел перспективы светлого будущего. Но он сознавал, что это будущее должно быть завоевано в упорной и решительной борьбе. Под видом молитвы поэт провозглашал боевые лозунги:

Царей, кровавых шинкарей,
Ты люто путами окуй,
В глубоком склепе замуруй!

Рабочим людям, всеблагий,
Сынам ограбленной земли
Свою ты силу ниспошли!

Революционные стихи Шевченко в многочисленных рукописных списках ходили в народе. Друг поэта Курочкин и другие писатели переводили его стихи на русский язык. Слава о мужественном kobzare распространялась по всей стране. Грузинский общественный деятель Кипанини писал из Петербурга своей жене в Грузию: «Вчера я был на публичном чтении писателей в Пассаже. Читали: Достоевский, Писемский — так себе; Шевченко — поэт и художник, — наоборот, прекрасно. Зал был переполнен».

Выдающийся грузинский писатель Акакий Церетели, в ту пору бывший студентом Петербургского университета, встретился с Шевченко. Он рассказал украинскому поэту о жизни грузинского народа. Шевченко, выслушав рассказ Церетели, вздохнул и заметил: «Как много общего между вашим народом и украинским!» Впоследствии Церетели писал о Шевченко: «Встреча осталась для меня светлым воспоминанием на всю жизнь. Признаюсь, он первый дал мне понять, как надо любить родину и родной народ».

Шевченко была чужда мысль о какой-либо расовой или национальной исключительности. Все трудовые люди, независимо от национальности, были для него соратниками в борьбе против угнетателей. Когда в Петербурге гастролировал знаменитый негритянский трагик Айра Олдридж, Шевченко, плененный его талантом, подружился с ним. Олдридж часто приходил в мастерскую Шевченко. Тарас Григорьевич писал его портрет и при этом пел украинские народные песни. Олдридж отвечал ему негритянскими. Они понимали друг друга без слов. Украинского поэта, перенесшего столько тяжелых испытаний, волновало и возмущало то, что Олдридж был лишен возможности играть на своей родине: в Америке неграм доступ на сцену был закрыт, и актер, объезжавший с триумфом Европу, не мог показать свое искусство

белым соотечественникам — американцам, которые лицемерно кичились своими фальшивыми «демократическими свободами».

Шевченко был полон самых широких творческих планов, подготовил к изданию «Букварь» для украинских крестьян, хотел написать новые поэмы и стихи, изготовить офорты, рисующие казарменную жизнь и быт украинской деревни. Особенно часто его мысли обращались к Украине, к ее подневольному народу, к родным, которые все еще были крепостными.

Русские литераторы во главе с Чернышевским принимали меры к облегчению участи родственников Шевченко. Друзья Шевченко обратились с просьбой к помещику, владевшему родными Шевченко, освободить их «из уважения к литературе вообще и в частности к заслугам Тараса Григорьевича».

Но помещик соглашался отпустить на волю родных поэта, в том числе его любимую сестру Ярину, только без земли. Это обрекало их на голодную смерть.

Шевченко так и не увидел своих родных вольными. Они получили отпускную только после его смерти, по царскому манифесту 1861 года.

Измученный лишениями ссылки, тюрьмами и солдатчиной, поэт задумал поселиться на Украине, среди той природы, которую он так любил и так великолепно воспевал. Но из этих планов ничего не вышло. Его сразила тяжелая болезнь (водянка). Утром 10 марта 1861 года Шевченко умер. Ему было всего сорок семь лет.

Не сразу исполнилось желание поэта быть похороненным на Украине. В холодный мартовский день над раскрытой могилой на Смоленском кладбище, в Петербурге, собрались многочисленные друзья.

Много было пролито слез над могилой, много сказано сердечных слов. Прощальные речи звучали на украинском, русском и польском языках. В похоронах участво-

вали Некрасов, Салтыков-Щедрин, Тургенев, Курочкин и многие другие известные писатели.

Н. А. Некрасов написал стихотворение на смерть Шевченко, которого назвал «русской земли человек замечательный». Осуждая самодержавный режим, загубивший поэта, Некрасов писал о Шевченко:

Все он изведал: тюрьму петербургскую,
Справки, доносы, жандармов любезности,
Все — и раздольную степь Оренбургскую
И ее крепость... В нужде, в неизвестности
Там, оскорбляемый каждым невеждою,
Жил он солдатом — с солдатами жалкими.
Мог умереть он, конечно, под палками,
Может, и жил-то он этой надеждою.

Герцен, которому Шевченко за год до смерти переслал за границу «Кобзарь», поместил в зарубежном «Колоколе» проникновенный некролог.

Через сорок дней было получено разрешение перевезти тело поэта на Украину. На том месте, где Шевченко мечтал поселиться, высоко над Днепром, неподалеку от города Канева, схоронили народного певца.

Смерть Шевченко вызвала волну народных манифестаций. К могиле поэта стекались людские толпы, она стала символом объединения народных сил Украины. О могиле возникали легенды: говорили, что в ней зарыто оружие, которое в должный час возьмут в руки крестьяне-повстанцы и пойдут на царя и помещиков. Имя Шевченко и после его смерти вызывало страх и ненависть царских властей. Его произведения запрещались или искажались цензурой. В столетие со дня рождения поэта, в 1914 году, было запрещено чествование его памяти. В. И. Ленин писал по этому поводу: «После этой меры миллионы и миллионы «обывателей» стали превращаться в сознательных граждан и убеждаться в правильности

того изречения, что Россия есть «тюрьма народов» (Сочинения, изд. 4-е, т. 20, стр. 199).

В 1939 году братская семья советских народов, раскрепощенных Великой Октябрьской социалистической революцией, достойно отметила двадцатипятилетие со дня рождения великого украинского поэта. На могиле Шевченко, на Чернечьей горе, близ Канева, воздвигнут величественный памятник. Бронзовая фигура певца украинского народа высится над широкой гладью Днепра, над лугами и полями Украины. В этот юбилейный день, цветущей весной 1939 года, поэты национальных республик Советского Союза читали на могиле Шевченко его знаменитое «Завещание» — каждый на своем родном языке. Это было выражением дружбы и нескрушимого единства советских народов, того единства, с которым так страстно мечтал поэт.

За годы советской власти произведения Тараса Шевченко изданы на тридцати восьми языках народов СССР тиражом свыше восьми миллионов экземпляров. Широко известны его произведения в странах народной демократии. Они изданы на польском, чешском, словацком, болгарском, румынском, немецком и других языках. В Китае стихотворения Шевченко вышли в переводе известного поэта Эми Сяо.

Шевченко вошел в историю мировой литературы как великий народный поэт.

Народность поэзии Шевченко высоко ценили его друзья — революционные демократы. Добролюбов писал о нем: «Он — поэт совершенно народный... Весь круг его дум и сочувствий находится в совершенном соответствии со смыслом и строем народной жизни. Он вышел из народа, жил с народом и не только мыслию, но обстоятельствами жизни был с ним крепко и кровно связан».

Максим Горький также отмечал неразрывную связь поэзии Шевченко с родным народом: «Шевченко, Пуш-

кин, Мицкевич — люди, воплощающие дух народа с наибольшею красой, силой и полнотою».

Кровное единство творчества Шевченко с судьбами народа определило и идейное содержание его поэзии и ее художественную форму, столь богатую образами, ритмами, сравнениями, эпитетами. Музыкальность стиха Шевченко поразительна. Он в совершенстве владел поэтическим оружием — словом, и о силе этого оружия сам сказал с большой ясностью:

...Возвеличу
Рабов и малых и немых!
Я стражем верным возле них
Поставлю слово..

Он создал новый, яркий поэтический язык, оказавший мощное влияние на литературу последующих поколений.

Тарас Шевченко по праву считается основоположником новой украинской литературы. Как Пушкин в русской поэзии, Шевченко создал свой поэтический язык, реалистически точный, насыщенный образами, мыслями и чувствами родного народа.

Украинские писатели-демократы Иван Франко, Михаил Коцюбинский, Леся Украинка, Панас Мирный, Павло Грабовский и другие свято хранили и продолжали революционные традиции своего учителя Тараса Шевченко.

В творчестве Шевченко отразились самые прогрессивные идеи эпохи, самые передовые устремления русской общественности, выражавшие заветные думы и чаяния народа. Именно поэтому так велико общенациональное значение Тараса Шевченко.

В автобиографии поэта есть такие замечательные строки: «История моей жизни составляет часть истории моей родины».

Любовь к родине была у Шевченко неразрывно связана с любовью к трудовому народу.

В дошедшем до нас отрывке из драмы «Никита Гайдай», написанной на русском языке, поэт воспевает высокие патриотические чувства:

Святая родина! святая!
Иначе как ее назвать?
Ту землю милую, родную,
Где мы родились, росли
И в колыбели полюбили
Родные песни старины.
. . . . .
В ком нет любви к стране родной,
Те сердцем нищие калеки,
Ничтожные в своих делах
И суетны в ничтожной славе.

Великий сын украинского народа, поэт и революционный демократ Тарас Григорьевич Шевченко сыграл огромную роль в развитии социального и национального самосознания угнетенного крестьянства. Жизнь и творчество Шевченко — поучительный пример беззаветного служения родине, любви к народу и ненависти к врагам.

Александр Дейч

С Т И Х О Т В О Р Е Н И Я

И

П О Э М Ы

*

*
**

Ревет и стонет Днепр широкий¹,
Сердитый ветер листья рвет,
До долу клонит лес высокий
И волны грозные несет.

А бледный месяц той порою
За темной тучею блуждал:
Как челн, застигнутый волною,
То выплывал, то пропадал.

Еще в селе не просыпались,
Петух зари еще не пел...
Сычи в лесу перекликались,
Да яшень гнулся и скрипел.

1838
Петербург

*
**

Ветер буйный, ветер буйный,
С синим морем споришь, —
Встряхни его, взволнуй его,
Поговори с морем.
Оно милого бывало
На волне качало;
Далеко ли сине море
Милого умчало?

---

¹ Самое раннее из сохранившихся произведений Шевченко, представляющее вступление к балладе «Порченная». Это стихотворение стало популярнейшей народной песней.

Если друга утопило, —
Разбей сине море;
Пойду искать миленького,
Топить свое горе.
Утоплю свою недолю,
Русалкою стану,
Поищу в пучине черной,
На дно моря кану.
Найду его — прильну к нему,
На груди замлею.
Неси меня, море, с милым,
Куда ветер веет!
Если милый там, за морем, —
Ты, мой буйный, знаешь,
Как живет он, где ночует,
Ты его встречаешь.
Если плачет — и я плачу;
Нет — я распеваю;
Коль погиб мой чернобровый —
И я погибаю.
Тогда неси мою душу
Туда, где мой милый,
И поставь калиной красной
Над его могилой.
Будет легче сиротине
В могиле постылой,
Если милая склонится
Цветком над могилой.
И цветком я и калиной
Цвести над ним буду,
Чтоб не жгло чужое солнце,
Не топтали люди.
На закате погрузу я,
Всплакну на рассвете;
Взойдет солнце — вытру слезы,
Никто не заметит.

Ветер буйный, ветер буйный,
Ты ведь с морем споришь, —
Встряхни его, взволнуй его,
Поговори с морем...

ВЕЧНОЙ ПАМЯТИ КОТЛЯРЕВСКОГО¹

Солнце греет, ветер веет
С поля на долину,
Воду тронет, вербу клонит,
Сгибает калину;
На калине одиноким
Гнездышком играет.
Где ж соловушка сокрылся?
Где искать — не знает.
Вспомнишь горе — позабудешь:
Отошло, пропало;
Вспомнишь радость — сердце вянет:
Зачем не осталось?
Погляжу я да припомню:
Как начнет смеркаться,
Запоет он на калине —
Все молчат, дивятся.
Иль богатый да счастливый,
Кто судьбой-судьбиной
Облюбован, избалован,
Станет пред калиной;
Иль сиротка, что работать
Встает до рассвета,
Остановится послушать,
Словно в песне этой
Мать с отцом ведут беседу, —
Сердце бьется; любо...
Всё на свете точно пасха,

---

¹ Котляревский Иван Петрович (1769—1838) — классик украинской литературы, поэт и драматург. Особой известностью пользуются его шуточная поэма «Энеида», пьесы «Наталка-полтавка», «Москаль-чаривник».

Древнеримский поэт Вергилий в своей поэме «Энеида» описал приключения многострадального троянского героя Энея. После разрушения греками Трои Эней со своими друзьями долго странствовал по морям, прежде чем прибыл к берегам Италии и основал там город Рим. Пародируя «Энеиду» Вергилия, Котляревский «перелицевал» ее на украинский лад. Эней и его спутники представлены веселыми украинскими парубками. Шевченко высоко ценил живой народный юмор Котляревского, особенно в сатирических сценах поэмы «Энеида», где осмеяны паны-крепостники и чиновники-взяточники. Стихотворение написано на смерть Котляревского, последовавшую 10 ноября 1838 года.

И люди как люди.
Или девушка, что друга
Долго поджидает,
Вянет, сохнет сиротою,
Как быть ей — не знает,
На дорогу выйдет слушать
И поплакать в лозы;
Чуть соловушка зальется —
Высыхают слезы;
Послушает, улыбнется,
В лесу погуляет —
Точно с милым говорила.
А он не смолкает,

И кажется, будто он молится богу,
Пока не выходит злодей погулять
С ножом затаенным, — и эхо над логом
Пойдет и замолкнет: к чему распевать!
Жестокую душу смягчить ли злодею!
Лишь голос истратит, к добру не вернет;
Пусть тешится злобный, пока, холодея,
Не сляжет, коль ворон беду предречет.

Заснет долина. На калине
К утру соловушка заснет,
Повеет ветер по долине,
И эхо по лесу пойдет.
Гуляет эхо — божье слово...
Бедняги примутся за труд.
Стада потянутся в дубровы,

Дивчата по воду пойдут,
И солнце глянет — краше рая,
Смеется верба — свет зари,
Злодей опомнится рыдая.
Так было прежде... Но смотри:
Солнце греет, ветер веет
С поля на долину;
Воду тронет, вербу клонит,
Сгибает калину;
На калине одиноким
Гнездышком играет.
Где соловушка сокрылся?
Где искать — не знает.

Недавно, недавно над всей Украиной
Старик Котляревский вот так распевал;
Замолк он, бедняга, и сирот покинул:
И горы и море, где прежде витал,
Где ватагу твой бродяга¹
Водил за собою,
Все осталось, все тоскует,
Как руины Трои.
Все тоскует. Только слава
Солнцем засияла.
Жив kobзapь² — его навеки
Слава увенчала.
Будешь ты владеть сердцами,
Пока живы люди;
Пока солнце не померкнет,
Тебя не забудем!

Ты, душа святая! Речь сердца простого,
Речь чистого сердца приветливо встреть!
В сиротстве не брось, как ты бросил дубровы,
Промолви мне вновь хоть единое слово,
Вернись, чтобы снова о родине петь.
Пускай улыбнется душа на чужбине,
Хоть раз улыбнется, увидев, как ты
С единственным словом приносишь и ныне
Казацкую славу в дом сироты.
Орел сизокрылый, вернись! Одинок
Живу сиротою в суровом краю;
Стою пред морскою пучиной глубокой,
Моря переплыл бы — челна не дают.
Припомню я родину, вспомнив Энея,
Припомню — заплачу; а волны, синяя,
На тот дальний берег идут и ревут.
Я света не вижу, я точно незрячий,
За морем, быть может, судьба моя плачет,
А люди повсюду меня осмеют.
Пускай улыбнется душа на чужбине —
Там солнце, там месяц сияет ясней,

---

¹ Речь идет о герое поэмы Котляревского «Энеида» Энее.

² Слово «kobзapь» происходит от названия украинского музыкального инструмента — kobзы. Здесь kobзapь — поэт.

Там с ветром в беседу курганы вступают,
Там с ними мне было бы сердцу теплей.

Ты, душа святая! Речь сердца простого,
Речь чистого сердца приветливо встреть!
В сиротстве не брось, как ты бросил дубровы,
Промолви мне вновь хоть единое слово,
Вернись, чтобы снова о родине петь.

1838

Петербург

*
**

Течет вода в сине море —
Назад не вернется.
Ищет казак свое счастье —
Счастье не дается.
Пошел казак в свет широкий —
Море бьет о берег.
Сердце верит в свое счастье,
А дума не верит.

Куда шел, пути не зная?
На кого покинул
Отца с матерью родимой
И свою дивчину?
На чужбине встретят люди
Чужие сурово.
Не с кем будет ни поплакать,
Ни промолвить слова.

Сидит казак на чужбине,
Шумит сине море.
Думал: счастье повстречает,
А встретилось горе.
Журавли вдали курлычут,
Летят над водою.
Казак плачет — все дороги
Заросли травой...

1838

Петербург

*
**

Тяжко, тяжело жить на свете
Сироте без роду:
От тоски-печали горькой
Хоть с моста — да в воду!
Утопился б — надоело
По людям скитаться;
Жить нелюбо, неприятно,
Некуда деваться.
Чья-то доля ходит полем,
Колосья собирает;
А моя-то, знать, за морем
Без пути блуждает.
Все богатого встречают,
Кланяясь поспешно,
А меня в лицо не знают,
Словно я не здешний.
Ведь богатый, хоть горбатый, —
Девушка приветит,
На мою ж любовь насмешкой
Свысока ответит.
— Иль тебе не нравлюсь: силой,
Красой не удался?
Иль тебя любил не крепко,
Над тобой смеялся?
Люби, люби кого хочешь,
Может, я не стою.
Но не смейся надо мною,
Как вспомнишь порою.
Я покину край родимый —
Свет просторен белый.
Найду счастье — либо сгину,
Как лист пожелтелый. —
И ушел казак далеко,
Ни с кем не прощался,
Искал доли в чужом поле,
Да там и остался.
Умирал — смотрел, как солнце
За морем садится...
Тяжко, тяжело на чужбине
С жизнью распроститься!

2 ноября 1838 г.
Гатчина

*
**

Думы мои, думы мои¹;
Горе, думы, с вами!
Что вы встали на бумаге
Хмурыми рядами?
Что вас ветер не развеял
Пылью на просторе?
Что вас ночью, как ребенка,
Не приспало горе?..

Ведь нас горе нá свет на смех породило,
Поливали слезы... Что ж не затопили?
Не вынесли в море, не размыли в поле?..
Люди не спросили б, что болит в груди,
Почему, за что я проклиная долю,
Почему томлюся... «Ничего, иди!» —
Не сказали б на смех...

Цветы мои, дети,
Зачем вас лелеял, зачем охранял?
Заплачет ли сердце одно на всем свете,
Как я с вами плакал?.. Может, угадал?..
Может, девичье найдется
Сердце, кари очи,
Что заплачут с вами, думы, —
Большого ли хочешь?
Лишь одна б слеза скатилась...
И — пан над панами!
Думы мои, думы мои,
Горе, думы, с вами!

Ради глаз девичьих карих,
Ради черной брови
Сердце билось и смеялось,
Выливалось в слове.
В слове этом возникали
И темные ночи,
И вишневый сад зеленый,
И ясные очи,
И поля, и те курганы,

---

¹ Это стихотворение было как бы поэтическим предисловием к первому изданию «Кобзаря» (1840).

Что на Украине...
Сердце млело, не хотело
Песен на чужбине.
На совет казачье войско,
Меж сугробов белых,
С бунчуками, с булавами¹
Сзывать не хотело...
Пусть же там, на Украине,
Души их витают —
Там веселье, там просторы
От края до края...
Как та воля, что минула,
Днепр широкий — море,
Степь и степь, ревут пороги,
И курганы — горы.
Там родилась, красовалась
Казачья воля;
Там татарами и шляхтой
Засевала поле.
Засевала трупом поле
Воля, опочила,
Отдыхает... Ее давно
Приняла могила.
И над нею орел черный
Сторожем летает.
Кобзари о ней народу
Песни распевают,
Распевают про былое
Убоги, незрячи, —
Им поется... А я... а я
Только горько плачу.
Только плачу об Украине,
А слов не хватает...
А о горе?.. Да чур горю,
Кто его не знает?
А кто пристально посмотрит
На людей душою, —

---

¹ Бунчук и булава — знаки гетманской власти. В XVII и XVIII веках гетманом на Украине назывался руководитель казачества, а со времен Богдана Хмельницкого — правитель Украины.

Ад ему на этом свете,
На том же...

Тоскою

Себе счастья не накличу,
Коль его не знаю;
Пусть злыдни живут три дня, —
Я их закопаю.
Закопаю, пусть у сердца
Грусть-змея свернется,
Чтобы ворог мой не слышал,
Как горе смеется.
Дума пусть себе, как ворон,
Летает и кричит,
А сердечко соловейком
И поет и плачет.
Тихо, — люди не увидят
И не посмеются...
Слез моих не утирайте,
Пусть ручьями льются,
Пусть слеза чужое поле
Моет дни и ночи,
Пока попы не засыплют
Чужим песком очи.
Так-то, так-то... Что же делать?
Тоска не поможет.
Кто ж завидует сиротам,
Карай того боже!

Думы мои, думы мои,
Цветы мои, дети!
Я растил вас, я берег вас,
Где ваш кров на свете?
В край родной идите, дети,
К нам на Украину,
Под плетнями сиротами,
А я здесь уж сгину.
Там найдете сердце друга,
Оно не лукаво,
Чистую найдете правду,
А может, и славу...

Привечай же, мать-отчизна,
Моя Украина,
Моих деток неразумных,
Как родного сына!

1839

Петербург

ПЕРЕБЕНДЯ¹

Перебендя слепой, старый, —
Кто его не знает!
Он повсюду скитается,
На кобзе играет.
Кто ж играет, того люди
Знают, привечают:
Он тоску им разгоняет,
Хоть и сам страдает.
Горемыка, он ночует
И днюет под тыном —
Нет ему угла на свете;
Горькая судьбина
Насмехается над старым,
Что ни день — то хуже!
А ему — ни что: затынет
Ой, не шуми, луже!..²
Станет петь, да и припомнит,
Что он сиротина;
Погорюет, потоскует,
Прислонившись к тыну.
Вот таков-то Перебендя —
Старый он да странный!
Запоет о Ч а л о м³ — кончит
Г о р л и ц е й⁴ нежданно;
С дивчатами на выгоне —

---

¹ В этом стихотворении Шевченко рисует образ народного певца — кобзаря.

² «Ой, не шуми, луже!..» («Ой, не шуми, дуброва!..») — украинская народная песня.

³ «О Чалом» — известная украинская песня о Савве Чалом, предводителе гайдамаков, который оказался изменником и был казнен гайдамаками в 1771 году.

⁴ «Горлица» — веселая плясовая песня.

Гриця да Веснянку¹;
В шинке, с парубками вместе —
Сербина, Шинкарку²;
С женатыми на пирушке
(Где свекровь презлая) —
О недоле — вербе в поле,
А потом — У гаю³,
На базаре — о Лазаре⁴,
Или — чтобы знали —
Тяжко, скорбно запоет он,
Как Сечь разорjali⁵.
Вот таков-то Перебендя —
Старый он да странный!
Начнет шуткою, а кончит
Слезами нежданно.

Ветер веет, повеваает,
По полю гуляет.
Сидит кобзарь на кургане,
На кобзе играет.
Вкруг, как море широкое,
Зеленеют степи;
За курганами курганы
Вдаль уходят цепью.
Чуб седой, усы седые
Треплет ветер яро;
Вдруг уляжется послушать,
О чем поет старый;
Как сердце смеется, слепой старик плачет...
Он слушает... веет...

Укрылся вдали
На степном кургане от людей незрячий,

---

¹ «Гриць» — популярная украинская народная песня «Ой, не ходи, Грицю, та й на вечорниці»; «Веснянка» — весенняя обрядовая песня, которую исполняют девушки.

² «Сербина» — народная песня. «Шинкарка» — популярная чумацкая песня о шинкарке, к которой сватался подвыпивший чумац.

³ «У гаю» («В роще») — украинская народная песня.

⁴ О Лазаре — духовный стих о страдальце Лазаре из евангельской легенды.

⁵ Как Сечь разорjali. — Запорожская Сечь — казацкая организация на Украине, возникшая в XVI веке в Заднепровье. Окончательно упразднена, по приказу Екатерины II, в 1775 году. Этому событию посвящен цикл народных песен.

Чтоб по полю ветры слова разнесли,
Чтоб людям не слышать — ведь то божье
слово,

То сердце неспешно с богом говорит,
То сердце щебечет господнюю славу,
А дума по свету на туче летит.

Орлом сизокрылым летает, ширяет,
Небо голубое широкими¹ бьет;
Присядет на солнце, его вопрошает:
Где оно ночует? Как оно встает?

Послушает море, о чем плещет в споре,
И гору он спросит: молчишь почему?
И снова на небо — на земле ведь горе,
Ведь на ней, широкой, нет угла тому,
Кто сердцем все знает, кто сердцем все

чует:

О чем ропщет море, где солнце ночует —
Пристанища нету на свете ему!
Один, точно солнце на небе высоком;
Известен он всем, потому что живой.
А если б узнали, что он, одинокий,
Поет на кургане, шепчется с волной,
То божие слово давно б осмеяли,
Его бы глупцом обозвали, прогнали.
«Пусть бродит, — сказали б, — над морем,
шальной!»

Хорошо, kobзaрь, отец мой,
Хорошо, что ходишь
На курган и словом, песней
Душу там отводишь!
И ходи, мой голубь сизый,
До поры, покуда
Не заснуло сердце, — пой там
Вдалеке от люда.
А чтоб люди не чурались,
Тешь их иногда ты...
Что ж, пляши под дудку папа —
На то он богатый!

---

¹ Характерный для поэзии Шевченко прием: замена существительного прилагательным («широкими», то-есть «крыльями»).

Вот так-то Перебендя —
Старый он да странный!
Начнет свадебной, а кончит
Грустною нежданно.

1839
Петербург

КАТЕРИНА

*Василию Андреевичу Жуковскому¹
в память о 22 апреля 1838 года*

I

Чернобровые, любитесь,
Да не с москалями²:
Москали — чужие люди,
Глумятся над вами.
Позабавится и бросит —
Поминай как звали.
А девушка погибает
В горе да в печали.
Пусть сама б она погибла,
Кляня долю злую,
Но, бывает, за собою
Тянет мать родную.
Если есть за что увянуть —
Сердце с песней вянет,
Хоть никто о том не спросит
И жалеть не станет.
Чернобровые, любитесь,
Да не с москалями:
Москали — чужие люди,
Смеются над вами.

Ни отца, ни мать родную
Слушать не хотела —

---

¹ Жуковский Василий Андреевич (1783—1852) — известный русский поэт, принимавший деятельное участие в выкупе Шевченко у помещика Энгельгардта. В посвящении Шевченко указывает дату выкупа — 22 апреля 1838 года.

² Москали — так на Украине называли солдат царской армии. Здесь речь идет о барчуке-офицере.

С москалем слюбилась Катря,
Как сердце велело.
Полюбила молодого,
В садик выходила,
Пока там девичью долю
Не запропастила.

Мать звала вечерять дочку —
Дочка не слыхала:
Где встречалась с любимым,
Там и ночевала.
Много ночек кари очи
Крепко целовала,
Пока вдруг не зашумела
Недобрая слава.
Но пускай дивчину судят
Люди в разговоре:
Она любит и не слышит,
Что подкралось горе.
Весть недобрая примчалась, —
В поход затрубили.
Уходил москаль, а Катре
Голову покрыли¹.
Не заметила позора,
Пропустила мимо:
Словно песня, сладки были
Слезы о любимом.
Обещался чернобровый:
Буду цел — вернуся.
Ожидай его, дивчина,
Ожидай, Катруся!
С москалями породнишься —
Горе позабудешь,
А пока — пускай болтают
Что угодно люди.
Не тоскует Катерина —
Слезы вытирает,
А на улице дивчата
Без нее гуляют.

---

¹ Голову покрыли. — По существовавшему на Украине обычаю, девушке, родившей внебрачного ребенка, покрывали голову платком в знак позора. Отсюда произошло название «пóкрытка».

Не тоскует Катерина,
А ночью порою
Берет ведра молчаливо,
Идет за водою.
Потихоньку, незаметно
Дойдет до криницы,
Тихо станет под калиной,
Запоет о Г р и ц е.
Так зальется, что калина
Плачет от печали.
Возвратится — и довольна,
Что не увидали.
Не тоскует Катерина,
Ничего не знает,
Из окна в платочке новом
Смотрит, ожидает.
Ожидала Катерина,
А время летело.
Захворала Катерина,
Слегла, ослабела.
Занедужила, бедняжка, —
Еле-еле дышит...
Отлежалась — и за печкой
Колыбель колышет.
А соседки злые речи
С матерью заводят:
«Мол, не зря в твой дом ночами
Москали приходят.
У тебя родная дочка
Стройна и красива,
И не зря она качает
Солдатского сына:
Что искала — получила...
Уж не ты ль учила?..»
Дай вам боже, цокотухам,
Чтоб вас горе било,
Как дивчину, что вам на смех
Сына породила!

Катерина, мое сердце!
Ой, беда с тобою!

Как ты жить на свете будешь
С горьким сиротою?
Кто расспросит, приласкает,
Кто вам даст укрыться?
Мать, отец — чужие люди,
С ними не ужиться.

Отлежалась Катерина,
Встала понемногу,
Под окном ласкает сына,
Смотрит на дорогу.
Смотрит Катря — нету, нету...
Может, и не будет?..
Хоть бы в сад пошла поплакать —
Так увидят люди.
Сядет солнце — Катерина
В садике гуляет,
К сердцу сына прижимает,
Тихо вспоминает:
«Здесь его я поджидала,
Здесь его встречала,
А вон там... сынок, сыночек!..»
И не досказала.

Зеленеют, зацветают
Черешни и вишни.
В тихий садик Катерина,
Как и прежде, вышла.
Но уже не запекает,
Как тогда бывало,
Когда друга молодого
Ждала-поджидала.
Приумолкла Катерина
От тоски-печали,
А соседи, а соседки
Уши прожужжали.
Пересуды да насмешки
Злобою повиты...
Где ж ты, милый, чернобровый?
В ком искать защиты?
Ой, далеко чернобровый,
И ему не видно,

Как враги над ней смеются
И как ей обидно.
Может, лег он за Дунаем
В могилу сырую?
Иль в Московщину вернулся
Да нашел другую?
Нет, не лег он за Дунаем
На глухом кладбище,
А бровей таких на свете
Нигде он не сыщет.
Пусть в Московщину поедет,
Пусть плывет за море —
С кем угодно Катерина
Красотой поспорит.
Черны брови, кари очи,
Молодая сила.
Только счастье мать родная
Дать ей позабыла.
А без счастья ты на свете,
Как в поле цветочек:
Гнет его и дождь и ветер,
Рвет его кто хочет.
Умывайся ж, Катерина,
Горькими слезами!
Москали давно вернулись
Другими путями.

II

За столом отец угрюмо
На руки склонился
И на свет смотреть не хочет,
В думу погружился.
На скамейке, возле мужа,
Села мать-старуха
И; слезами заливаясь,
Вымолвила глухо:
— Что же, доченька, со свадьбой?
Отчего ж одна ты?
Где жених запропастился?
Куда делись сваты?

Все в Московщине. Ступай же,
Там проси защиты,
А о матери родимой
Людам промолчи ты.
Знать, в несчастную годину
Тебя породила.
Коли б знала, что случится, —
Лучше б утопила...
Не увидела б ты горя,
Не была б несчастной...
Дочка, доченька родная,
Мой цветочек ясный!
Словно ягодку на солнце,
Я тебя растила.
Дочка, доченька, голубка,
Что ты натворила?..
Что ж... ступай в Москву к свекрови!
Так уж, видно, нужно, —
Мать послушать не хотела —
Будь хоть ей послушна.
Поищи ее да с нею
Там и оставайся.
Будь довольной, будь счастливой
И не возвращайся,
Не ищи дорог обратных
Из дальнего края...
Только кто ж меня схоронит
Без тебя, родная?
Кто поплачет надо мною,
Над старухой хилой?
И калину кто посадит
Над моей могилой?
Кто молиться будет богу
О душе о грешной?..
Дочка, доченька родная,
Мой цветочек вешний!..
Что ж... иди! —
И пошатнулась,
В путь благословляя. —
Бог с тобою! — и упала,
Словно неживая.
— Уходи! — прибавил старый. —

Что остановилась?.. —
Зарыдала Катерина,
В ноги повалилась:
— Ой, прости ты мне, родимый,
Что я натворила!
Пожалей свою Катрусю,
Голубь сизокрылый!..
— Пусть господь тебя прощает,
Пусть жалеют люди!
Молись богу и — в дорогу!
Отцу легче будет.

Еле встала, поклонилась,
Пошла за ворота;
И остались в старой хате
Старики-сироты.
В тихом садике вишневом
Помолилась богу
И взяла щепоть землицы
С собою в дорогу.
— Не вернусь я в край родимый, —
Катря говорила, —
Мне в чужой земле чужие
Выроют могилу.
Но пускай своей хоть малость
Надо мною ляжет
И про горькую судьбину
Людам пусть расскажет...
Не рассказывай, не надо,
Где б ни закопали,
Чтоб меня на этом свете
Злом не поминали.
Ты не скажешь... Он вот скажет,
Кто его родная!
Где ж мне, где искать приюта,
Матерь пресвятая?
Знать, найду приют навеки
Под тихой водою.
Ты мой тяжкий грех замолишь
В людях сиротою,
Без отца!.. —

Идет Катруся.

Заплаканы очи;
Голова платком покрыта,
На руках — сыночек.
Вышла в поле — сердце ноет,
Назад оглянулась —
Поклонилась, зарыдала,
В слезах захлебнулась.
Стала в поле, словно тополь
У дороги пыльной.
Как роса ночная, слезы
Полились обильно.
И не видит за слезами
Света Катерина,
Только крепче прижимает
Да целует сына.
А сыночек-несмышлёныш
Не знает заботы:
Ищет пазуху ручонкой
Да лепечет что-то.
За дубровой солнце село,
Наступает вечер.
Повернулась, зашагала
Далеко-далече.
В селе долго говорили,
Долго рассуждали.
Только тех речей родные
Уже не слыхали.

Вот что делают на свете
Людам сами ж люди!
Того вяжут, того режут,
Тот сам себя губит.
А за что? Господь их знает!
Глянешь — свет широкий,
Только негде приютиться
Людам одиноким.
Одному даны просторы
От края до края,
А другому — три аршина,
Могила сырая.

Где ж те добрые, которых
День и ночь искали,
С кем хотелось жить на свете?
Пропали, пропали!

Есть на свете доля,
А кто ее знает?
Есть на свете воля,
Где ж она гуляет?
Есть на свете люди —
В золоте сияют,
Кажется, богаты,
А доли не знают —
Ни доли, ни воли!
С бедой породнятся —
Жупан надевают,
А плакать стыдятся.
Так берите ж злато,
Богачами станьте,
А горькие слезы
Для меня оставьте.
Затоплю недолю
Горькими слезами,
Затопчу неволю
Босыми ногами!
Тогда я и весел,
Богат и доволен,
Когда мое сердце
Забьется на воле!

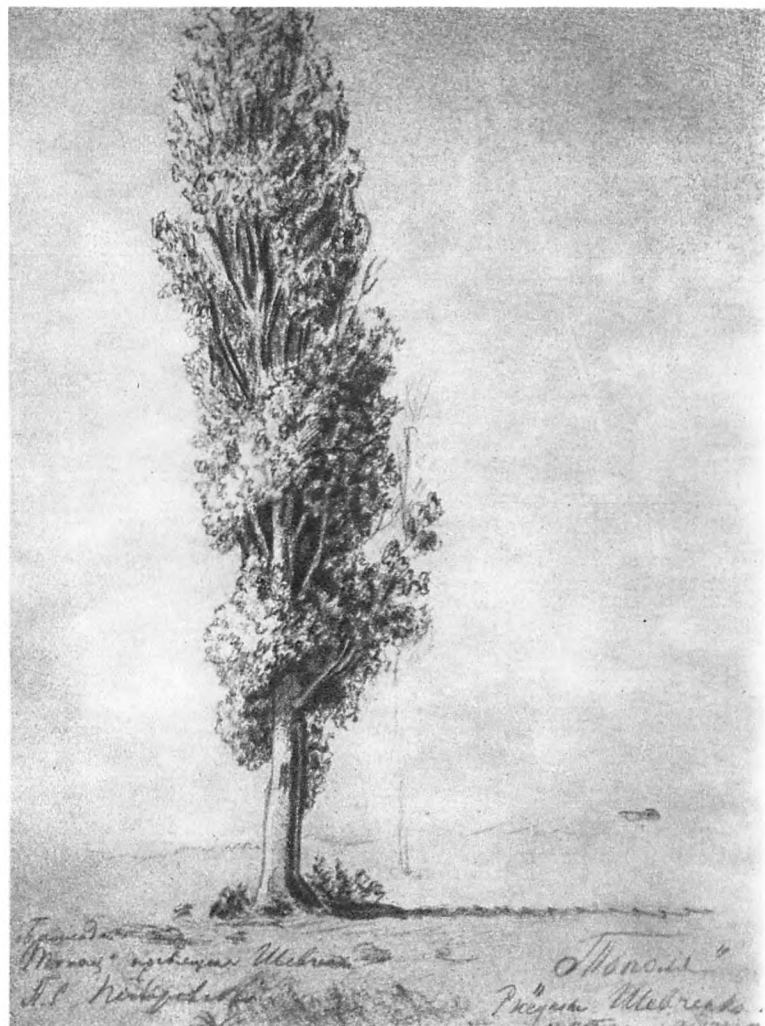
III

Кричат совы, спит дуброва,
Звездочки сияют.
У дороги в свежих травах
Суслики шныряют.
Люди добрые заснули,
Ночка всех покрыла —
Кого счастье, кого горе
За день утомило.

Катерина.
Масло, 1842 г.

Тополь.
Карандаш

Собрала всех, уложила,
Словно мать колышет...
Где ж Катруся приютилась,
Под какую крышей?
Может, сына забавляет
В поле под копною?
Или прячется от волка
В лесу за сосною?
Вам бы лучше, черны брови,
Вовсе не родиться,
Коль такое горе с вами
Может приключиться!
Что-то дальше будет с нею?
Горе, горе будет!
Ждет ее песок сыпучий
Да чужие люди.
Ждет ее зима да вьюги...
Если ж тот найдется —
Приласкает ли он сына
Или отвернется?
С ним бы все она забыла,
Всю тоску былую!
Он и встретит и приветит,
Как свою родную.

Что ж, послушаем, посмотрим,
Подождем немного...
А пока что разузнаем,
Где в Москву дорога.
Ой, далекая дорога!
Мне она известна.
Только вспомню да припомню —
Сердцу станет тесно.
Исходил ее, измерил —
Дай бог век не мерить!..
Рассказать про это горе —
Никто не поверит.
Скажут: «Врет он — и признаться
В том, что врет, не хочет.
Слова тратит понапрасну
Да людей морочит...»
Правда, люди, правда ваша!

Вам какое дело
До того, что мое сердце
Выплакать хотело!
Своего у всех немало,
Всем и так тоскливо...
Чур же, хватит! А покамест
Нате-ка огниво
Да табак, чтобы тоскою
Сердце не томилось.
А рассказывать про горе,
Чтобы после снилось, —
Да ну его, братцы, к бесу!
Лучше я прикину,
Что в дороге повстречало
Мою Катерину.

За Днепром, дорогой в Киев,
Чумаки¹ шагают,
Пугача² в лесу зеленом
Громко распевают.
Им навстречу молодлица —
С богомолья, что ли...
Отчего ж печально смотрит,
От какой недоли?
С пустой торбой за плечами
Да в свитке дырявой;
В левой руке палка. Тихо
Спит малыш на правой.
С чумаками поравнялась,
Малыша прикрыла.
— Укажите, где дорога
На Москву? — спросила.
— На Москву? Вот эта будет.
А идешь далеко?
— До Москвы я... Христа ради
Дайте одинокой! —
Попросила, застыдилась —

---

¹ Чумаки — украинские крестьяне, которые ездили на волах в Крым и на Дон за солью и вяленой рыбой. Они продавали свой товар на ярмарках. Чумаки создали много песен (чумацкие песни).

² «Пугач» (филин) — украинская песня «Ой, сів пугач на могилі».

Ой, как брать ей тяжко!
И не надо б... да ребенок
Голоден, бедняжка!
Обливаясь слезами,
Пошла, заспешила.
В Броварах¹ медовый пряник
Ивасю купила...
Шла Катруся. У прохожих
Путь разузнавала.
Приходилось — под забором
С сыном ночевала.

Вот на что сгодились очи-оченята:
Под чужим забором слезы проливать!
Кайтесь-зарекайтесь, смотрите, дивчата,
Чтоб не довелось москаля искать,
Чтобы не блуждать вам, как она блуждает,
Не спрашивать после — за что осуждают,
За что не пускают в хату ночевать.
Что же спрашивать напрасно!
Люди разве знают!
Кого сам господь карает,
И они карают...
Люди гнутя, словно лозы,
Куда ветер веет.
Сиротине солнце светит —
Светит, да не греет.
Но и солнце б люди скрыли,
Если б сил хватило, —
Чтоб несчастной не светило
Да слез не сушило.
А за что, отец небесный,
Такая награда?
В чем бедняга провинилась?
Чего людям надо?
Чтобы плакала, томилась...
Не плачь, Катерина!
Горьких слез не лей при людях,
Терпи, сиротина!

---

¹ Б р о в а р ы — село под Киевом, на Московской дороге.

А чтоб личико не блекло
С черными бровями,
До зари в лесу дремучем
Умойся слезами!
Умоешься — не увидят
И не насмеются.
И вздохнет свободней сердце,
Пока слезы льются.

Вот какое горе может повстречаться:
Поиграл и бросил Катрусю москаль!
Недоля не видит, к кому приласкаться,
А люди хоть видят, да людям не жаль:
«Пускай, мол, от горя погибнет дивчина,
Коли не умела себя уважать!»
Глядите ж, дивчата, чтоб в злую годину
И вам москаля не пришлось бы искать!

Где же Катря бродит?
Под забором ночевала,
До зари вставала.
До Москвы дойти спешила —
Вдруг зима настала.
Свищет в поле завируха,
Тяжко Катерине:
В рваной свитке, в лаптях старых
На морозе стынет.
Идет, смотрит Катерина —
Что-то там мелькает?
Москали, наверно, едут...
Сердце замирает.
Полетела им навстречу:
— Может быть, видали,
Где Иван мой чернобровый?
— Не знаем! — сказали.
Насмехаются над нею,
Злые шутки шутят:
— Ай да баба! Ай да наши!
Кого не надуют! —
Поглядела Катерина:
— Ой вы, люди, люди!..
Успокойся, мой сыночек!

Что будет, то будет.
Побредем с тобою дальше —
Может, и отыщем.
Я отдам тебя и лягу
В яму на кладбище.

Поднялась навстречу выюга
С буйными ветрами.
Стала Катря среди поля,
Залилась слезами.
Стихла в поле завируха,
Пронеслась, промчалась.
Поплакала б Катерина,
Да слез не осталось.
Поглядела на сыночка:
Умытый слезою,
Дышит, смотрит, как цветочек
Утренней порою.
Улыбнулась Катерина,
Горько улыбнулась:
Как змея, под самым сердцем
Что-то повернулось.
Огляделась Катерина —
Лес вдали чернеет,
А под лесом чья-то хата
Прямо перед нею.
— Пойдем, сын мой... Скоро вечер...
Пустьят, может статься.
А не пустьят — у порога
Нам всю ночь валяться.
Заночуем возле хаты,
В холоде, в тумане...
Где ж один ты заночуешь,
Как меня не станет?
На дворе, в собачьей будке,
С собаками вместе!
Злы собаки — покусают,
Да не обесчестят.
Над тобой они не станут
Злобно насмехаться...
Ой ты, горе мое, горе,
Куда ж мне деваться?

Есть на свете счастье у собаки даже:
Ласково встречают сироту порой;
Побьют, поругают, но никто не скажет
Ничего худого о его родной.
А этому скажут, грязью забросают,
Не дадут подняться — заклюют, забьют...
На кого собаки на улице лают?
Кто под тыном ночью ищет свой приют?
Кто водит убогих? Подкидыш чернявый...
Красивые брови — одна его слава,
И тем красоваться люди не дают...

IV

И на горе и под горою,
Как старцы с белой головою,
Дубы столетние стоят.
Внизу — плотина, вербы в ряд,
И пруд, завейный пургою,
И прорубь в нем, чтоб воду брать.
Сквозь тучи робко поглядело
На землю солнышко с небес.
Взметнулась вьюга, налетела,
Ни зги не видно в мути белой,
А слышно только — стонет лес.

Воеет, свищет завируха,
Ревет над землею,
В белом полё, словно в море,
Катится волною.
В лес пойти лесник собрался,
Только разве выйдешь!
Так и крутит, так и вертит —
Света не увидишь!
— Вот так вьюга! Завируха!
Тут уж не до леса!..
Что такое? Что за люди?
Там же их до беса!
Знать, нелегкая их носит.
А может, за делом,

Может, москали, Ничипор?
Все от снега белы!
— Москали? — У Катерины
Руки затряслися. —
Где они, мои родные?
— Да вон там — взглядися! —
Без оглядки Катерина
За дверь полетела.
Знать, Москва у ней и вправду
В голове засела:
Москаля звала до света,
До света металась...
Через пни, через сугробы
Катерина мчалась.
На снегу босая стала,
Утерлась руками.
Москали навстречу едут,
Как один, верхами.
«Ой ты, горе, ой ты, доля!»
Как вперед заглянет,
Видит — первым едет старший.
— Мой любимый, Ваня!
Мое сердце, мое счастье!..
Словно в воду канул... —
Ухватилася за стремя,
А он и не глянул.
На ходу коня пришпорил...
— Что ж спешишь ты очень?
Позабыл ли Катерину
Иль узнать не хочешь?
Я твоя, твоя Катруся,
Сокол ты мой ясный!
Погляди сюда и стремя
Не рви понапрасну. —
А он — будто и не слышит,
Погоняет, скачет.
— Пожалей меня, голубчик!
Видишь, я не плачу.
Не узнал меня ты, что ли?
Посмотри, взглядися!
Видит бог, что я — Катруся...
— Дура, отвяжися!

Прочь безумную возьмите!
— Боже ты мой, боже!
И он меня покидает!
А клялся мне кто же?..
— Уведите! Что стоите?
— Ой, за что ж на муку
Родилась я? На кого ж ты
Подымаешь руку?
На Катрусю, что с тобою
В садике ходила,
На Катрусю, что сыночка
Тебе подарила?
Мой любимый, мой желанный,
Ты хоть не чурайся!
Я тебе батрачкой стану...
С другою встречайся,
С целым светом!.. Я забуду,
Что тебя ласкала,
Народила тебе сына,
Позор принимала,
Принимала-горевала,
Все переносила...
Брось меня, забудь навеки —
Не покинь хоть сына!
Не покинешь? Не оставишь,
Как меня когда-то?..
Ты его сейчас увидишь... —
И кинулась в хату.
Возвращается из хаты,
Несет ему сына;
Заплаканный, неповитый,
Смотрит сиротина.
— Вот он, вот он! Погляди-ка!..
Где ж ты схоронился?..
Нет... уехал... От родного
Сына отрешился...
Боже мой, куда ж я денусь
С горьким сиротою?
Ой, москалики, возьмите,
Возьмите с собою!
Не чурайтесь, не дайте
Погибнуть родному.

Отвезите сиротину
К своему старшому!
Если он его покинул,
То и я покину.
Пусть отца весь век терзают
Горе да кручина.
Сын мой! Я в грехе великом
Тебя породила,
Вырастай же на смех людям! —
И в снег положила. —
Поищи отца родного,
А я — наискалась... —
Да с дороги — прямо в чашу,
А дитя осталось.
Плачет, стынет на дороге,
А те ускакали.
Так и лучше б, да на горе
Люди подобрали.

Бежит по лесу босая,
Меж сугробов тонет,
То Ивана проклиняет,
То просит, то стонет.
До опушки добежала —
Да к пруду... Спустилась,
Возле проруби широкой
Вдруг остановилась.
— Прими, боже, мою душу,
А ты — мое тело!.. —
И вода над нею глухо,
Глухо прошумела.

Чернобровая Катруся
Нашла, что искала...
Над прудом повеял ветер,
И следов не стало.

То не ветер, то не буйный,
Что дубы ломает.
То не горе, то не злое,
Что мать умирает.
Пусть ее земля сырая
Навек приютила —

Слава добрая осталась,
Осталась могила.
Пусть насмешкой сиротину
Люди в сердце ранят —
Он поплачет над могилой,
Вот и легче станет.
А тому на белом свете —
Что тому осталось,
От кого отец отрекся
И мать отказалась?
Что подкидышу осталось?
Слезы да тревоги,
Да еще песок сыпучий
На большой дороге.
На что ему эти брови —
Чтоб его узнали?
Подарила их, не скрыла...
Лучше б полиняли!

V

Шел кобзарь в далекий Киев,
Шел и сел дорогой.
Тут же, с нищенской сумою, —
Мальчик чернобровый.
Головой на грудь склонился,
Дремлет, засыпает.
А тем временем И с у с а ¹
Кобзарь напевает.
Кто проходит, тот не минет —
Грош иль бублик кинет;
Кто — слепому, а дивчата —
Тому сиротине.
Чернобровые дивятся:
Голый, босый, хилый.
Мать дала такие брови —
Счастье дать забыла!
Едет пышная карета
В Киев шестернею,
Господин сидит в карете

---

¹ «И с у с а» — здесь: духовный стих.

Со своей семьею.
Вот она остановилась
Перед бедняками.
Подбежал Ивась к оконцу,
Замахал руками.
Ивасю бросает деньги
Молодая пани.
Глянул пан — и отвернулся
Сразу от Ивана.
Он узнал и эти брови,
Он узнал и очи;
Повстречал родного сына,
Только взять не хочет.
— Как зовут? — спросила пани.
— Ивась. — Какой милый! —
Кони тронулись, и пылью
Бедняков покрыло.
Посчитали, что собрали,
Потихоньку встали,
Помолилися на солнце,
Пошли, зашагали.

1838
Петербург

ТОПОЛЬ¹

По дуброве ветер веет
Да в поле гуляет.
Он на тополь налетает,
К земле пригибает —
Стан высокий, лист широкий
Зачем зеленеет?
Кругом поле, словно море,
Широко синее.
Поглядит чумака на тополь —
Голову опустит;
А пастух его встречает
Песней, полной грусти.

---

¹ Эта баллада написана по мотивам украинских народных сказаний о несчастной любви девушки и ее превращении после смерти в тополь (на украинском языке тополь — женского рода).

Приглядишься — сердце ноет:
В поле ни былинки!
Гибнет тополь, как в неволе
Гибнет сиротинка.

Кто же наградил бедняжку
Судьбою проклятой?
Погодите, все скажу вам.
Слушайте ж, дивчата!

Полюбила черноброва
Казака дивчина,
Полюбила, только милый
Ушел, да и сгинул...
Кабы знала, что покинет,
Его б не любила;
Кабы ведала, что сгинет,
Его б не пустила;
Кабы знала, за водою
Поздно б не ходила,
Не стояла б до полночи
Возле вербы с милым;
Кабы знала!..

И то горе,
Если знать, дивчата,
Что на свете будет с вами...
Тяжела расплата!
Вы не спрашивайте лучше!
Сердце молодое
Знает, как любить... Пусть любит,
Пока не зареют!
Ведь недолго ваши брови,
Дивчата, чернеют
И недолго ваши лица
Нежно розовеют, —
Лишь до полдня — и завянут,
Брови полиняют...
Так не ждите и любите,
Как сердечко знает!
Начнет песню соловейко
В роще на калине —
Запоет казак тихонько,
Идя по долине.

Выйдет из дому дивчина
Повидаться с милым,
А казак тихонько спросит:
— Тебя мать не била? —
Станут рядом, обнимутся,
Соловей зальется;
Послушают, разойдутся,
А сердечко бьется!
И никто их не увидит,
И не спросят люди:
— Где была ты, с кем стояла? —
Знать она лишь будет!
И любила и ласкала,
А сердечко млело.
Сердце чуяло тревогу,
А сказать не смело.
Не сказало — и трепещет,
Воркует все тише,
Как голубка без голубя;
А никто не слышит.

Не поет уж соловейко
В роще над водою.
Не поет уже дивчина,
Возле вербы стоя.
Убивается дивчина,
Не зная, что будет.
Без него ее родные,
Как чужие люди;
Без него и солнце светит,
Будто враг смеется;
Без него кругом могила...
А сердечко бьется.
Год прошел, второй промчался —
Не вернулся милый;
Как цветок, дивчина сохнет,
Молчит, как могила.
«Что ты вянешь?» — мать родная
Ее не спросила —
За старого, богатого
Выдать дочь решила.
— Выйди замуж! — мать сказала. —

Я тебя пристрою.
Он богатый, одинокий,
Будешь госпожою!
— Не пойду я за такого,
Не пойду я, мама!
Лучше дочь свою родную
Опусти ты в яму.
Пусть попы свои молитвы
Поют надо мною.
Лучше умереть, чем стать мне
Старика женою!

Не сдавалась мать-старуха,
Делала что знала.
Чернобровая дивчина
Сохла и молчала.
Темной ночью ворожею
Распросить решила:
Долго ль ей на этом свете
Не видаться с милым?
— Бабусенька, голубонька,
Моя дорогая!
Ты скажи мне только правду,
Я узнать желаю:
Жив ли милый? Крепко ль любит
Иль забыл — покинул?
Ты скажи мне: где мой милый?
Ты не мучь дивчину!
Бабусенька, голубонька,
Скажи, если знаешь!
Выдают меня родные
За старого замуж.
Никогда его, такого,
Сердцем не полюбишь.
Я давно бы утопилась, —
Жалко, душу сгубишь.
Если умер чернобровый,
Сделай, моя пташка,
Чтоб домой я не вернулась...
Тяжко сердцу, тяжело!
Там со сватами тот старый...
Я умру горяя...

— Ладно, дочка! Делай только
Все, что прикажу я.
Сама была молодая,
Это горе знаю.
Все минуло — научилась,
Людям помогаю.
Твою долю, моя дочка,
Я давненько знала.
Для тебя давно-давненько
Зелье припасала. —
В пузырек лихое зелье,
Как чернила, льется...
— Ты возьми вот это диво
И встань у колодца.
Петухи пока не пели,
Водою умойся.
Отхлебни немного зелья,
Ничего не бойся!
Не оглядывайся, дочка,
Что б там ни кричало;
Ты беги туда, где с милым
Своим расставалась.
А на середину неба
Выйдет ясный месяц —
Выпей снова; не придет он —
В третий раз напейся.
В первый раз — ты прежней станешь,
Прежнею, былою.
Во второй — в степи далекой
Топнет конь ногою.
Если жив твой чернобровый,
Он тотчас прибудет.
А на третий... лучше, дочка,
Ты не знай, что будет!
Не крестись. Не то погибнет
Все, что дать могу я...
А теперь иди любуйся
На красу былую. —
Взяла зелье, поклонилась:
— Спасибо, бабуся! —
Тихо вышла. «Может, бросить?
Нет уж, не вернуся!»

И умылась, напилася,
Тихо усмехнулась,
Выпила еще два раза
И не оглянулась, —
Поднялась как бы на крыльях
И в степь полетела,
Прилетела, заплакала,
А потом... запела:
«Ты плыви по морю, лебедь,
По синему плавай.
Ты расти, расти, мой тополь,
Высокий, кудрявый.
Ты расти, расти, мой тополь,
Выше туч суровых.
Спросишь бога, не дождусь ли
Встречи с чернобровым.
Ты взгляни, взгляни, мой тополь,
За синее море.
Ведь на той сторонке — радость,
А на этой — горе.
Где-то там мой чернобровый
По полю гуляет,
А я плачу, годы трачу,
Его поджидаю.
Ты скажи ему, что люди
Надо мной смеются;
Я погибну, если милый
Не сможет вернуться!
Закопать меня в могилу
Матери охота..
Кто ж теперь тебя, родная,
Окружит заботой?
Кто утешит, приласкает,
Старухе поможет?
Мама моя! Радость моя!..
Боже милый, боже!..

Ты взгляни за море, тополь:
Виден мой любимый?
Если нет — заплачь, высокий,
В стороне родимой.
Ты расти, расти, мой тополь,
Высокий, кудрявый.

Ты плыви по морю, лебедь,
По синему плавай!»

Вот такой тоскливой песней
Дивчина томилась
И, на удивленье людям,
В тополь обратилась.
В дом родимый не вернулась,
Счастья не узнала —
Стала тоненькой, высокой,
До тучи достала.

По дуброве ветер веет
Да в поле гуляет.
Он на тополь налетает,
К земле пригибает.

1839
Петербург

* * *

На что черные мне брови
Да карие очи,
На что юность мне девичья, —
Нет ее короче.
Годы мои молодые
Даром пропадают,
Брови черные густые
От ветра линяют.
Сердце вянет и томится,
Как птица в неволе...
На что же мне краса моя
Без счастливой доли?
Тяжко жить мне сиротою
Без родного крова,
И родные — что чужие,
Не с кем молвить слова.
Никто меня не расспросит,
О чем плачут очи.
Сказать некому дивчине,
Чего сердце хочет,
Отчего оно, как голубь,
Воркует, чуть дышит;

Никто знать того не знает,
Не знает, не слышит.
Ни о чем не спросят люди,
Да на что и знать им —
Пускай плачет сиротина,
Пускай годы тратит...
Плачь же, сердце, плачьте, очи,
Пока свет вам светит,
Громче, жалобнее плачьте,
Чтоб услышал ветер
И унес бы мои слезы
За синее море,
Пригожему, неверному
На лютое горе.

1839

Петербург

ГАЙДАМАКИ¹ (Отрывки из поэмы)

*Василию Ивановичу Григоровичу²
в память 22 апреля 1838 года*

Все идет, проходит — без меры, без края...
Куда исчезает? Откуда пришло?
Ни глупый, ни умный об этом не знает.
Живет... умирает... Одно расцвело,
Другое завяло, навеки завяло...

---

¹ Поэма «Гайдамаки» — крупнейшее произведение Шевченко, посвященное борьбе украинских крестьян-повстанцев — гайдамаков — против польской шляхты. Борьба эта приняла особенно острый характер в XVIII веке. Восстание гайдамаков 1768 года, возглавленное запорожцем Максимом Железняком и Иваном Гонтой, известно под названием Колиивщины (от украинского слова «колий» — тот, кто колет). Шевченко изобразил события Колиивщины, пользуясь главным образом народными рассказами и преданиями.

² Григорович Василий Иванович (1786—1865) — конференц-секретарь Академии художеств. Шевченко посвятил ему поэму «Гайдамаки» в память дня своего выкупа из крепостных. Во вступительной главе поэт предается раздумью о своей творческой судьбе, выступает против реакционных критиков, старающихся сбить его с правильного пути, и как бы напутствует своих «сынов-гайдамаков» в широкий мир.

Лишь ветер играет сухою листвою.
А солнышко встанет, как прежде вставало,
И ясные звезды своей чередой
Поплывут, как прежде; и ты, белолицый,
По синему небу выйдешь погулять;
Выйдешь поглядеться в ручеек, в криницу.
И в бездну морскую и будешь сиять,
Как над Вавилоном¹, над его садами,
И над тем, что будет с нашими сынами.
Ты смерти не знаешь!.. Люблю говорить,
Как с братом, с сестрою, говорить с тобою,
Пропеть тебе песню, что ты нашептал.
Так вновь посоветуй, как мне быть с тоскою?
Я не одинок ведь, я не сирота:
Есть у меня дети, да куда их деть-то?
Взять с собой в могилу? Грех: душа жива!
А может, ей легче станет на том свете,
Если прочитают те слезы-слова,
Какие когда-то она изливала,
Какие когда-то тайком прорыдала?
Нет, не схороню их, ведь душа жива!
Как синее небо — без меры, без края, —
Так душа рожденья и смерти не знает.
А где она будет? Пустые слова!
Так пусть поминают ее на сем свете, —
Бесславному горько сей свет покидать.
Дивчата, прошу вас ее поминать!
Она вас любила, ласкала, приветя,
Любила о вашей судьбе напевать.
Пока солнце встанет — почивайте, дети!
А я атамана вам пойду искать.

Сыны мои, гайдамаки!
Мир широк, приволен.
Ну что ж, сыны, походите,
Поищите доли!
Сыны мои дорогие,
Малолетки-дети!

---

¹ Вавилон — столица древнего Вавилонского царства, пораженная своим грозным величием и вместе с тем нравственным упадком. Под Вавилоном Шевченко, вероятно, подразумевает царскую столицу Петербург.

Кроме матери родимой,
Кто рад вам на свете?
Сыны мои, орлы мои,
В путь на Украину!
Хоть и горе нам встретится,
Всё не на чужбине.
Там найдется сердцем щедрый,
Не даст гибнуть брату;
А тут... а тут... горько, дети!
Хоть и пустят в хату,
Так, пустивши, посмеются.
Вот какие люди —
Грамотей, ученые,
Солнце даже судят:
Не оттуда, мол, восходит,
Да не так, мол, светит;
Вот так, видишь, светить надо...
Ну, что им ответить?
Надо слушать — может, вправду
Не так солнце всходит,
Как угодно грамотеям...
Пускай верховодят!
А что о вас они скажут?
Знаю вашу славу!
Посмеются, поглумятся
Себе на забаву,
Скажут: — Пусть лежат под лавкой,
Пока не очнется
Их отец и нашим словом
Сказывать возьмется.
А то, дурень, повествует
Мертвыми словами
Да какого-то Ярему¹
Вывел перед нами,
Лапотника. Дурень, дурень!

---

¹ Ярема — главное действующее лицо поэмы, батрак у шинкаря. В поисках правды Ярема приходит в лагерь гайдамаков и под именем Галайды (по-украински «бездомный») становится участником восстания. В «Предисловии» к «Гайдамакам» Шевченко писал: «Галайда наполовину выдуман». Этим поэт говорил, что его герой — обобщенный образ бедняка-гайдамака.

Видно, мало били.
От казачества былого
Курганы-могилы —
Вот и все, что сохранилось,
И те разрывают.
А он пенье слепцов-нищих
Слушать заставляет.
Труд напрасный, друг-приятель:
Ждешь судьбы хорошей,
Хочешь славы да почета —
Ты пой про Матрешу,
Про Парашу¹, радость нашу,
Султан, паркет, шпоры².
Вот где слава! А что слова:
Ходит сине море?
Запел — и в плач; за тобою
Все твои соседи
В драных свитках... — Ну, спасибо
На добром совете!
Тепел кожух, только жалко —
Не по плечу шит он,
А разумные советы
Брехнею подбиты!
Не взыщите!.. Хоть кричите,
Всё же вам поклоны
Бить не стану я смиренно:
Вы — народ ученый,
А я — дурень; одиноко
Здесь, в каморке тесной,
Изнывая, прорыдаю
Немудрую песню.
Вот запел я — и без края
Встала ширь морская,
Степь чернеет, над курганом
Ветер пролетает.

---

¹ Поэт имеет в виду пустые, чувствительные романы, которые ему советовали писать реакционные критики.

² Султан — украшение из пучка перьев или конских волос на головных уборах офицеров царской армии. Говоря о султанах, паркет и шпорах, Шевченко высмеивает обычные образы писателей из реакционно-дворянского лагеря, воспевавших блеск и роскошь николаевской военщины.

Вот запел я — и курганы
Раскрылись глубоко;
Мчатся к морю запорожцы
По степи широкой;
Атаманы, все верхами,
Перед бунчуками
Красуются... А пороги
Между камышами
Ревут, стонут, свирепые,
Грохоча, бушуя.
Прислушаюсь, затоскую,
У старых спрошу я:
— Что вы, отцы, печалитесь?
— Невесело, сыне!
Разгневался Днепр могучий,
Плачет Украина... —
И я плачу; на ту пору
Пышными рядами
Выступают атаманы,
Сотники с панами
И гетманы; все в золоте,
К убогому сыну
Пришли, сели со мной рядом
И про Украину
Рассуждают, вспоминают:
Как Сечь создавали,
Как в челнах через пороги
Плыли-проплывали,
Как гуляли в синем море,
Грелись у Скутари¹,
Да как, трубки закуривши
В Польше на пожаре,
На Украину возвращались,
Да как пировали!
«Звонче, кобзы! Чары об землю!» —
Козаки кричали.
Шинкарь знает наливают,
Перед каждым гнется;
Кобзарь грянул, а казаки —

---

¹ Ск у т а р и — часть Стамбула (Константинополя). Речь идет о походах запорожцев на турок.

Хортица¹ трясется! —
Метелицу отплясали,
Гопак² начинают;
Кубок ходит, переходит,
В руках высыхает.
— Гуляй, хлопцы, где придется!
Гуляй, ветер, в поле!
Звонче, кобзы, чары об землю,
Ждать ли счастья-доли! —
Руки в боки — да вприсядку
Старики с юнцами.
— Вот так, дети! Славно, дети!
Будете панами! —
На пиршестве атаманы,
Точно на совете,
Важно ходят, речь заводят...
И вдруг, словно дети,
Не вытерпев, ударили
Старыми ногами...
А я гляжу да люблюсь,
Смеюсь со слезами.

Любуюсь, смеюсь я, слезы утираю...
Нет, не одинок я, есть с кем в свете жить!
Здесь, в моей каморке, как в степи без края,
Козаки гуляют и ветер гудит;
Здесь, в моей каморке, вал морской играет,
Курганы тоскуют и тополь шумит,
И девушка Г р и ц я в тиши напевает.
Нет, не одинок я, есть с кем век прожить!

Вот где счастье да богатство,
Вот где моя слава!
А за совет — спасибо вам,
За совет лукавый.
Хватит с меня, пока живу,
И мертвого слова,

---

¹ Хортица — остров на Днестре, где одно время находилась Запорожская Сечь. Теперь — территория Днепрогэса с индустриальным центром Большое Запорожье.

² Метелица и гопак — украинские народные танцы.

Чтоб изливать свое горе, —
Так будьте здоровы!
Пора сынам собираться
В путь-дорогу снова.
Пускай идут! Может, найдут
Казака седого, —
Пусть он встретит моих деток
Старыми слезами.
Хватит с меня! Скажу снова:
Пан я над панами!

Вот так, сидя над бумагой,
Думаю-гадаю:
Кого просить? Кто поведет?
На дворе светает;
Погас месяц, горит солнце.
Гайдамаки встали,
Помолились, снарядились,
Вокруг меня стали.
Грустно-грустно, как сироты,
Молча поклонились.
— Благослови, — молвят, — отче,
Покуда есть сила,
Благослови искать счастья
На широком свете.
— Погодите... Свет — не хата,
А вы — только дети,
Малолетки. Кто разумный
Пойдет вместе с вами?
Кто поведет? Горе, дети,
Одно горе с вами!
Вырастил вас, выпестовал,
Вы повзростали,
В мир идете; нынче все там
Учеными стали.
Уж простите — не учил вас:
Меня-то хоть били,
Крепко били, а чему-то
Все же научили!

Т ма, м на знаю, а оксию¹
И ныне не знаю.
Что ж вам скажут? Идем, дети,
Счастья попытаем!
Есть отец², для сердца милый
(Родного не стало), —
Нам поможет он советом:
Сам ведал бывало,
Как печально жить на свете
Сиротой безродным;
А к тому же — сердцем щедрый,
Казак благородный...
Не отрекся он от слова,
Что мать напевала,
Когда сына пеленала,
Колыбель качала.
Не отрекся он от слова,
Каким Украину
Слепец нищий поминает,
Тоскуя у тына.
Любит ее, песню правды,
Казацкую славу,
Любит ее! Идем, дети,
На суд нелукавый!
Не приди он мне на помощь
При тяжелой године,
Давно б меня схоронили
В снегу на чужбине;
Схоронили да сказали:
«Куда он годится...»
Тяжко, горько без причины
Весь век протомиться.
Страшен сон, да миновалось!..
Летите, орлята!..
Если мне он на чужбине
Подад руку брата, —

---

¹ Т ма, м на — слоги в церковнославянском букваре; оксия — церковнославянское название ударения над словами. В детстве Шевченко учился по церковнославянским книгам.

² Поэт имеет в виду В. И. Григоровича, которому посвящена поэма.

И вас примет, улыбнется,
Как родному сыну.
А от него, помолившись,
В путь, на Украину!
Добрый день, отец мой милый!
Здесь же, у порога,
Благослови моих деток
В дальнюю дорогу!

7 апреля 1841 г.

Петербург

И н т р о д у к ц и я ¹

Было время — была Польша,
Вельможная пани;
Силой мерилась с Москвою,
С ордою, с султаном
Да с немцами... Было время...
Было — и все сплыло.
Прежде шляхта знай пирует
Да чванится силой,
Королями помыкает...
Не скажу — Собесским
Или, может быть, Стефаном ²:
Равнять этих не с кем.
А прочими... Те, бедняги,
Смирно управляли:
Сеймы, сеймики ³ шумели,
Соседи молчали,
Смотрели все, как короли
Из Польши уходят,
Да слушали, как шляхетство
В стране верховодит.

---

¹ И н т р о д у к ц и я — вступление. Здесь поэт дает картину политического и морального распада шляхетской Польши XVIII века.

² Собесский Ян — польский король XVII века, победитель турок под Хотинем и Веной; Стефан Баторий — польский король XVI века.

³ Сейм — в старой Польше так назывался съезд представителей шляхты, которому принадлежала законодательная власть; сеймики — в старой Польше и Литве собрание шляхты одного воеводства.

«Nie pozwalam! Nie pozwalam!»¹ —
Шляхтичи горланят,
А магнаты палят хаты
Да людей тиранят.
Так бы длилось; но на троне
Польском и литовском,
Вдруг усевшись, начал править
Бравый Понятовский².

Он шляхтичей задумал тонко
Утихомирить... Не сумел!
Добра хотел, как мать ребенку,
Иного, может быть, хотел.
Одно словечко «Nie pozwalam»
У шляхты вздумал отобрать —
И сразу... Польша запылала,
Панки взъярились, ну кричать:
«Гонóбу слово, дáрма праца!»³
Поганец, наймит москаля!
На крик Пулавского и Паца
Встает шляхетская земля —
И сразу сто конфедераций!⁴
Разбрелись конфедераты
По Литве, Волыни,
По Молдавии и Польше
И по Украине;
Разбрелись и вдруг забыли
Речи про свободу,
С торгашами побратались
На горе народу.

---

¹ «Не позволяю!» (польск.) — возглас, которым любой из членов сейма мог наложить запрет на решение сейма.

² П о н я т о в с к и й Станислав II Август (1764—1795) — последний король Польши; был избран на престол при поддержке Екатерины II. Понятовский пытался отобрать у сейма право запрета.

³ «Слово чести, напрасный труд» (польск.) — выражение, характерное для надменной шляхты.

⁴ К о н ф е д е р а ц и и — группировки шляхты, выступавшие против короля и сейма. В 1768 году была создана Барская конфедерация (в городе Бар на Подолии). Эту конфедерацию возглавили Пулавский и Красинский, к ним присоединился руководитель литовских конфедератов Пац. Конфедераты грабили и разоряли Украину; издевались над народом, и это послужило поводом для давно назревшего восстания.

Разрушали, истязали,
Церкви жгли, громили...
На ту пору гайдамаки
Ножи освятили ¹.

Ярема

— Ярема! Хам! Ты не оглох ли?
Живей кобылу запрягай,
Хозяйке принеси пантофли ²
Да мне в корчму воды подай.
Дров накопи, подмети хату,
Гусей, индюшек обойди,
Сходи-ка в погреб, сбегай к стаду.
Проворней, хам!.. Эй, погоди!
Как справишься, ступай в Ольшану ³:
Жена велела. Ну, не стой! —
Пошел Ярема сам не свой.

Так спозаранку, беспрестанно
Шинкарь беднягой помыкал.
Молчал Ярема — ведь не знал,
Не знал он, сердечный, что выросли крылья,
Что неба достанет, едва полетит, —
Не знал, покорялся...

О боже мой милый!
Трудно жить на свете, а хочется жить:
Хочется увидеть, как солнце сияет,
Хочется послушать, как море играет,
Как птицы щебечут, как ветер гудит,
Как девушка звонко поет, распевает...
О боже мой милый, как весело жить!

Сирота Ярема, сирота убогий:
Ни сестры, ни брата, всеми позабыт!
Все им помыкают, вырос при дороге,
А не клянет долю, людей не бранит.

¹ По народной легенде, гайдамаки перед восстанием освятили ножи.

² Пантофли — туфли.

³ Ольшана — село на Киевщине. Как известно, юноша Шевченко служил в Ольшане казачком у помещика.

Да за что бранить их! Разве знают люди,
Кого им голубить, кого распинать?
Пускай торжествуют... Им судьба добудет —
Безродному надо горбом добывать.
Бывало поплачет тайком, за стеною,
Да и то не с горя — незачем тужить:
Что-нибудь припомнит, увидит порою...
И снова за дело. Вот так надо жить!
Что родная хата, светлые палаты,
Если не с кем сердце, душу разделить!
Сирота Ярема — сирота богатый...
Есть с кем посмеяться, есть с кем погрустить:
Есть карие очи — как звезды сияют,
Руки молодые — нежно обнимают.
Есть сердце на свете, сердечко девичье,
С ним смеется, плачет, стынет, оживает,
Как святой дух среди ночи
Над милым витает.

Вот таков-то мой Ярема,
Сирота богатый!
Таким и я когда-то был —
Все прошло, дивчата!..
Все прошло, все миновалось,
Без следа пропало.
Сердце ноет, как припомню...
Зачем не осталось?

Зачем не осталось? Зачем миновало?
Легче было б слезы, тоску изливать.
Люди отобрали, все им было мало:
— Зачем ему счастье? Надо закопать:
Он и так богат ведь... —

Богат на заплаты,
На частые слезы — их не сосчитать!
Счастье мое, счастье! Где тебя искать?
Прилети обратно, вернись в мою хату,
Хоть во сне приснишь мне!.. Не хочется спать!
Люди добрые, простите!
Может, зря толкую,
Да ведь каждому наскучит
Терпеть долю злую!
Может, снова мы сойдемся,

Покуда шагаю
За Яремою по свету?
А может... не знаю.
Горе, люди, — всюду горе,
Негде с ним приткнуться:
Куда гнет судьба-злодейка,
Туда надо гнуться.
Гнуться молча, улыбаться,
Чтоб люди не знали,
Что скрываешь в своем сердце,
Чтобы не ласкали.
Ведь их ласка... пускай снится,
Кому полюбились,
А сироте — чтоб не снилась,
Никогда не снилась!
Горько, тошно рассказывать,
А молчать не смею...
Так пролейтесь, слова-слезы:
Солнце не согреет,
Не высушит. Поделюсь я
Моими слезами...
Да не с братом, не с сестрою —
С немymi стенами
В чужом краю...

Праздник в Чигирине¹

Вы, гетманы наши! Когда бы вы встали,
Встали, поглядели на тот Чигирин,
Где вы пиروвали, где вы царевали!
Заплакали б горько, — вы бы не признали
Казачью славу меж этих руин.
Вот площадь — бывало, там войско казачье
Будто море станет, багряно горит,
А ясновельможный² на коне горячем,

---

¹ Чигирин — город на реке Тясмине, правом притоке Днепра. В XVII веке, начиная с гетманства Богдана Хмельницкого, — столица гетманов и сильная крепость.

² Ясновельможный — титул гетмана.

Блеснет булавою — море закипит...
Закипит — и разлилось
Степями, ярами;
Горе никнет перед ними...
А за казаками...
К чему слова?.. Все исчезло,
А то, что исчезло,
Забудемте, приятели, —
Так, право, полезней...
Да что толку, если вспомнишь!
Припомнишь — заплачешь.
Ну, хоть глянем на Чигирин,
Когда-то казачий.

Из-за леса, из тумана
Месяц выплывает;
Багрянеет, круглолицый,
Горит, не сияет,
Точно знает, что не надо
Людям его света,
Что пожары Украину
Согреют, осветят.
Вот и смерклось, а в Чигрине,
Словно в домовине,
Грустно, грустно... (Вот так было
По всей Украине
Накануне маковей¹,
Как ножи святили.)
Нет ни души; над площадью
Крылом зачертили
Нетопыри; на выгоне
Сова завывает.
Где же люди?.. Над Тясмином,
В лесу ожидают,
В темноте; богатый, нищий,
И старый, и малый
Собрались, — наступает
Праздник небывалый.

---

¹ Маковей — народное название церковного праздника Макавеев (1 августа ст. ст.). По преданию, в этот день будто бы началось восстание гайдамаков. В действительности восстание началось раньше — в июле 1768 года.

В лесу, под ветвями, в зеленой дуброве,
Кони на приколе, мураву грызут;
Оседланы кони, они наготове.
Куда-то поскачут? Кого повезут?
Вот кого, глядите! Посреди долины
Лежат, недвижимы, притаились, ждут.
Это — гайдамаки... На стон Украины
Орлы прилетели; они понесут
    Злому врагу кару;
    За кровь и пожары
Адом гайдамаки шляхте воздадут.

У рощицы возы стоят
Железной, не простой тарани ¹:
Гостинец тороватой пани.
Дарить умела, говорят, —
Ну что ж, царица на том свете
Не взыщет с нас за шутки эти!
Между возами негде стать:
Что птиц, народу налетело
Из Смелы, из Чигирина —
Казак простой и старшина, —
Слетелись, стало быть, на дело.
Старшины гордо, важно ходят,
Все в черных свитках, как один,
Да потихоньку речь заводят,
Косясь тайком на Чигирин.

Старшина первый

Старик Головатый ² что-то больно хитрит.

Старшина второй

Мудрая голова, посиживает на хуторе, будто не знает
ничего, а смотришь — всюду Головатый.

«Ежели, — говорит, — сам не осилю — передам сыну».

---

¹ То-есть возы с ножами. Среди гайдамаков ходили слухи, что «тороватая пани» — Екатерина II — прислала им в подарок ножи для расправы с польскими панями.

² Такого руководителя повстанцев фактически не было.

Мирской суд.
Офорт, 1844 г.

Дары в Чигирине.
Офорт, 1844 г.

Старшина третий

Да и сын — тоже мастак! Я вчера видался с Железняком; такое рассказывает про него — ну его совсем! Кошевым¹, говорит, будет, да и всё; а может, еще и гетманом, когда...

Старшина второй

А Гонта на что? А Железняк? Гонте сама...² сама писала: «Когда, мол...»

Старшина первый

А ну, тише! Как будто звонят!

Старшина второй

Да нет, то народ шумит.

Старшина первый

Дошумится до того, что шляхта услышит. Ох, головы старые да разумные! Чудят, чудят, да и сделают из сошника шило! Где можно с мешком, там сумы не надо. Купили хрену — надобно есть; плачьте очи, хоть поковылазьте: видели, что покупали; не пропадать деньгам! А то думают, думают — ни громко, ни молча; а шляхта догадается, — вот тебе и шиш!.. Что там за совет? Почему не звонят? Как удержишь народ, чтоб не шумел? Не десять душ, а, слава богу, вся Смелянщина³, если не вся Украина. Вон, слышите? Поют.

Старшина третий

Верно, поет кто-то; пойди унять.

Старшина первый

Не унимай! Пускай поет, лишь бы не громко.

---

¹ Кошевой (атаман) — военный руководитель в запорожском войске.

² Сама — царица Екатерина II.

³ Смелянщина — район Смелы, местечка на Киевщине.

Старшина второй

Там, видно, валах!¹ Не утерпел-таки старый дурень;
надо — и всё!

Старшина третий

А знатно поет! Как ни послушай — все разное. Подкрадемся, братцы, да послушаем; а тем временем зазвонят.

Старшины первый и второй

А что ж! Пойдем.

Старшина третий

Ладно, пойдем.

Старшины притаились за дубом, а под дубом сидит слепой кобзарь;
вокруг него запорожцы и гайдамаки.

К о б з а р ь *(напеваает протяжно и негромко)*.

Ой, валахи, осталась
Вас лишь самая малость;
И вам, молдаванам,
Не жить своим станом:
Ваши господáри²
Продались татарам,
Султанам суровым.
В оковах, в оковах!
Полно, не тужите!
Крепко помолитесь,
Братайтесь с нами,
С нами, казаками;
Богдан³ наш державный

---

¹ В а л а х — прозвище слепца-кобзаря, ходившего с гайдамаками. Вообще валахами называли уроженцев княжества Валахии, которое впоследствии вошло в состав Румынии.

² Г о с п о д á р и — князья-правители Молдавии и Валахии. В то время — вассалы турецкого султана.

³ Б о г д а н — Богдан Хмельницкий, выдающийся государственный деятель и полководец, возглавивший освободительную войну украинского народа против польской шляхты. В 1654 году он воссоединил украинский народ с братским русским народом. Шевченко в своем «Дневнике» назвал Богдана Хмельницкого «гениальным бунтовщиком».

Дал пример вам славный;
Будете панами,
Да, как мы, с ножами,
С ножами святыми,
Да с батькой Максимом
Всю ночь прогуляем,
Шляхту приласкаем,
Да так погуляем,
Что все черти захохочут,
Земля загрохочет,
Небо запыхает...
Славно погуляем!

Запорожец

Славно погуляем! Правду старик поет, ежели не врет. Вот бы кобзарь был, не будь он валахом!

Кобзарь

Да я не валах — так только: был когда-то в Валахии, вот люди и кличут валахом — сам не знаю за что.

Запорожец

Ну, не важно. Рвани еще одну! А ну-ка, про батька Максима ударь!

Гайдамак

Да не громко, а то старшины услышат.

Запорожец

А что нам ваши старшины! Услышат — так послушают, если есть чем слушать, вот и все! У нас один старшой — батько Максим; а он как услышит, так еще карбованец¹ даст. Пой, старче божий, не слушай его.

Гайдамак

Так-то оно так, человече; я и сам знаю, да вот что: не так паны, как подпанки, или — пока солнце взойдет, роса очи выест.

¹ Карбованец (укр.) — рубль.

Запорожец

Брехня! Пой, старче божий, какую знаешь, а то и звона не дождемся — заснем.

Все

И правда, заснем. Спой какую ни на есть!

Кобзарь (поет)

Летит орел, летит сизый
Да под небесами;
Идет Максим, идет батько
Степями, лесами.
Ой, летает орел сизый,
А за ним орлята;
Идет Максим, идет батько,
А за ним ребята.
Запорожцы — те ребята,
Отцом знамениты.
С ними думает-гадает,
Рубить им, иль пить им,
Или плясать; а запляшут —
Земля загрохочет,
Запоет он — так подтянут,
Что горе хохочет.
Горилку-мед не чаркою,
А ковшом хлебает,
А недруга, не гляючи,
С дороги сметает.
Вот такой-то атаман наш,
Орел сизокрылый!
И воюет и гарцует,
Не жалея силы.
У него, у атамана,
Ни дома, ни поля...
Степь да море — вот дорога,
Там слава и воля.
Трепещите, вражьи ляхи,
Лютые собаки:
Железник на Черном шляхе,
А с ним гайдамаки.

Запорожец

Вот это так! Хватил, нечего сказать: и складно и ладно. Хорошо, право хорошо! Что ни запоет — в самый раз! Спасибо, спасибо!

Гайдамак

Я как-то не разобрал, что он пел про гайдамаков?

Запорожец

Экий ты олух, право! Видишь, вот что он пел: чтоб ляхи проклятые, лютые собаки, каялись, а то идет Железняк Черным шляхом с гайдамаками, чтобы ляхов, знаешь, резать...

Гайдамак

И вешать и терзать! Славно, ей-богу славно! Ну, это так! Право, дал бы карбоваец, кабы не пропил вчера. Вот беда! Ну, пускай старая вязнет, больше мяса будет. Потерпи, милостивец, завтра отдам. Хвати-ка еще про гайдамаков.

Кобзарь

До денег я не больно охоч. Была бы охота слушать, — пока не охрипну, буду петь; а охрипну — чарочку-другую той живой водицы, как говорится, и снова начну. Слушай же, мир честной!

Ночевали гайдамаки
В зеленой дуброве,
Были кони на приколе,
Седла наготове.
Ночевали гайдамаки
Вместе с шинкарями,
Напились, разлеглись,
Да и...

Все

А ну, тихо! Будто звонят. Слышишь? Еще раз... о!

— Зазвонили, зазвонили! —
Пошло гремять логом.
— Ступайте же да молитесь,
Докончу дорогой.

Повалили гайдамаки —
Гомон по дуброве;
Не повезли, а на плечи
Взвалили — воловьи
Возы несут. А за ними
Слепой валах снова:
«Ночевали гайдамаки
В зеленой дуброве...»
Ковыляет, повторяет:
Вот так, мол, и надо...
— Ну, другую, старче́ божий! —
Кричит вся громада,
Вскинув возы над плечами.
— Ладно, хлопцы, нате!..
Вот так! Вот так! Славно, хлопцы!
А ну-ка, орлята,
Попробуем! —

Земля ходит,
Так они с возами
Заплясали. Старый — пуще,
Да вторит словами:
«Ой, гоп таки-так!
Кличет Гандзю казак:
«Иди, Гандзя, побалую,
Иди, Гандзя, поцелую;
Пойдем, Гандзя, у попа
Богу помолиться.
Нет пшеницы ни снопа —
Вари чечевицу!»
Оженился — разорился:
Хата, клеть пустуют;
Дети голы, а сердечный
Поет, не горюет:
«И в дому-то ти-ни-ни,
И в сенях-то ти-ни-ни,
Линя, баба, тяни!
Ти-ни-ни, ти-ни-ни!»

— Славно! Славно! Еще! Еще! —
Кричат гайдамаки.

«Ой, гоп, что за диво!
Наварили ляхи пива,
А мы будем пировать,
Ляшкóв-панкóв угощать,
Ляшкóв-панкóв поить будем
И паненок не забудем.
Ой, гоп таки-так!
Кличет панну казак:
«Панна, пташка моя!
Панна, доля моя!
Не смущайся, дай мне ручку.
Пойдем погуляем:
Пусть соседям горе снится,
А мы поиграем!
А мы поиграем,
Счастья попытаем,
Панна, пташка моя,
Панна, доля моя!»

— Еще, еще!

«Как бы так-то, или так, или сяк,
Кабы-таки запорожский казак!
Кабы-таки молодой, молодой,
Хоть по хате походил бы со мной!
    Страх как мне не хочется
    Со стариком морочиться!
    Кабы-таки...»

— Эй, вы, шальные! Не беситься!
Ишь, расходились как! А ты,
Кобель седой, тебе б молиться,
А не орать! Заткните рты! —
Крик атамана. Огляделись:
Пред ними храм. Дьячок поет,
Попы с кадилами, с кропилом;
Как неживой, застыл народ —
И ни гу-гу... Попы кропили,

Между возами важно шли,
Хоругви с пением несли,
Как будто куличи святили.
— Молитесь, братия, молитесь! —
Речь благочинного слышна. —
У врат святых Чигирина
На страже стал небесный витязь,
Не даст святого распинать.
А вы Украину защищайте:
Не дайте матери, не дайте
На плахе в муках погибать!
От Конашевича¹ доньне
Страдают люди, в муках мрут,
Пожар горит на Украине...
И некрещеными растут
Казачьи дети. А дивчата!
Земли украинской краса
В неволе вянет без возврата,
И непокрытая коса
Сечется от стыда, и очи
От горя слепнут. Расковать
Казак сестру свою не хочет;
Сам не стыдится изнывать
В ярме у ляха... Горе, горе!
Молитесь, дети! Страшный суд
Украине ляхи вновь несут —
И черные взрыдают горы.
Припомним гетманов державных:
Где схоронили их? Где прах
Богдана — славного из славных?
Где Острианицына в степях,
Где Наливайкова² могила?
Сожгли обоих. Степь нема,
Казачья угасла сила!

---

¹ Конашевич — Петр Конашевич-Сагайдачный, украинский гетман с 1614 по 1622 год.

² Острианица — один из руководителей восстания на Украине в 1637—1638 годах, был гетманом запорожского войска в 1638 году; Наливайко — казацкий атаман, руководитель крестьянского восстания XVI века против польской шляхты. В 1597 году попал в руки польских панов и был после страшных пыток казнен.

Где наш Богун ¹, где та зима?
Ингул, как прежде, замерзает, —
Богун не встанет завалить
Его врагами. Лях гуляет;
Богдана нету — обагрить
Течение зеленой Роси
И Желтых Вод. И Корсунь ² просит
Ему в печали пособить.
И Альта ³ плачет: «Злая слава!
Я сохну, сохну... Где Тарас? ⁴
И не слышать... Нет, не в отца вы!»
Не плачьте, братия: за нас
И души праведных и сила
Архистратига Михаила ⁵,
Не за горами кары час.
Молитесь, братия! —

Молились,

Молились жарко казаки,
Как дети, жарко. Не тужили,
Иного ждали... а свершилось:
Над их могилами — платки! ⁶
Одно счастье, одна слава —
Белый плат накинута,
И тот снимут...

---

¹ Богун — соратник Богдана Хмельницкого, талантливый полководец во время освободительной войны 1648—1654 годов против польской шляхты. Богун был казнен польскими шляхтичами в 1664 году. Случай, о котором здесь упоминает Шевченко, произошел зимой 1651 года, когда проломился лед под наступавшим на Украину польским войском. Войско переправлялось не через Ингул, как говорит Шевченко, а через Южный Буг.

² Рось — правый приток Днестра, на котором расположены Корсунь и Богуслав; Желтые Воды — река на Херсонщине, где в 1648 году Богдан Хмельницкий нанес поражение польскому войску. Под Корсунем в том же году он нанес второе поражение противнику.

³ Альта — река, впадающая в Трубеж недалеко от Переяслава.

⁴ Тарас — Тарас Трясило, казачий гетман, разгромивший шляхетское войско под Переяславом в мае 1630 года.

⁵ Архистратиг Михаил — по христианской мифологии, главный воевода небесного воинства.

⁶ По народному украинскому обычаю, во время похорон на могильный крест вешали платки. После погребения этими платками повязывали рукава родственникам и друзьям покойного.

А диакон:
— Пускай недруг сгинет!
Вот вам ножи! Освятили. —
Набат не смолкает;
Рев над бором: — Освятили! —
Сердце замирает.
Освятили! Освятили!
Сгинет шляхта! Сгинет!
Разобрали, засверкали
По всей Украине.

Третьи петухи¹

Еще Украину истязали,
Как прежде, ляхи; день один,
Один последний тосковали
И Украина и Чигрин.
И вот день маковея минул —
Великий праздник Украины
Прошел... Торгаш и дворянин
Вином и кровью упивались,
Ругали схизму², распинали,
Кляли, что нечего отнять.
А гайдамаки молча ждали,
Когда злодеи лягут спать.
Легли — не знали, не гадали,
Что завтра им уже не встать.
Паны заснули, но под сводом
Менялы барыши таят,
В тиши червонцами звенят,
Скрываясь, видно, от народа.
И те на золоте легли
И сном нечистым задремали.
Пусть дремлют... Навеки б они задремали!
А в ту пору месяц плывет озирать
И неба просторы, и звезды, и море,
Повидать народы, счастье их и горе,

¹ Условным сигналом для выступления гайдамаков были «третьи петухи» (петухи поют в третий раз перед самой зарей).

² С х и з м а (греч.) — церковный раскол. Схизматиками (раскольниками, еретиками) польские шляхтичи и ксендзы презрительно называли православных.

И господу утром о всем рассказать.
Светит белолицый на всю Украину,
Светит... А видал ли мою сиротину,
Оксану¹ видал ли — мою сироту?
Где ее терзают, где она страдает?
Знает ли Ярема? Может быть, не знает?
Увидим мы после, а теперь не ту,
Не ту запою вам, не ту заиграю:
Горе — не дивчата — в пляс теперь пойдет.
Недолю напомним казацкого края;
Знайте, передайте всем из рода в род,
Чтобы дети знали, внукам передали,
Как казаки шляхту тяжко покарали
За то, что нещадно теснила народ.
Волновалась Украина,
Долго волновалась, —
Долго, долго кровь степями
Текла, разливалась.
Текла, текла и высохла.
Поля зеленеют;
Деды лежат, а над ними
Курганы синеют.
Высокие, а что толку?
Никто их не знает,
Никто горько не заплачет,
Никто не помянет.
Только ветер тихохонько
Повеет над ними,
Только рóсы ранехонько
Слезами своими
Их умоют. Взойдет солнце,
Осушит, пригреет...
Ну, а внуки? Им нет дела —
Панам жито сеют!

---

¹ Оксана — героиня поэмы «Гайдамаки», любимая девушка Яремы. В опущенных нами главах рассказывается о том, как Оксана нежно простилась с Яремой, уходившим к гайдамакам сражаться с жестокими польскими панями. Но в ту же ночь шляхтичи ворвались к отцу Оксаны, ктитору (церковному старосте) в Ольшане, подожгли дом и убили старика-хозяина, а несчастную Оксану связали и увезли с собой. Вскоре Ярема с повстанцами прибывает в Ольшану. Узнав, что Оксана томится в замке, Ярема спасает ее и возводит в Лебедин.

Немало их, а кто скажет,
Где Гонты могила,
Мученика праведного
Где похоронили?
Где Железняк прямодушный,
Где он почивает?
Горе, горе! Кат¹ владычит,
А их — забывают.
Волновалась Украина,
Долго волновалась,
Долго, долго кровь степями
Текла, разливалась.
И день и ночь — вопли, грохот;
Земля стонет, гнется;
Грустно, страшно, а припомнишь —
Сердце засмеется!

Месяц ты мой ясный! Сойди с небосвола,
Укройся за горы, уйди от невзгоды;
Страшно тебе станет, хоть видал ты Рось,
И Альту, и Сену²; и там пролилось
Неповинной крови широкое море.
Что же нынче будет? Так скройся за горы!
Сокройся, сердечный, чтоб не довелось
На старости плакать...

Грустно, грустно среди неба
Светит месяц бледный.
А над Днепром казак идет,
Нерадостен, бедный.
Идет грустный, невеселый,
Как будто с кладбища.
Может, милая не любит
Оттого, что нищий?
Нет, милая его любит,

---

¹ Кат (укр.) — палач. Шевченко говорит здесь о паре Николае I.

² Поэт, упоминая о кровавых событиях на реках Альте и Роси, говорит и о Варфоломеевской ночи в Париже (на реке Сене) в 1572 году, когда католики-изуверы устроили резню гугенотов (протестантов).

Хоть всюду — заплаты.
Чернобровый, а не сгинет —
Так будет богатым.
Что же он идет невесел,
Грустит да тоскует?
Видно, злую долю сердце
Казацкое чувствует.
Чует сердце, да не скажет,
Что за доля злая.
Пройдет горе... А округа —
Как бы неживая.
Петухи молчат, собаки
За плетнем не лают,
Только где-то заунывно
Волки завывают.
Что ему! Идет Ярема,
Да не в дом Оксаны,
Не в Ольшану, к милой в гости, —
На ляхов поганых,
К ним, в Черкассы¹. А там третьи
Петухи проснутся.
А там... а там... И Ярема
К Днепру обернулся.

«Ой, Днепр ты мой, Днепр мой широкий,
обильный!

Немало, родимый, в низовья носил
Казацкой ты крови; и понесешь, сильный!
Обагрил ты море, да не напоил, —
В эту ночь упьешься. Свиное пламя
По всей Украине в ночи заревет;
Потечет волнами, волнами, волнами
Кровь шляхты проклятой! Казак оживет;
И гетманы встанут в золотых жупанах;
Вернется к нам счастье; и грянут слова:
«Отчизна свободна!» А в степях

Украины —

О боже мой милый! — блеснет булава».

Так думал, в сермяге батрацкой шагая,
Бедняга Ярема, с свяченым² в руках.

¹ Черкассы — город на Киевщине.

² То-есть с ножом, который освятили перед выступлением.

А Днепр — точно слышал: синяя без края,
Взметнул горы-волны; ревет в камышах,
Ревет, стонет, завывает,
Лозы наклоняет;
Гром грохочет, а молния
Тучу разрывает.
Идет себе наш Ярема,
Как будто незрячий;
Бегут думы чередою,
Ликуя и плача.
«Там Оксана, там весело
И в простой одеже;
А тут... а тут... как придется!
Погибну, быть может!»
А в ту пору из лощины
Петух — кукареку!
«А, Черкассы!.. Боже милый,
Не убавь мне веку!»

Лебедин¹

— Я сирота из Ольшаны,
Сирота, бабуся.
Отца ляхи замучили,
А меня... боюся,
Боюсь вспомнить, мое сердце!..
Увезли с собою.
Ты не спрашивай, бабуся,
Что было со мною.
Я молилась, я рыдала,
Сердце разрывалось,
Слезы сохли, душа стыла...
Ох, когда б я знала,
Что опять его увижу,
Что увижу снова, —
Вдвое, втрое вытерпела б
За одно лишь слово!
Ты прости, моя голубка!

---

¹ Лебедин — женский монастырь, между Чигирином и Звенигородкою. (Примеч. автора.)

Может, я грешила,
Может, бог за то карает,
Что я полюбила, —
Полюбила стан высокий
И карие очи,
Полюбила, как умела,
Как сердце лишь хочет.
Не себя я, не отца я,
Молясь, поминала —
Нет, бабуся, я о милом
Бога умоляла.
Карай, боже! Я готова
Пред тобой склониться.
Сказать страшно: я хотела
С жизнью распротиться.
Когда б не он, я... пожалуй,
Душу б загубила.
Тяжко было! Я думала:
«О боже мой милый!
Он сирота, — приласкает
Сиротину кто же?
Кто и в счастье и в несчастье
Советом поможет?
Кто, как я, его обнимет?
Как я, пожалеет?
Кто беднягу добрым словом
Утешит, пригреет?»
Я так думала, бабуся,
И сердце смеялось:
«Я сирота, без матери,
Без отца осталась,
И он один на всем свете,
Один меня любит;
А про смерть мою услышит —
И себя погубит».
Так я думала, молилась,
Ждала, поджидала:
Нет милого и не будет!
Одна я осталась... —
И заплакала. Монашка,
Стоя рядом с нею,
Пригорюнилась.

— Бабуся!
Скажи ты мне: где я?
— В Лебедине, моя пташка!
Ты лежишь больная.
— В Лебедине? А давно ли?
— Третий день, родная.
— Третий день уж? Постой, постой...
Пожар над водою...
Шинкарь, замок, Майдановка...
Зовут Галайдою...
— Галайдою, Яремою
Себя называет
Тот, кто привез...

— Где он? Где он?
Теперь я все знаю!
— Обещал через неделю
Прийти за тобою.
— Обещал!.. Через неделю
Сердце успокою!
Бабусенька, миновалось
Горе мое ныне!
Тот Галайда — мой Ярема!..
По всей Украине
Его знают. Я видела,
Как села пылали;
Я видела, как поляки
В страхе замирали,
Чуть заслышат про Галайду.
Знают, кровопийцы,
Кто таков он и откуда,
К кому он стремится!..
Меня искал, меня добыл,
Орел сизокрылый!
Прилетай же, мой соколик,
Голубчик мой милый!..
Ох, как весело на свете,
Как весело стало!
Обещал через неделю...
Так три дня осталось.
Ох, как долго...
«Загребай, мама, жар, жар —
Будет тебе дочки жаль, жаль...»

Ох, как весело на свете!
А тебе, бабуся,
Весело ли?

— Я с тобою,

Пташка, веселюся.

— Что же ты не подпеваешь?

— Стара, дочка, стала... —

Зазвонили тут к вечерне;
Оксана осталась,
А монашка с молитвою
В храм заковыляла.

Через три дня в Лебедине
В церкви возглашали:
И с а й я, л и к у й! ¹ Утром
Ярему венчали;
А к вечеру мой Ярема
(Вот хлопец учтивый!),
Чтоб не гневить атамана,
Оксану покинул:
Шляхту кончать. С Железняком
Он свадьбу справляет
На уманском пожарище.
Она поджидает,
Поджидает: вот вернется
Супруг тороватый,
Увезет ее из кельи
В богатую хату.

Не печалься, а надейся
Да молися богу!
А меня — на Умань глянуть
Поведет дорога.

Э п и л о г

Давно миновалось, как я, сиротина,
Малышом безродным, бездомным блуждал,
Без шапки, без хлеба, по той Украине,
Где Железняк, Гонта с свяченым гулял.

---

¹ «И с а й я, л и к у й!» — песнопение в церкви во время венчания.

Давно миновалось, как теми путями,
Где шли гайдамаки, детскими ногами
Ходил я и плакал да людей искал,
Чтоб добру учили. Вот, припоминал,
Вспомнил и жалею, что горе минуло.
Молодое горе!.. если б ты вернулось,
Отдал бы я счастье взрослых моих лет.
Вновь вижу то горе и степи без края,
И отца и деда опять вспоминаю...
Дед еще не помер, а отца уж нет.
Порой в воскресенье, закрывши Минею ¹,
Выпивши с соседом, чтобы жить дружнее,
Отец просит деда, — снова б рассказал
Про Колиивщину, как тогда гуляли,
Как Железняк, Гонта шляхту покарал.
Столетние очи, как звезды, сверкали,
А слово за словом смеялось, лилось:
Как ляхов кончали, как Смела горела...
Соседи от страха, от тоски немели.
Да и мне, дитяти, не раз довелось
Над ктитором ² плакать. И никто не знает,
Что малый ребенок в уголке рыдает...
Спасибо, дедуся, что ты сохранял
В голове столетней былль родного края:
Я все это внукам теперь рассказал.

Люди добрые, простите,
Про дела казачьи
Не по книжкам повествую,
А так, наудачу.
Так дед когда-то сказывал —
И мне остается
Вторить ему. Не знал старый,
Что читать придется
Эту сказку грамотеям.
Так прости, дедуся,
Пускай бранят! А покамест
Я к своим вернуся

---

¹ Минея — Четьи-минеи, духовная книга для чтения на каждый день.

² Речь идет о ктиторе, отце Оксаны, которого убили шляхтичи. Шевченко передал этот народный рассказ в «Гайдамаках».

И dokonчу свою повесть,
Dokonчу — не кину,
Да хоть сквозь сон люблюсь
На ту Украину,
Где ходили гайдамаки
С святыми ножами,
На те пути, что я мерил
Детскими ногами.

Поголяли гайдамаки,
Крепко поголяли:
Чуть ли не год шляхетскою
Кровью поливали
Украину. И замолкли —
Ножи притупили.
Нету Гонты; нету знака,
Где его могила.
Буйный ветер поразвеял
Пепел гайдамака,
И некому помолиться,
Некому оплакать.
Один только брат названный
Остался на свете;
И тот, узнав, что так страшно
Бесовские дети
Его брата замучили, —
Железняк заплакал
В первый раз. И слез не вытер,
Умер он, бедняга.
Тоска его задушила
В чужом, дальнем поле,
В чужой земле положила:
Такая-то доля!
Тихо-тихо гайдамаки
Железную силу
Схоронили... Насыпали
Курган над могилой¹;

---

¹ Шевченко изображает похороны Железняка в степи его товарищами по восстанию. В действительности Железняк был сослан в Нерчинск (Сибирь) на вечную каторгу. Где умер Железняк — неизвестно.

Заплакали, разбрелися
Так же, как сошлись.
Один только мой Ярема
На посох склонился,
Стоял долго: «Почий, батько,
В чужом, дальнем поле!
Ведь на своем нету места,
Нету места воле...
Спи, казак, душа простая!
Кто-нибудь помянет!»

Пошел степью, горемычный,
Слезы утирает.
Долго-долго озирался,
И видно не стало.
Лишь, чернея, тень кургана
Над степью стояла.

Посеяли гайдамаки
На Украине жито,
Да не они его жали.
Что делать, скажите!
Нету правды, не выросла;
Кривда заглушает...
Разбрелися гайдамаки
По родному краю:
Кто домой, а кто в дуброву —
И там с ножом бродит,
Промышляет. Вот такая
О них слава ходит ¹.
А в ту пору Сечь родная ²
Погибла, распалась:
Кто на Кубань, кто за Дунай;
Только и осталось,
Что пороги среди степи.
Ревут, завывают:
«Схоронили детей наших
И нас разрывают!»

---

¹ Шевченко с горечью говорит о том, что пань клеветуют на гайдамаков, изображая их разбойниками.

² Упразднение Запорожской Сечи (1775) не совпадает по времени с разгромом Колинвщины.

Ревут они, реветь будут —
Их горе минуло;
А Украина навеки,
Навеки заснула.

С той поры на Украине
Всходы зеленеют;
Стихли стоны, пушки стихли,
Только ветер веет,
Нагибает вербы в роще,
Ковыль в чистом поле.
Все замолкло. Пускай молчит:
На то божья воля.

Лишь под вечер, в темной роще,
Когда Днепр играет,
Едут деды-гайдамаки,
Едут, запевают:

«У нашего Галайды — богатая хата.
Гей, море! Славно море!
Славно будет, Галайда!»

1811

*

**

Ветер веет, поведает,
Шепчется с травой;
Плывет челнок по Дунаю,
Гонимый волною.
Плывет в волны водой полный —
Никто не приметит;
Кому глядеть? Хозяина
Давно нет на свете.
Поплыл челнок в сине море,
А оно взыграло...
Поднялися волны-горы —
И щепок не стало.

Короткий путь, что челноку
До синего моря, —

Сиротине до чужбины,
А там — и до горя.
Словно волны, поиграют
С ним добрые люди;
Потом станут удивляться,
На что он в обиде;
Потом спроси, где сирота, —
Никто и не видел...

1841

Петербура

МАРЬЯНА-ЧЕРНИЦА

*Оксане К-ко¹ на память о том,
что давно минуло*

Ветер стонет, травы клонит,
Ломит дуб на воле
И несет и полем гонит
Перекаати-поле.
Так и доля: тех ломает,
А тех пригибает,
Мчит меня, — где остановит,
И сама не знает.

Скоро ли на свете и меня не станет?
Где я притулюся, свой окончу век?
Если неудачлив, беден человек,
Если одинок он, — никто не вспомнит,
Не скажет хоть на смех: «Умер — и не встанет!
Счастлив сиротина, что заснул навек!»
Правда ли, Оксана, дальнего, чужого,
Ты не вспоминаешь того сироту,
Что бывало счастлив становился снова,
Поглядев на диво — твою красоту;
Кого ты без речи говорить учила
Очами, душою, сердцем молодым;
С кем ты веселилась, плакала, грустила,
Песню о Петрусе² пела вместе с ним?
Ужель не вспомнешь, Оксана, Оксана?

---

¹ Оксана К-ко — Оксана Коваленко, подруга детских лет Шевченко. О ней поэт не раз вспоминает в своих стихотворениях.

² «Петрусь» — украинская народная песня.

А я и доселе плачу и томлюсь,
Проливаю слезы на свою Марьяну,
На тебя люблюсь, за тебя молюсь.
Вспомни же, Оксана, про меня, чужого,
И сестру Марьяну увенчай венком,
О Петрусе песню спой, Оксана, снова
И хоть шутки ради вспомни о былом!

22 ноября 1841 г.

Петербург

I

В воскресенье на выгоне
Девушки гуляли:
Хороводы заводили,
Песни распевали
Про гулянки-посиделки
Да как мать побила,
Чтоб с казаком не стояла,
Его не любила.
И про то и про другое —
Кто какую знает...
Глядь, кобзарь с поводырёнком
В село ковыляет.
В руках торба, на макушке
Рваная шапчонка
У слепого... А мальчонка!
Сердешный мальчонка!
Еле-еле тащит ноги,
Свитка вся в заплатках.
(Это сын Катруси бедной¹.)
И кричат дивчата:
— Кобзарь идет, кобзарь идет! —
И, хлопцев покинув,
Полетели, как ласточки,
Через луговину.

— Ну, голубчик, ну, дедушка,
Сыграй хоть разочек!

---

¹ Намек на несчастного мальчика-поводыря Ивася из поэмы Шевченко «Катерина».

Я грошик дам, я — черешен,
Всего, чéго хочешь,
Всего дадим. Ты сыграешь,
Ну, а мы попляшем.
Уважь, сыграй, дедусенька,
На празднике нашем!
— Спасибо вам, красавицы,
На ласковом слове,
Только не на чем играть-то... —
И насупил брови. —
Был вчера я на ярмарке —
Кобза поломалась.
— Как же, дедушка? А струны?
— Только три осталось!
— Ну хоть на трех, дедусенька!
— Уж я и не знаю...
На одной играл когда-то,
Теперь не играю.
Погодите, голубоньки,
Дайте отдышуся...
Сядем, хлопец! — Вот уселись.
Торбу взял дедуся,
Кобзу вынул, тронул струны,
Ударил по рваным:
— Что ж сыграть бы? Погодите,
Черницу Марьяну
Вы знаете? — Нет, не знаем!
— Так слушайте, дети,
Да кайтесь...

Давным-давно

Мать жила на свете,
Был отец — взяла могила...
Осталась вдовою,
Ой, не молодою,
И с волами,
И с возами,
И с дочкой-красою.
Росла дочка Марьяна,
А выросла — как панна:
Высока
И черноока,

Бела да румяна.
Ходит мать, хлопочет —
Зятя-пана хочет.
А Марьяна
Разве с паном
Гуляет до ночи?
Что ей до седого,
Усатого, злого!
Нет! С Петрусем
Своим русым
Средь бора сырого
Целовалась,
Миловалась.
Обнимала, млела,
А порою усмежалась,
Плакала, немела.

«Что ж ты плачешь, мое сердце?» —
Петр ее пытается.
Она глянет, усмехнется:
«И сама не знаю». —
«Может, думаешь, покину?
Умру, не покину!
Буду холить, буду нежить,
Покамест не сгину!
А бывало ли на свете,
Чтоб вот так любили,
А потом бы разошлись
И живыми были?» —
«Нет, не было, мой пригожий!
Про то распевают
Кобзари — они слепые,
И они не знают,
Что есть брови словно тучи,
Смех веселый, звонкий,
И высокий стан калячий,
И девичий — тонкий!
Что есть косы до пояса
И кудри по плечи.
Что откликнусь и в могиле
На Петровы речи.
Усмехнуся, скажу ему:

«Орел сизокрылый,
Люблю тебя и за гробом,
Как в жизни любила!»
Вот так его обниму я,
Вот так поцелую!
Пускай вместе закопают
Нас в землю сырую,
В холодную...»

Обнялися,
Как ветки, сплелися.
Вот как они любилися
И сойти клялися
Во сырую землю вместе...
А мать и не знала,
Где Марьяна до полночи
И с кем пропадала.
«Несмышлена, дитя еще!» —
Так она шептала.
Угадала мать седая —
И не угадала.
Знать, забыла, что когда-то
Друга миловала.

А мать угадала: дитячко-то было
И впрямь несмышленным — не умело жить.
Думала Марьяна, что даже могила
Петра не отнимет... Умела любить!
Думала, что просто кобзари не знают,
Не видят, слепые, очей огневых,
Что только пугают дивчат молодых.
Пугают, дивчата, правдою пугают!
И я вас пугаю, потому что знаю
То, чего не дай бог никому узнать.
Никому на свете! Все теперь минуло,
Сердце не заснуло — не забыл я вас.
Люблю вас доселе — сердце не заснуло,
Буду петь вам песни и в последний час.
А когда умру я и петь перестану,
Вспомните про деда, про его Марьяну.
Я вам с того света, детки, улыбнусь.
Улыбнуся... —

И заплакал.

Дивчата молчали,
Ничего не говорили,
Тихонько стояли.
Все минуло... Помогало
Ласковое слово,
Ой, девичье... — Вы простите
Старика слепого.
Не взыщите, мои крали,
Плачу поневоле!..
Ну, так вот... Моя Марьяна
С Петрусем на воле
Каждый вечер миловалась,
А мать удивлялась:
«Что за притча? Что такое
С Марьяною случилось?
Не больна ли? Шить садится —
Шитье не годится.
Задумавшись, про П е т р у с я
Поет вместо Г р и ц я.
Разговаривает ночью,
Подушку целует...»
Мать сначала все смеялась,
Думала — балует.
Потом смотрит — не до шуток,
Говорит: «Марьяна!
Не приехали бы сваты
И, может, от пана.
Ты теперь невестой стала,
Ты уж погуляла,
Я думаю, понимаешь...»
Потом помолчала
И сказала: «Пора замуж!» —
«А за кого, мама?» —
«Да кому по нраву будешь!»
И поет Марьяна:
«Отдай меня, моя мама,
Да не за седого,
Отдай меня, мое сердце,
Да за молодого.
Пускай старый с бобылями
За копейкой рыщет,
А молодой меня любит,

Он доли не ищет.
Он не ищет и не рыщет
Чужими степями —
Свои волы, свои возы...
Между женихами,
Как маков цвет меж цветами,
Цветет-расцветает.
Есть и поле, есть и воля,
А доли не знает.
Его счастье, его доля
Близко-недалече:
Мои косы, мои очи,
Ласковые речи...
Отдай меня, моя мама,
Да не за седого,
Отдай меня, мое сердце,
Да за молодого».

«Дочка моя Марьяна!
Отдам тебя за пана,
За важного, богатого —
За сотника Ивана». —
«Умру, сердце-мама,
За сотником Иваном». —
«Не умрешь, а будешь в холе!..
Зла тебе желают, что ли?» —
«Пойду внаймы, пойду в люди,
А за сотником не буду!» —
«Будешь, дочка Марьяна,
За сотником Иваном!»
Заплакала, зарыдала
Бедная Марьяна.
«За старого, богатого,
За сотника Ивана!..» —
Сама с собой говорила,
А потом сказала:
«Ведь я еще не выросла
И не погуляла.
Ты же меня не пускала
В поле спозаранку —
Ни жито жать, ни лен трепать,
Ни на погулянку,

Где дивчата с парубками
Гуляют, танцуют
Да про меня, молодую,
Говорят-толкуют:
«Родителей знатных дочка —
Шляхетского роду!»
Тяжко мне, ой, тяжко, мама,
Не было так сроду!
Зачем красой наделила,
Дала эти очи,
Эти брови? Только доли,
Доли дать не хочешь!
На что меня родила ты,
Кормила, поила?
Пока горе я не знала,
Лучше б схоронила».
Не слушает мать седая,
Легла — почивает.
А Марьяна кручинится,
Слезы проливает.

II

«Ой, гоп! Не пила,
Я на свадьбе была,
Шла домой, да не попала,
А к соседу забрела.
У соседа
До обеда
На погребнице спала.

Где пьешь, там и льешь,
Завернули в рожь,
С неженатым, рыжеватым,
С холостым — ну-к что ж!
Гужевали,
Бушевали,
Потоптали рожь.

Ой, гоп! Не сама —
Напоила кума.

Провела до самой хаты —
Не увидел Фома.
    Ляжем в хате
    На полати, —
Фома дома нема!

Тряси ж тебя трясовица!
Мне с тобой, Фома, не спится!
    Лучше к куму,
    Эх, к Науму
Пойду в клюню протрезвиться!

А ну-те, напилась!
Видно, свадьба удалась!
«Расцветай-цвети, калина...
Роду честного дивчина!..»

Вот так шла свадьба. Гости спьяну
Кричали на́-голос. Марьяна
Смотрела издали на них,
Кручинилась... И вдруг упала
И тяжко, тяжко зарыдала.
Ой, горе, горе! И за что?
За то, что любит! Тяжко, дети,
Век одинокому прожить.
Еще тяжеле, коль на свете
Неровню суждено любить!

Ой, нет человека меня одиноче!
Я выплакал очи... и мне их не жаль!
На что любоваться? Те девичьи очи,
Что были... когда-то... Тоска да печаль —
Вот всё, что осталось. Иного — не знаю.
С богатством таким трудно, милые, жить.
Под тыном ночую, ветрам подпеваю,
И добрые люди стыдятся пустить
За стол и приветить слепого калеку.
О боже! Не дай долголетнего веку
Тому, кто не ведает счастья любить!
Уж лучше в могилу сойти поскорее,

Чем видеть, как старый, седой богачей
За деньги целует, венчается с нею...
О боже мой, боже! Ты волей своею
Разбей мое сердце и душу разбей!

Зарыдал кобзарь, заплакал
Скупыми слезами.
Удивляются дивчата:
Уж смерть за плечами,
А он — слепой, седоусый —
О давнишнем плачет!
Ой, дивчата, не дивитесь:
Плачет — трудно, значит!
Это слезы, а не росы,
В лугах разлитые,
Ой, не ваши это слезы —
Девичьи, пустые!..
Наплакался; снова кобза
В руках загудела:
— До вечера до самого
Марьяна сидела
В темном лесе; пришел Петрусь.
Она рассказала,
Что слышала, что видела
И что сама знала.
Не стерпела — рассказала,
Как орали пьяно
Нынче свадебные гости...

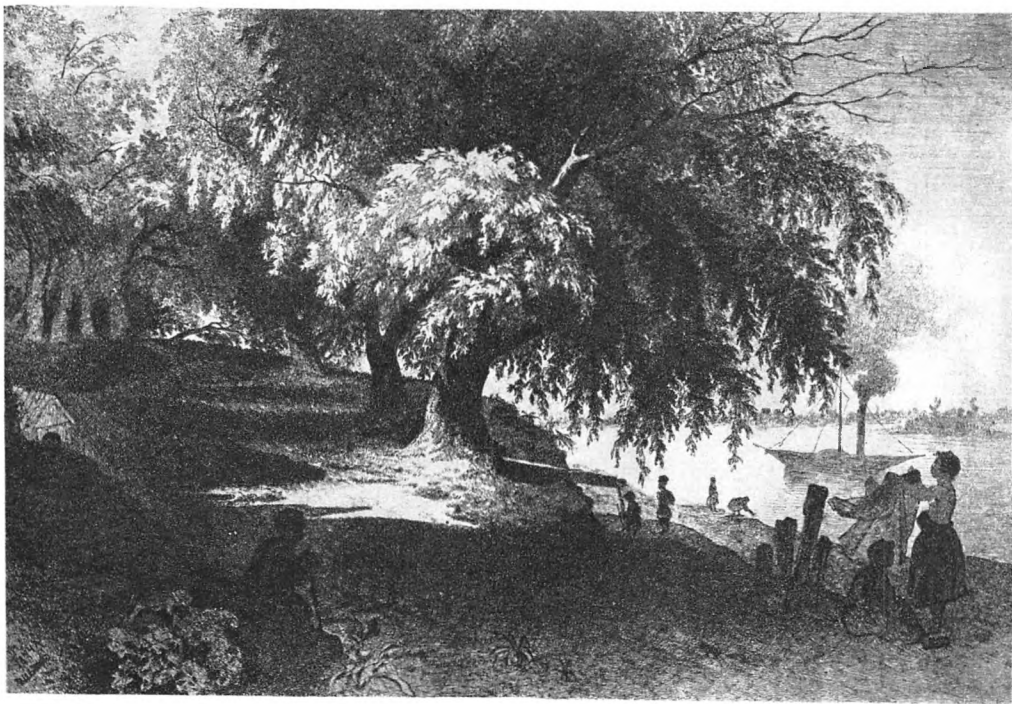
«Марьяна! Марьяна!

Зачем не бедна ты, а я не богатый?
Пету вороного коня у меня.
Мать бы не пыталась, где одна гуляла,
С кем когда стояла среди белого дня!
Дала бы ты сердцу молодому волю
Любить кого хочешь! Я б тебя умчал
Далеко-далече, чтоб никто не знал,
Чтоб никто не ведал, где витает доля.
Моя доля, мое счастье —
Ты, моя Марьяна!
Ой, зачем же ты не в свитке,

А я не в жупане!»
Плачет дивчина, горюет,
Слез не унимает.
А Петрусь стоит, сердешный,
Чем помочь — не знает.
Видит только, что Марьяна
Уняться не хочет...
Днем от слез девичьих тяжко,
А что ж среди ночи...
«Не плачь, сердце! У Петруся
Есть сила и воля.
Люби меня, мое сердце!
Найду свою долю
За высокими горами,
За широкими степями,
На далеком поле,
По воле-неволе
Найду свою долю!
И не в свитке, а сотником
Я к тебе вернусь.
Не в бурьяне — среди церкви
Обнимешь Петруся.
Вот так тебя поцелую —
Глядите-ка, люди!
А ты стоишь зарумянясь!» —
«Когда ж это будет?» —
«Скоро, скоро, моя рыбка,
Соберусь в дорогу!
Иди домой, родимая,
Да молися богу.
А я в степи помолюся
Звездам яснооким,
Чтоб они оберегали
Сон твой одинокий.
Среди степи отдохну я...» —
«Ты меня покинешь?»
Вот сейчас?..» — «Да нет, шучу я!
Теперь Украину
Ни москали, ни татары,
Никто не тревожит». —
«А я слышала, что шляхта...» —
«Шутят лишь, быть может.

Т. Г. Шевченко.
Автопортрет, 1845 г. (офорт, 1860 г.).

В Києве.

Офорт. 1843—1844 гг.

Разойдемся, мое сердце,
Пока не светает.
Что ж ты снова заплакала?» —
«И сама не знаю...»¹

. . . . .
1841
Петербург

ГАМАЛИЯ²

«Ой, все нет и нет ни волны, ни ветра
С нашей Украины.
Скоро ль соберутся да пойдут на турка, --
Не знаем мы на чужбине.
Ой, повеи нам, ветер, с Великого Луга³,
Повеи через море!
Осуши нам слезы, заглуши оковы,
Развей наше горе.
Ой, взыграй, взыграй, широкое море,
Да под теми байдаками,
Что ведут казаки, — видны только шапки, —
Что плывут, плывут за нами!
Ой, боже наш, боже, пусть и не за нами, —
Только б с нашей Украины,
Только б нам услышать о казацкой славе
До своей кончины!»

Так пели в Скутари⁴ казаки с тоскою,
Так пели, бедняги; а слезы лились,
Катились казацкие буйной рекою.
И вздрогнул Босфор: никогда на веку
Не слышал казацкого плача, широкий.
Наморщил он шкуру, подобно быку,

---

¹ Шевченко не окончил эту поэму.

² В этом стихотворении Шевченко, следуя украинским народным думам и песням, рассказывает о походе атамана Гамалии (лицо вымышленное) на Турцию в XVII веке.

³ Великий Луг — степные окрестности Запорожья, на левом берегу Днепра, где находилась Запорожская Сечь.

⁴ Скутари — предместье старой турецкой столицы Стамбула. Там была крепость и тюрьма, где содержались пленные казаки.

И грозные волны далеко-далеко —
До самого моря — на ребрах послал.
А море схватило, в Лиман покатило;
Лиман встрепенулся и — полному силы —
Днепру о казацкой тоске рассказал.

Захохотал старик наш дюжий,
С усов аж пена потекла:
— Великий Луг! Ты слышишь, друже?
Ты слышишь, Хортица-сестра?

— Мы слышим, слышим! — отвечали.
И Днепр покрыли байдаки,
И в них запели казаки:

«У турчанки-басурманки
Богатая хата.
Гей ты, море, взиграй,
Выше волны вздымай!
Едем, едем сватать.

У турчанки денег много
В сундуке хранится.
Не сундук опустошать —
Едем братьев выручать,
За Украину биться.

У турчанки — янычары¹
И паша впридачу.
Гей, гей, вражья рать,
Никому нас не сдержать, —
Пусть враги поплачут!..»

Плывут себе, распевают.
Буря налетает.
Впереди всех Гамалия
Судном управляет.
Гамалия, море злится, —
Что-то будет с вами?
Не проглотит! — И исчезли,
Скрылись за волнами.

---

¹ Янычары — гвардия турецкого султана.

В гареме — в раю — Византия заснула,
И дремлет Скутари; Босфор лишь гудит.
И рвет он, и мечет, и ревом и гулом
Спешит Византию свою разбудить.
— Не буди, Босфоре, будет тебе горе:
Твои ребра белые песком занесу,
Илом забросаю... В далеком просторе
Разве ты не видишь, кого я несу,
Кто плывет к султану?.. —

Так море сказало
(Любило, широкое, храбрых славян).
Босфор замолчал. Византия дремала.
Дремал на подушках в гареме султан.
И только в Скутари покоя не знают
Казачи-бедняги. Чего ж они ждуть?
По-своему бога они умоляют,
А волны плывут, Украину зовут:
— О милый боже Украины,
Не дай погибнуть на чужбине
В неволе вольным казакам!
Нам стыдно здесь и стыдно там —
Вставать из вражьей домовины,
На суд твой праведный идти,
Оковы на руках нести,
Стоять в цепях перед тобою!.. —
«Круши врага! Смелее в бой!» —
Вдруг за высокою стеною
Призыв раздался громовой.
Гамалия, что-то будет?
В Скутари смятенье.
— Бейте, режьте! — Гамалия
Бросился в сраженье.

Загрохотали и завывали
В Скутари пушки, крик и гром.
Но прут казаки напролом —
И янычары отступили.

Гамалия по Скутари,
Словно вихрь, гуляет.
Сам темницу разбивает,
Кандалы снимает:

— Вылетайте, соколята,
На свободу снова! —
Встрепенулись соколята
От родного слова.
Ночь смотрела беспокойно
В улицы кривые:
Знать, она казачью удаль
Видела впервые.
Не пугайся, полюбуйся
На пир небывалый!
Что ж темно так, если праздник
Наступил немалый?
Мы не воры с Гамалией,
Чтобы есть нам сало
В темноте... — Засветим, хлопцы! —
И взлетает пламя.
И Скутари весь в пожаре,
Вместе с кораблями.
Пробудилась Византия,
Видит — пламя хлещет,
И спешит она на помощь,
Зубами скрежещет.
Ревет, лютует Византия,
Руками берег достает.
Достала, гикнула, встает
И — на ножах в крови застыла.
Скутари, словно ад, пылают,
Через базары кровь течет —
Босфор широкий доливает.
Казачи, устали не зная,
Как птицы черные, летают:
От них и ветер не уйдет,
Их даже пламя не берет!
Напором яростным и смелым
Ломают стены там и тут
И в шапках золото несут.
Но вот к концу подходит дело,
Казачи сходятся; сошлись
И от пожара закурили;
За весла весело взялись,
И — только волны забурили.

Плывут себе, будто дома,
Будто недалече.
Дружно песню запевают,
Как водится в Сечи:

«Атаман наш Гамалия
Неудач не знает,
Вместе с хлопцами своими
По морю гуляет.
По морю гуляет,
Славу добывает,
Из турецкой из неволи
Братьев вызволяет.
Как примчался он в Скутари
Из родной краины,
А в Скутари запорожцы
Ждут лихой кончины.
Ой, как крикнул Гамалия:
«Будем жить мы с вами!
Будем жить мы, будем пить мы,
Воевать с врагами;
Курени свои покроем
Бархатом, коврами».
Запорожцы вылетали,
В поле жито жали.
Жито жали, в копны клали,
Песню запевали:
«Слава тебе, Гамалия,
На весь свет широкий,
На весь свет широкий,
На всю Украину,
Что пришел ты нам на помощь
В лихую годину!»

Поют себе, плывут назад,
Плывет последним Гамалия:
Он, как орел, своих орлят
Сам стережет в часы ночные.
Но не погналась Византия:
Она боялась, что сожжет

Чернец ¹ ее Галату снова
Иль на море Иван Подкова ²
На поединок позовет.
Так плывут они. А солнце
Воду красит, золотит.
А вода под байдаками
И клокочет и бурлит.

Гамалия, ветер веет,
Наше море — с нами!
Вот оно! — и запорожцы
Скрылись за волнами.

1842
Петербург

С О В А

Родила крестьянка сына
В зеленой дуброве;
Дала ему кари очи
И черные брови.
Китайкою повивала,
Святых умоляла,
Чтобы их святая воля
Сыну долю слала.
«Пошли тебе мать божья
Своей благодати —
Всего, чего мать не может
Дать сама дитяти!»
Брала воду до восхода,
В барвинке купала ³,
До полночи колыхала,
До зари певала:

---

¹ Вероятно, следуя преданию, Шевченко здесь имел в виду гетмана Конашевича-Сагайдачного, который совершил несколько походов в Турцию и сжег Галату — предместье Стамбула. В действительности Сагайдачный монахом не был.

² И в а н П о д к о в а — украинский казак, предводитель нескольких казацких походов в XVI веке.

³ По украинскому народному обычаю, купать ребенка в отваре из цветка барвинка — значило наделить его счастьем.

«Спи, мой милый...
Я в рощу ходила,
Кукушку слыжала.
Она предсказала:
Сто лет любоваться
Я буду тобою,
В шелка наряжаться
И жить госпожою.
Не замечу даже,
Как промчатся сроки —
Станешь, словно княжич,
Как ясень высокий,
Стройный и красивый,
Веселый, счастливый
И не одинокий.
Хоть со дна морского
Сыну я достану
Сотничью, купцову
Дочку черноброву —
Панну так уж панну!
Ходит в красных черевичках,
В зеленом уборе
По светлице павой-панной,
С ласкою во взоре
Да с тобой ведет беседу;
В хате — словно в храме.
Я ж сижу в углу почетном
Да люблюсь вами.

Ты, дитятко, сын мой,
Любимый, единый, —
Есть ли лучше в целом свете,
По всей Украине?
Нету лучше и не будет —
Полюбуйтесь, люди!
Нету лучшего!.. А счастье —
Счастье он добудет!»

Ой, кукушка, кукушечка,
Зачем куковала?
Долгие зачем ей годы —
Сто лет предсказала?

Разве есть на этом свете
Счастливая доля?
Эх, когда бы... мать смогла бы
С далекого поля
Приманить для своих деток
И долю и волю...
Где там... Ведь беда-злосчастье
Встретит, не забудет.
На дороге ль, без дороги —
Всюду, где есть люди!
Как цветок под ясным солнцем,
Сына мать растила,
Любовалась... Той порою
Лег отец в могилу.
Мать осталась вдовою —
Хоть и молодою
И с сыночком, а все тяжко...
С горем да тоскою
Пошла она у соседей
Попросить совета;
А они совет — батрачить —
Дали ей на это...
Извелась и обнищала,
Бросила подворье
И пошла в батрачки... Злое
Не минуло горе.
Дни и ночи надрывалась,
Подати платила...
И за три полтины сыну
Жупанчик купила,
Чтоб и ее, вдовье, в школу
Дитятко ходило!

Ой вы, беды-напасти,
Вдовье горькое счастье!
Где гуляешь ты с ватагой
Ясным днем и в ненастье
Оборванцем-бродягой?
Богатому и на гору
Вода потечь рада,
А бедному и в овраге

Рыть колодец надо.
У богатых растут дети —
Вербы на раздолье.
У вдовы ж один — и этот
Что былинка в поле!

Дождалась батрачка счастья,
Вырастила сына:
И грамотный и красивый,
Хлопец — что картина.
Безмятежно и привольно
Жизнь катилась вдовья;
И засматривались девки,
Рушники готовя.
Полюбила богатая —
Не поцеловала,
Только зря ему платочек
Шелком вышивала.
Кралось горе из-за моря
Через леса и степи —
И подкралось... Стали хлопцев
Заковывать в цепи¹;
И по тракту потащились
К городу обозы.
Шла вдова меж матерями,
Проливая слезы.
Ночью на привале
Стражу выставляли,
Старую вдову к обозу
И не подпускали.
Ой, к приему привезли их —
Забривать в солдаты².
Все-то мелки, недомерки,
Все — сынки богатых:
Тот калека спокон века,
Этот — грудью шире,

---

¹ Во времена крепостного права рекрутов заковывали, чтобы они не убежали. Солдатская служба при Николае I продолжалась двадцать пять лет и была необычайно тяжелой. Шевченко не раз в своих стихах изображал суровую солдатскую долю.

² Призывникам брили голову; отсюда выражение «забривать в солдаты».

Тот — горбатый, тот богатый,
Тех — в дому четыре.
И всех — долой, и всех — домой,
Всем удача в мире.
У вдовы один лишь сын —
И тот как раз под аршин! ¹

Снова бросила хозяйство,
Сыновнюю хату.
Работала у евреев
За жалкую плату —
Ведь крещеные не взяли:
«Стара, — молвят, — больно,
Не справится!» И огрызок
Кинут недовольно
Христа ради... Не дай боже,
Лучше б не родиться,
Чем просить у богатея
И воды напиться!
По копейке получала —
Полтинник собрала,
Письмо сыну написала
Да в войско послала.
Полегче стало. Год прошел,
И второй, и третий,
И четвертый, и десятый,
А ответа нет ей.
Нет весточки. Как тут быть?
Суму нужно брать ей,
Идти... идти собак дразнить —
В путь, от хаты к хате.
Взяла суму, прошла селом,
На выгоне села
И в село не возвращалась...
День и ночь сидела
За околицей. А годы
Пролетают глухо.
Сгорбилась да почернела —
Не узнать старуху.
Да кому и узнавать-то!

---

¹ При приеме на военную службу измеряли рост призывников.

Нищенкой убсгой
Все сидит себе да смотрит
В поле, на дорогу.
Дни за днями, ночь за ночью,
От ночей к рассвету...

А солдата — ее сына —
Нету, нету, нету!..
В час вечерний над озером
Буйный ветер лозы гнет.
К ужину родная сына
До зари напрасно ждет.
В час вечерний над озером
Шелестит камыш слегка.
Поджидает подруженька
В темной роще казака.
В час вечерний ветер веет,
Клонит кустик тощий;
Плачет мать родная в хате,
А девушка — в роще.
Поплакала молодая —
Запела на зорьке;
Поплакала мать седая —
Зарыдала горько.
И молилась, и рыдала,
Кляла все на свете.
Ох, для матерей вы тяжки,
Несчастные дети!

Искалеченные руки
К небу подымала,
Свою долю проклинала,
Сына призывала
Иль, оставив причитанья,
Смолкнет — и с тревогой,
Удрученная, сквозь слезы
Смотрит на дорогу.
День и ночь глядит. И стала
Всех встречать вопросом:
Может, где-нибудь солдата
Видеть довелось им —
Ее сына?

Нет, не знают, —
И проходят мимо.
Сидит она, уж не плачет,
Тиха, недвижима,
Помешалась с горя! Камень
К сердцу прижимает,
То ругает, то ласкает,
Сыном называет
И сквозь слезы тихонечко
Песню напевает:
«Змея хату подпалила,
Детям каши наварила,
Расстелила белый плат,
Гуси серые летят;
Разлетелись гуси шире,
По четыре, по четыре.
Полетели в дол, в дол!
На кургане — орел.
На кургане среди ночи
Он клюет казачьи очи,
А дивчина до восхода
Ждет дружочка из похода».

Днем на свалках по задворкам
Черепки сбирала,
Бормотала, что гостинец
Сыну припасала.
А ночами — растерзана
И простоволоса —
Бродит, песни распевает
Дико, безголосо.
Люди злились... Она, видишь,
Спать им не давала
И крапиву под их тыном
Да бурьян топтала.
Дети с палками гонялись
Утром за вдовою
По улицам; и в насмешку
Дразнили С о в о ю.

6 мая 1644 г.
Петербурга

С О Н
Комедия¹

Дух истины, его же мир не может
приятн, яко не видит его,
ниже знает его².

Иоанна, глава 14, стих 17

У всякого своя доля
И свой путь широкий:
Этот строит, этот рушит,
Тот несатым оком
Озирает землю — нет ли
Где на свете края,
Чтоб зацапать и с собою
Забрать умирая.
Тот, явившись в дом, тузами
Обирает свата,
Этот тихо в уголочке
Точит нож на брата.
А тот, богобоязливый,
Трезвый, не строптивый.
Кошечкою подкрадется,
Выждет и мгновенно
В час твой горький как запустит
Под печенку коготь —
Пропал: жене не вымолить,
Детям не растрогать.
А тот, щедрый, храмы строит,
Денег не жалеет,
И отечество так любит,
Так о нем радеет,
Так из него, сердечного,
Кровь, что воду, точит!
А братия молчит себе,
Выпучивши очи,
Как ягнята. «Может, — молвят, —
Так и надо это».

---

¹ Подзаголовок подчеркивает сатирический характер поэмы, в которой Шевченко высмеивает самодержавно-крепостнический режим Николая I.

² «Дух истинный, которого мир не может принять, потому что не видит его и не знает его» (церк.-слав.).

Так и надо! Потому что
Бога в небе нету!
А вы в ярме падаете,
Ждете, умоляя,
Рая где-то там за гробом?
Нету, нету рая!
Зря и трудитесь! Очнитесь:
Все на этом свете —
В нищих хатах и палатах —
Адамовы дети!
И тот... и тот... А кто же я?
Э, добрые люди,
Я гуляю и пирую
И в праздник и в будень.
А вам скучно! Жалееете!
Ей-богу, впустую!
И не слышу! Я свою пью,
А не кровь людскую!

Так, пьяный, вдоль плетней, сторонкой
Бредя с пирушки в час ночной,
Я рассуждал с самим собой,
Пока добрел к своей хатенке.
А у меня там тишь да гладь:
Дитя не рыдает,
Жена не ругает, —
Повсюду божья благодать:
И в сердце и в хате.
Вст и лег поспать я;
А как подвыпивший заснет —
Пускай хоть пушки катят,
И усом не моргнет!

И сон же, сон, чудной на диво,
Тут мне приснился:
Любой бы трезвенник упился,
Скупейший скряга дал бы гривну,
Чтоб видеть эти волшебства,
Да чорта с два!
Смотрю я: будто бы сова
Летит лугами, берегами, да лесами,

Да глубокими ярами,
Да широкими степями,
Буераками.
А я за ней, за нею следом
Лечу, прощаюсь с белым светом:

«Прощай, край недружелюбный,
Мать-земля сырая!
Свои муки, свое горе
Спрячу в облака я.
А ты, вдова-Украина,
С долей бесталаанной!
С облаков к тебе, родная,
Прилетать я стану
Для беседы скорбной, тихой,
На совет с тобою;
Буду полночью я падать
Чистою росой.
Потолкуем, потоскуем,
Пока солнце встанет,
Пока выросшие дети
На врага не грянут!
Прощай же, моя родная,
Заглуши тревогу,
Расти деток: жива правда
У господ бога!»

Летим... Смотрю — уже светает,
Край небес пылает;
Соловей, зарю встречая,
В роще распевает.
Тихо-тихо ветер веет,
Степи голубеют,
Меж ярами, над прудами
Вербы зеленеют.
От плодов деревья гнутся,
Тополя на воле
Стоят, точно часовые,
Беседуют с полем.
И весь этот край родимый,
Повитый красою,
Зеленеет, умываясь

Утренней росой,
Умывается, ликует,
Солнышко встречая...
И нет этому начала,
Нет конца и края!
Никто это не изменит
И не уничтожит.
И все это — душа моя!
Что же тебя гложет?
Душа моя несчастная!
Что ж ты плачешь снова?

О чем сожалеешь? Иль горя людского
Ты мало видала на этой земле?
Гляди же! А я полечу и во мгле
За тучами скроюсь в небесном просторе.
Там нету ни власти, ни кары, ни горя —
Ни слезы, ни смех не волнуют там грудь.
Взгляни: в том раю, что теперь покидаешь,
Рваную сермягу с калеки сдирают,
С кожей сдирают — ведь надо ж обусть
Княжат малолетних! А вон распинают
Старуху за подать, а сына ведут,
Кормильца, который одной был опорой,
Одною надеждой, — в солдаты сдают —
Мало их! А там вон, голодный и хворый,
Опухший ребенок сейчас вот умрет,
А мать в это время на барщине жнет.

А вон — видишь? Очи! Очи!
Нет от вас покоя!
Лучше высохли бы в детстве,
Изошли б слезою!
Девушка бредет с младенцем,
Ветер ее клонит —
Родители отвернулись,
И чужие гонят.
Даже нищим с ней зазорно!
А барчук не знает:
Недоросль, поди, с двадцатой
Души пропивает!

Видит ли бог из-за тучи
Наши слезы, горе?
Коль и видит — помогает,
Как и эти горы
Вековечные, что кровью
Политы людскою!..
Душа моя несчастная,
Горе мне с тобою!
Так уьемся ядом, ляжем
Спать в сугробы эти,
Пошлем думу прямо к богу —
Пускай он ответит,
Долго ль палачам-злодеям
Властвовать на свете?

Лети ж, моя дума, моя злая мука!
Забери все беды — порожденье зла,
Всю свою дружину! Ты с ними росла,
Ты с ними любила; их тяжкие руки
Тебя обвивали. Бери ж их, лети
И по небу всю их орду распусти!
Пусть вновь, чернея, багровея,
Всюду пламя сея,
Трупами устелет землю
Изрыганье змея!
А покуда, свое сердце
Где-нибудь скрывая,
Я на край земли слетаю,
Поищу там рая.

И снова над землей лечу я
И вновь прощаюсь с ней тоскуя.
Горько мать родную бросить
Среди нищей хаты,
Но еще больнее видеть
Слезы да заплаты.

Лечу, лечу, а ветер веет,
Передо мною снег белеет;
Леса, болотные места,
Туман, туман и пустота¹.

---

¹ Здесь поэт имеет в виду Сибирь, служившую в царской России местом ссылки.

Людей не слышно — нет и следу
Злой человеческой ноги...
«Все, все — враги и не враги —
Прощайте! В гости не приеду!
Упивайтесь, веселитесь —
Не услышу боле,
В одиночестве навеки
Лягу в снежном поле.
И пока вы узнаете
О стране далекой,
Еще кровью не политой, --
До этого срока
Отдохну я...»
Только слышу —
Звон цепи неожиданный
Под землей... А ну-ка, гляну...
Род людской поганый!
Где ты взялся? Чего ищешь?
Что ты вздумал рыться
Под землею? Нет! Уж верно,
От тебя не скрыться
И на небе! За что ж кара?
За что эти муки?
Что кому я злое сделал?
Чьи тяжкие руки
В теле душу заковали,
Сердце запалили
И галочьем черным
Думы распустили?
За что — не знаю, а терзают,
И тяжело терзают!
И когда же избавленье?
Дождусь ли конца я?
Не вижу, не знаю! •

Пустыня ожила немая...
Как бы, могилы покидая,
На страшный и последний суд
За правдой мертвые встают.
Не умерший, не убитый,
Не искать защиты, —
Это всё живые люди,
В кандалы забиты,

Из нор золото выносят,
Чтоб заткнул несытый
Злую пасть!.. То — каторжане.
А за что? Бог знает...
А быть может, что и сам он
Худо разбирает.
Вон разбойник отъявленный
Цепями грохочет;
Душегуб окровавленный
Злобою клокочет —
Своего же товарища
Зарезать он хочет.
А меж ними, отпетыми,
В кандалы убранный, —
Царь всемирный! Царь свободы¹,
Царь, клеймом венчанный!
В муках, в каторге — не плачет,
Взор с мольбой не кипит!
Раз добром согрето сердце —
Век оно не стынет!

А где ж твои думы, цветы огневые,
Дети, что растил ты, смелые, живые?
Ты кому, кому же, друг, их поручил?
Иль навеки в сердце их похоронил?
Не скрывай их, брат мой! Разбросай по свету!
Зацветут в народе пышным, ярким цветом!
Еще мытарство? Или будет?
Будет, будет, здесь холодно —
Мороз разум будит...

И вновь лечу. Земля чернеет.
В дремоте разум, сердце млеет.
Гляжу — дороги меж домами:
То города со ста церквами,
А в городах, как журавли,
В строю шагают москали.
И обуты, и здоровы,
И закованы в оковы, —

---

¹ В этих строках Шевченко дает обобщенный образ борцов за свободу, ссыльных декабристов.

Маршируют... Дальше гляну —
Там в низине, словно в яме,
В черном облаке тумана
На болоте город странный¹
Виднеется... Долетаю —
Тот город без края.
То ли турецкий?
То ли немецкий?
А может быть, что и русский!
Церкви да палаты,
Бары все пузаты,
И нету ни единой хаты!

Смеркалося... И вдруг огни
Кругом запылали² —
Даже страх взял... — Ура, ура! —
Все тут закричали.
— Цыц вы, дурни! Образумьтесь!
Чему вы так рады?
Что горите? — Экой хохол,
Не видел парада!
У нас парад. Сам³ изволит
Сегодня гулять-то!
— А где ж она, эта цаца?
— Вон, видишь, палаты? —
Толкаюсь я. Тут землячок,
Спасибо, сыскался
С форменными пуговками:
— Де ты здесь узялся?
— С Украины! — Так як же ты,
Говорить не вмещь
По-здешнему? — Э, нет, — молвлю, —
Говорить умею,
Да не хочу. — Экой чудака!
Я вси входы знаю:
Я тут служу; колы хочешь,
В дворец попытаюсь

---

¹ Поэт сатирически изображает царскую столицу Петербург.

² Намек на иллюминацию, устроенную в Петербурге во время военного парада в мае 1844 года, на котором присутствовали царь Николай I и его семья.

³ Сам — царь Николай I.

Звесты тебе. Только, знаешь,
Мы, брат, просвещены, —
Не поскупись полтинкою...
— Чур тебя, презренный
Червь чернильный! — И я снова
Стал незрим и тоже
Во дворец пролез с другими...
Господи мой боже!
Вот где рай-то! До чего ж там
Золотом обшиты
Блюдолизы! Но вот и сам,
Высокий, сердитый,
Выступает. А с ним рядом —
С ногами, что спицы,
Как опенок засушенный,
Жалкая царица,
И, сердешная, к тому же
Трясет головою¹.
«Так вот она, та богиня!
Горюшко с тобою!
А я, глупый, не выдавши
Тебя-то ни разу,
Вдруг поверил тупорылым
Твоим виршемазам!²
Вот дурак! А еще битый!
Поверил на слово
Чиновнику!.. И читай их,
Доверяй им снова!»
За богами — бары, бары
В золоте уборов,
Толстокожи, толсторожи,
Каждый — словно боров.
Все в поту, к «самим» стараясь
Стать поближе, чтобы
Плюху съесть, коль соизволят

---

¹ Шевченко дает сатирический портрет жены Николая I, Александры Федоровны, которая страдала нервной болезнью и от этого у нее тряслась голова. Александр II, взойдя на престол, отказался вернуть Шевченко из ссылки, помня строки, в которых Шевченко высмеял его мать.

² Речь идет о придворных поэтах, прославлявших царя и его империю.

Царские особы
Дать ее иль кукили сунуть,
Полкукиша, лишь бы прямо
Ткнули к морде самой!
В ряд все выстроились молча —
Ни шума, ни гама,
Как немые! Царь лопочет,
А чудо-царица
Длинной цаплей между пташек
Скачет и бодрится.
Прохаживались долгонько,
Что сычи надуты,
Да шептались все тихонько —
Не слышать, но будто
Об отечестве, а также
О новых петлицах
Да о новостях муштровки.
А потом царица
Опустилась молча в кресло,
А царь этак гордо,
Вижу, к главному подходит
Да... как треснет в морду!
Облизнулся тот, бедняга,
Да младшего в брюхо —
Только гул пошел! А этот
Как отвесит плюху
Меньшему тузу, а меньший —
Меньшему немного;
Этот — мелочи. А мелочь,
Уже за порогом,
Как бросится по улицам
И — тузить с размаху
Недобитых православных!
А те — в крик от страха
И от боли, да как взревут:
— Пир, пир у батюшки-царя!
Ура-ура-ура-ура-а-а!

Захотел я тут. А все же
И меня давнули
Порядочно. Пред рассветом
В городе заснули.

Православные, однако,
Кое-где стонали
И молитвы за батюшку
Богу воссылали.
Смех и слезы! Тут пошел я
В город незнакомый.
Там ночь, как день¹. Гляжу я:
Палаты, хоромы
Над спокойною рекою;
Берега ж обшиты
Камнем сплошь. Стою, дивлюся,
Вовсе с толку сбитый:
Как же она превратилась,
Лужица такая,
В это диво? Вот где кровь-то
Струилась людская,
И без ножа! За рекою
Крепость с колокольней²,
Заостренной, точно шило, —
Страх берет невольной!
И часы на ней играют...
Я оборотился —
Конь летит, взметнув копыта,
Над скалою взвился³.
Без седла на нем какой-то,
В свитке ли, не в свитке
И без шапки; обвивает
Лоб листва в избытке.
Конь ярится — вот-вот реку,
Вот-вот перескочит.
А тот руку простирает,
Словно мир весь хочет
Заграбастать. Кто ж он такой?
Вот я и читаю,
Что на скале начертано:
«Первому — Вторая»

---

¹ Намек на петербургские «белые ночи».

² Петропавловская крепость с увенчанной шпилем колокольней, служившая местом заключения революционеров.

³ Бронзовый памятник Петру I на Сенатской площади в Петербурге, сооруженный по приказу Екатерины II. На постаменте памятника написано: «Петру Первому — Екатерина Вторая».

Это диво поставила.
Теперь-то я знаю:
Это — Первый, распинавший
Нашу Украину,
А Вторая доконала
Вдову-сиротину.
Звери! звери! людоеды!
Наелись обое,
Награбили! А что взяли
На тот свет с собою?
Так мне тяжело, тяжело стало,
Словно я читаю
Историю Украины!
Стою, замираю...
В это время тихо-тихо,
Грустно запеваёт
Надо мной незримый кто-то ¹:
«Из города из Глухова ²
Полки выступали
С заступами на линию ³.
И меня послали
С казаками — наказного
Гетмана — нежданно.
О боже наш милосердный,
О царь окаянный!
Царь проклятый и лукавый,
Аспид ненасытный!
Что ты сделал с казаками?
Болота засыпал
Благородными костями!
Поставил столицу
Ты на трупах истерзанных!

---

¹ Здесь говорится о гетмане Павле Полуботке, который командовал украинскими казаками, посланными по приказу Петра I на строительство Петербурга. За выступление против Петра I Полуботок был заточен в Петропавловскую крепость, где и умер в 1724 году.

² Глухов — в XVIII веке столица гетманщины (то-есть той части Украины, которая присоединилась к России в 1654 году и управлялась гетманами).

³ Крепостные и солдаты возводили укрепления на границах Украины.

И в темной темнице
Я, свободный, вольный гетман,
Тобою замучен
Голодом... О царь кровавый!
Сам господь могучий
Нас не разлучит: навеки
Скован ты со мною
Кандалами. Как мне тяжело
Витать над Невою!
Может, милой Украины
Нет уже, кто знает!
Полетел бы, поглядел бы,
Да бог не пускает.
Может, выжжена Украина,
Может, Днепр спустили
В сине море? Раскопали
Курганы-могилы,
Нашу славу? Боже милый,
Сжался, боже милый!»

Все замолкло. Но гляжу я:
Небо застилает
Туча белая, и словно
Зверь там завывает.
Нет, не туча — стая белая
Птицы закружили
Над тем бронзовым кумиром
И заголосили:
«И мы, людоед свирепый,
Скованы с тобою!
На судилище последнем
Бога мы закроем
От очей твоих насытых!
Детей Украины
Ты загнал, голодных, голых,
В снега, на чужбину
И зарезал, а из кожи
Себе багряницу
Жилами тугими сшил ты,
Заложил столицу
В новой рясе. Полюбуйся:
Церкви да палаты!

Веселись, палач свирепый!
Проклятый! Проклятый!»

Разлетелись, рассыпались...
Солнышко вставало,
А я все стоял, дивился,
Даже страшно стало.
Бедняки закопошились,
Торопясь куда-то,
И уже на перекрестках
Строились солдаты.
Заспанные, пробежали
Девушки столицей,
Но — домой, а не из дому:
На всю ночь девицу
Посылала мать трудиться,
На хлеб раздобыться.
А я стою да думаю,
Глядя на бедняжку:
«Как же людям хлеб насущный
Достается тяжело!»
Вот и братия сыпнула,
Чтоб в стенах сената
Скрипеть перьями за плату,
Драть с отца и брата.
А меж ними и землячки
Кое-где мелькают;
По-господски так и режут
Да отцов ругают,
Что те, мол, не обучили
Деток своих милых
По-немецки, а теперь вот
И кисни в чернилах!
Пьявки, пьявки! Отец, может,
Последней лишился
Коровенки, чтоб ты русской
Грамоте учился...
Украина! Твои это
Сыновья родные,
Чернилами политые
Цветы молодые,

Под царевой беленою
В немецких теплицах
Заглохшие! Плачь, Украйна,
Сирая вдовица!

Пойти царские палаты
Вновь окинуть взглядом?
Что там делается? Вижу:
Храпит, стоя рядом,
Знать пузатая; все, точно
Индюки, надуты
И глазком косят на двери
Каждую минуту.
Но вот они отворились —
Словно из берлоги
Медведь¹ вылез. Еле-еле
Подымает ноги,
Весь опухший, посиневший,
Сердитый — не в духе
На похмелье. Да как гаркнет
Вдруг на толстобрюхих —
И пузатые все сразу
В землю провалились.
Выкатил глаза на лоб он —
В дрожи все забились,
Кто остался. Он на младших
Гаркнул еще строже —
И те в землю; он на мелочь —
Эти в землю тоже;
Он на челядь — и вся челядь
Тоже вмиг пропала;
На солдат — и солдатики —
Только застонало! —
Ушли в землю. Сотворилось
Великое чудо!
Я смотрю, что будет дальше?
Что же делать будет
Мой медведик?.. Стоит себе,
Голову понуро
Опустил... Куда девалась

---

¹ Под видом медведя выведен царь Николай I.

Медвежья натура...
Как котенок — такой чудной!
Я и засмеялся,
А он — услышь, да как зыкнет!
Я перепугался
И проснулся... Вот так диво
Приснилось какое!
Сниться этакое может
Только с перепоя
Да юродивым... Прошу вас,
Не дивитесь, братья:
Ведь не свое, а что снилось,
Вздумал рассказать я!

8 июля 1814 г.

Петербург

*
**

В воскресенье не гуляла,
Ниток-шелку покупала
Да платочек вышивала.
Вышивая, напевала:

«Платочек ты мой вышитый,
Узорчатый мой!
Вышиваю для подарка,
Поцелует милый жарко,
Платочек ты мой,
Рисованный мой!
Пусть увидят утром люди —
Сироте платочек будет
Узорчатый мой,
Раскрашенный мой!
А я косу расплетаю,
С милым-суженым гуляю,
Долюшка моя,
Матушка моя!»

Так вот шила, вышивала
И в оконце взгляд бросала:
Что, не слышно круторогих?
Не идет чумаки с дороги?

Он идет из-за лимана
С чужим добром, бесталанный,
Чужих волов погоняет,
Погоняя, напевает:

«Доля моя, доля!
Что ж ты не такая,
Как вон та, чужая?
Пью ли я, гуляю?
Силы ль не хватает
Иль к тебе дороженьки
Я в степи не знаю?
Иль тебе своих подарков
Я не посылаю?
Подарю дарами —
Карими очами.
Молодую мою силу
Богачи купили;
Может, без меня невесту
С другим обручили...
Научи же меня, доля,
Гулять научи!»

И заплакал горемыка,
Степью идучи...
Ой, захал серый филин
В степи на могиле.
Загрустили чумаченьки,
Тяжко загрустили:

«Атаман, дай позволение
Здесь остановиться
И товарища спести нам
В село причаститься!»

Грех простили, причастили,
Гадалку спросили, —
Все напрасно! С горемыкой
В дорогу пустились.
То ль работа задавила
Молодую силу?
Неусыпная ль кручина
С ног его свалила?

Или люди так хотели,
 Чтобы молодому
 На возу приехать с Дона
 Мертвой кладью к дому?
 Думал хоть бы повидаться
 С невестой своею,
 Да не вышло. Схоронили —
 И кто пожалеет?

Поставили всей артелью
 Крест над сиротою,
 Разошлись... И, как былинка,
 Как лист за волною,
 Ушел казак прочь со света,
 Все забрал с собою...
 А где же тот узорчатый
 Вышитый платочек?
 Где ж веселая такая
 Девушка-цветочек?

На кресте могильном ветер
 Платок развевает,
 А невеста в темной келье
 Косу расплетает.

*18 октября 1844 г.
 Петербург*

*
 **

Что же мне так тяжко? Отчего так
 больно?
 Что бедное сердце рыдает, кричит,
 Как дитя?.. О сердце, перестань,
 довольно!

Что тебя тревожит, гложет и томит?
 Голод, или жажда, или спать ты хочешь?
 Засни, успокойся, замолкни навек!..
 Открыто, разбито... А злой человек
 Пускай сатанеет... Закрой, сердце, очи!..

*13 ноября 1844 г.
 Петербург*

*.
**

Зачаруй меня, волшебник¹,
Друг мой седуосый!
Ты закрыл для мира сердце,
Я ж еще боюся, —
Страшно мне дотла разрушить
Дом свой обгорелый,
Без мечты остаться страшно
С сердцем опустелым.
Может, явится надежда
С той живой водою,
С той целительной отрадой —
Светлою слезою.
Может, сжалится, вернется
Вновь на пепелище
И хотя б внутри побелит
Темное жилище,
И натопит, и нагреет,
И огонь засветит;
Может, раз еще проснутся
Мои думы-дети.
Может, с ними, как бывало,
Помолюсь, рыдая,
И увижу солнце правды
Хоть во сне, хоть краем!..
Обмани, но посоветуй,
Научи, как друга,
Что мне — плакать, иль молиться,
Иль виском об угол?

1844

Петербург

ГОГОЛЮ

За думою дума летит, вылетает:
Одна давит сердце, другая терзает,
А третья тихонечко плачет в обиде
У самого сердца — и бог не увидит!

---

¹ Стихотворение посвящено знаменитому русскому актеру Михаилу Семеновичу Щепкину (1788—1863). Щепкин происходил из семьи крепостных. Начало знакомства его с Шевченко относится к 1844 году. С этого времени их теплая, искренняя дружба продолжалась до последних дней жизни поэта.

Кому ж ее покажу я,
Где найду родного,
Кто бы понял и приветил
Великое слово?
Все оглохли, все ослепли,
В кандалах поникли...
Ты смеешься, а я плачу,
Друже мой великий!
А что с плача уродится?
Лишь трава дурная!..
Не услышит вольных пушек
Сторона родная.
Не зарубит старый батька
Любимого сына
За свободу, честь и славу
Своей Украины.
Не зарубит, а выкормит
Да царю на бойню
И отдаст: «Примите, дескать,
Нашу лепту вдовью».
Он отдаст царю-престолу
Да немцам-собакам...
Что же, пусть их!.. А мы будем
Смеяться и плакать.

30 декабря 1844 г.

Петербург

*
**

Не завидуй богатому:
Богатый не знает
Ни любви, ни уваженья, —
Он их покупает.
Не завидуй могучему, —
Тот всех угнетает;
Не завидуй и славному, —
Хорошо он знает,
Что не его люди любят,
А тяжкую славу,
Что добыл он со слезами
Людям на забаву.
А сойдутся молодые —
Любовно, не споря,

Киргизка Катя.

Сепия, 1848 г.

Ночь на Кос-Арале.

Акварель, 1848 г.

Как в раю, а присмотреться —
Шевелится горе...

Не завидуй никому ты,
Приглядишься ты к свету:
На земле не видно рая,
И на небе нету!

4 октября 1845 г.
Миргород

*
**

Не женися на богатой —
Выгонит из хаты.
И на бедной не женися —
Знать не будешь сна ты.
А женись на вольной воле,
На казацкой доле.
Не богата, но зато уж
И простора вволю.
Но зато никто не лезет:
«Что ты, друг, невесел
Да отчего да почему
Голову повесил?»
Вдвоем как-то легче, мол,
Если кто обидит.
Ты не верь им: легче плакать,
Коль никто не видит.

4 октября 1845 г.
Миргород

ЕРЕТИК¹

Шафарику²

Подожгли соседи злые
У соседа хату,

---

¹ Герой поэмы — чешский религиозный реформатор Ян Гус (1369—1415). Выступая против католического духовенства и папы римского, Ян Гус боролся также за национальное освобождение Чехии от немецких баронов-захватчиков. По решению высшего церковного суда в городе Констанце Ян Гус был приговорен к смерти как «еретик» и сожжен на костре в 1415 году. Шевченко в образе Яна Гуса прославляет борца за свободу и независимость родины.

² Шафарик Павел-Иосиф (1795—1861) — известный чешский ученый и поэт, поборник идеи объединения славян.

И лежат они, погравшись,
Мирным сном объаты.
Да забыли серый пепел
По ветру развеять.
Лежит пепел на распустье,
А в том пепле тлеет
Искра пламени большого
И не погасает,
Ждет поджога, точно мститель
Часа ожидает,
Злого часа! Тлела искра,
Тлела — ожидала
На широком раздорожье,
Да и гаснуть стала.

Так и неметчина спалила
Большую хату и семью,
Семью славян разъединила
И тихо-тихо к ним впустила
Усобиц лютую змею.

Полилися реки крови,
Пожар потушили,
А сирот и пепелище
Немцы поделили.
И в оковах выростали
Славянские дети
И в неволе позабыли,
Кто они на свете.
А на старом пепелище
Искра братства тлела,
Дотлевала, ожидала
Крепких рук и смелых —
И дождалась!.. Ты увидел
Под пеплом глубоко
Огонь добрый смелым сердцем
И орлиным оком.
И зажег ты яркий светоч,
Светоч правды, воли,
И славян семью большую
Во тьме и неволе
Сосчитал ты до едина —

Сосчитал лишь трупы,
А не славян. И восстал ты
На крутых уступах —
На всемирном раздорожье —
Иезекиилем¹.
И — о чудо! — трупы встали
И глаза раскрыли;
Обняли друг друга братья
И заговорили
Языком любви сердечной,
Подружась навеки!
И слились в едином море
Славянские реки!
Слава тебе, любомудру,
Чеху-славянину,
Что не дал ты уничтожить
Немецкой пучине
Нашу правду! И родное
Славянское море
Снова станет многоводным,
И в его просторе,
С верным кормчим, под ветрилом,
Свежим ветром полным,
Поплывет наш челн по морю,
По широким волнам.
Будь же славен ты, Шафарик,
Во веки и веки,
Что в одно собрал ты море
Славянские реки!

Так прими же в своей славе,
Повстречай приветно
Эту думу немудрую,
Дар мой неприметный,
Про того святого чеха,
Мученика Гуса!
Прими, отче! А я тихо
Богу помолюся,
Чтобы стали все славяне

---

¹ Иезекииль — библейский пророк. По легенде, он предсказывал своему народу освобождение от чужеземного ига.

Братьями-друзьями,
Сыновьями солнца правды
И еретиками,
Вот такими, как Констанцкий
Муж¹ великий, правый!
Принесут они навеки
Миру мир и славу!

22 ноября 1845 г.

Переяслав

Камень, его же небрегоша
зиждущии, сей бысть во главу
угла: от господа бысть сей и есть
дивен во очесех наших²

Псалом 117, стих 22

«Кругом неправда и неволя,
Народ замученный молчит,
А на апостольском престоле
Монах раскормленный³ сидит,
Он кровью, как в шинке, торгует,
Твой светлый рай сдает внаем!⁴
О царь небесный! Суд твой всуе,
И всуе царствие твое.

Разбойники, людоеды
Правду побороли,
Осмеяли твою славу,
И силу, и волю!
Земля скованная плачет,
Словно мать по детям:
Кто собьет оковы эти,
Встанет в лихолетье
За евангелие правды,
За народ забитый?

---

¹ Констанцкий муж — то-есть Гус, сожженный по приговору Констанцкого собора.

² «Камень, которым пренебрегли строители, стал краеугольным камнем: господом он дан и дивен в глазах наших» (церк.-слав).

³ Римский папа, глава католической церкви.

⁴ Намек на то, что католическое духовенство продавало индульгенции, то-есть отпущение грехов, и обещало за деньги райское блаженство.

Некому! Неужто ж, боже,
И не ждать защиты?
Нет! Ударит час великий,
Час небесной кары!
Распадутся три короны
Высокой тиары...¹
Распадутся! Благослови
На смерть и на муки,
Благослови мои, боже,
Нетвердые руки!..»

Так в келье Гус с неправдой злою
Решил бороться — разорвать
Оковы ада и святое,
Святое чудо показать
Очам незрячим.

«Поборюсь...

Со мной всевышний! Да свершится!»
И в Вифлеемскую каплицу²
Пошел молиться добрый Гус.

«Во имя господи Христа,
За нас распятого на древе,
И всех апостолов святых,
Петра и Павла особливо,
Мы отпускаем все грехи
Вот этой буллою...³ святою
Рабыне божьей...

Этой самой,

Что позавчера водили
По улицам Праги.
Этой самой, что шаталась,
Упившись хмелем,
По шинкам да по казармам,
По монашьим кельям.
Эта деньги раздобыла
Да буллу купила —

---

¹ Тиара — корона римских пап.

² Вифлеемская каплица — церковь в Праге, где Ян Гус выступал со своими проповедями.

³ Булла — папская грамота, папский указ.

И теперь свята... О боже!
Великая сила!
Великая слава! Помилуй людей!
Отдохни от гнева в светлых сенях рая!
За что погибают? За что ты караешь
Своих и покорных и добрых детей?
За что ты ослепил им очи
И вольный разум их сковал
Оковами кромешной ночи?..
Прозрейте, люди, день настал!
Глаза раскройте, шире груди!
Проснитесь, чехи! Вы же люди,
А не потеха чернецам!
Злодеи, палачи в тиарах
Всё обратили в прах и дым,
Как там, в Московии, татары,
И догматы¹ свои слепым —
Нам навязали!.. Кровь, пожары,
Все зло на свете, войны, свары,
Мученья адские, а Рим
Распутством одержим.
Вот все их догматы и слава!
Чего славней!.. А нынче — вот
Установление конклава²:
Кто, буллы не купив, умрет,
Тот — прямо в ад. А если плату
Ты внес двойную — режь хоть брата,
Всех, кроме пап и чернецов,
И в рай ступай в конце концов!
И вор у вора без пощады
Ворует... тут же, в церкви. Гады!
Насытились ли вы вполне
Людскою кровью?.. Нет, не мне,
Великий господи, простому
Рабу, судить твои дела
Великие: ведь людям зла
Не причинишь ты попустому!

---

¹ Догматы — основы религиозного учения.

² Конклав — собрание высшего католического духовенства (кардиналов), избирающее папу.

Молю я, господи, помилуй,
Спаси ты нас, святая сила!
Язык мой язвами клейми,
Но язвы мира изыми!
Не дай глумиться ты лукавым
Над вечною твоею славой
И над смиренными людьми!»

И плакал Гус, творя молитву,
Слезами тяжкими... Народ
Дивился молча: что творит он?
И на кого он восстает?

— Глядите, люди! Вот вам булла,
Что я читал! — И показал
Ее народу. Всколыхнуло
Толпу: он буллу разорвал.
Из Вифлеемской той каплицы
До самой мировой столицы
Грозами эхо понеслось.
Монахи скрылись... Грозной карой
В конклаве эхо отдалось —
И дрогнула, кренясь, тиара.

Зашипели в Ватикане ¹
Змеями монахи.
Авиньон ² с монашьям Римом
Зашептался в страхе,
Зашептались антипапы ³ —
Потолки трясутся
От шопота. Кардиналы
Гадюками вьются
Вкруг тиары и украдкой
Меж собой грызутся,
Что коты замышь... И как же!
Тут ведь меху, кожи
Горы целые! А мяса!!!
Даже стены в дрожи,

---

¹ Ватикан — место пребывания папы римского.

² Авиньон — город на юге Франции, где в 1309—1378 годах находились римские папы.

³ Одно время существовало три претендента на папский престол, и каждый из них считал других «антипапами».

Как слышалось, что в Праге
Уж гогочут гуси ¹
И летят с орлами биться...
Вспокоился, струсив,
Собрался конклав... Решили:
Меж собой не споря,
Встать на Гуса и в Констанце
Воронью быть в сборе!
Да стеречь вверху и снизу
Зорче, чтоб дотоле
Не укрыться серой птахе
На славянском поле.

То не воронье слеталось —
Монахи толпою
Повалили. Степь, дороги
Точно саранчою
Покрылись: герцоги, бароны,
Псаря, герольды, шинкари
И трубадуры-кобзари...
Змеятся латников колонны.
За герцогинями без счета
Всё немцы: соколов несут,
Те едут, те пешком идут...
Кишат! Всяк рвется на охоту,
Как гад на солнышко спеша!
О чех! Жива ль твоя душа?
Глянь, сколько силы повалило,
Как бы на сарацина ², в бой,
Иль на великого Аттилу! ³
А в Праге ропот, гул глухой,
И кесаря ⁴, и Вячеслава ⁴,
И весь собор тысячеглавый
Там вслух бранят наперебой,

---

¹ Намек на приверженцев Гуса — гуситов.

² Сарацины — жители Африки и Малой Азии, арабы. Здесь поэт имеет в виду крестовые походы.

³ Аттила (V век) — вождь гуннов, завоеватель, устранивший Европу своей жестокостью.

⁴ Кесарь — германский император Сигизмунд (1368—1437). Он созвал Констанцкий собор; Вячеслав (1361—1419) — король чешский, брат Сигизмунда.

В Констанц не отпуская Гуса.
«Жив бог! Жива душа моя!
Я смерти, братья, не боюсь!
Я докажу тем змеям! Я
У них, насытых, вырву жала!..»
И Гуса Прага провожала,
Как дочь — отца...

На заре Констанц проснулся
В колокольном звоне.
Собирались кардиналы,
Как быки в загоне,
И румяны и дородны;
Прелатов¹ орава,
Трое пап, князя, баронство,
Венчаные главы
Собрались, как иуды
На суд нечестивый
Над Христом. И брань и ссоры,
Вой и крик визгливый,
Будто в лагере татарском
Иль в еврейской школе.
И вдруг разом онемели!..

Как в ливанском² поле
Гордый кедр — так Гус, в оковах,
Встал перед собором,
И окинул нечестивых
Он орлиным взором.
Задрожали, побледнели,
Молча взор вперили
В мученика.

— Что ж, меня вы
Спорить звали или
Любоваться оковами?
— Стой, предезкий, молча! —
Гадюками зашипели,
Завыли по-волчьи. —

Еретик ты! Еретик ты!

---

¹ Прелат — высший чин католической церкви.

² Ливан — местность в Палестине.

Ты погряз в расколе!
Ты усобицы лишь сеешь,
Ты святейшей воли
Не приемлешь! — Одно слово!
— Господом проклятый,
Еретик ты! Еретик ты! —
Ревели прелаты. —
Ты усобник! — Одно слово!
— Замолчи, проклятый! —
Гус взглянул на пап и молча
Вышел из палаты.
«Победили! Победили!..»
И, теряя разум,
«Аутодафе! Аутодафе!..»¹ —
Заревели разом.

И всласть монашеская братья
Всю ночь с баронами пила.
На Гуса сыпались проклятья...
Но вот гудят колокола.
Идут молиться в церковь божью
За грешника монахи в ряд.
Горит багровая заря —
И солнце хочет видеть тоже,
Что с Гусом праведным творят!

Загудел Констанц от звона.
В кандалах, под стражей,
На Голгофу² ведут Гуса...
И не дрогнул даже
Пред костром, ступил на пламя
Он с молитвой смело:
— О господи милосердный,
Что, скажи, я сделал
Этим людям, твоим людям?
За что меня судят?
За что меня распинают?

---

¹ Аутодафе — торжественная церемония оглашения и приведения в исполнение приговора католической инквизиции, в частности сожжение осужденных на костре.

² Голгофа — по евангельскому преданию, место казни Христа. Здесь употреблено в переносном смысле.

О, молитесь, люди
Неповинные! И с вами
То же, то же будет!
Лютый зверь пришел, овечьей
Шкурою покрытый!
Точит когти... Горы, стены
От него защиты
Не дадут вам!.. Разольется
Багряное море
Крови, крови детей ваших...
О горе! О горе!
Вон те звери! В светлых ризах,
Злостью полон каждый...
Жаждают крови...

— Жги! Пожарче!

— Крови! Крови жаждут!
Вашей крови!.. — И за дымом
Праведника скрыло.
— О, молитесь же! Молитесь!
Господи! Помилуй,
Прости ты им — ведь не знают... —
И не слышно стало.
Вкруг огня, как псы на страже,
Цепь монахов встала —
Всё боялись, чтоб не выполз
Он змеей из жара,
Не обвил кольцом корону
Или же тиару.
Погас костер; дунул ветер,
Всюду пепел сея.
Видели простые люди
Огненного змея¹
На тиаре. Расходились
И «Те деум»² пели
Чернецы и за трапезой,
Вкушая, сидели
День и ночь — опухли даже.
Малою семьею
Сошлись чехи. Из-под пепла

---

¹ Намек на грядущую реформацию, которая подорвала власть папы.

² Католическая молитва «Тебя, господи, славим».

Горсть земли с собою
Взяли в Прагу. Так монахи
Гуса осудили
И сожгли. Но божье слово
С ним не умертвили, —
Не думали, что ринется
После гуся яро
Орел с неба и расклюет
Гордую тиару.
Да и что им! Разлетелись
Монахи, бароны,
Точно с пира кровавого
Черные вороны.
Разгулялись по хоромам,
Даже не вспомнят!
Знай пируют да порою
«Те деит» затянут.
С корнем вырвали... Пстойте!
Вон над головою
Старый Жижка из Табора¹
Взмахнул булавою.

10 октября 1845 г.

с. Марьинское

С Л Е П О Й²

(Невольник)

П о э м а

Песни мои молодые,
Те, что в небе реют,
Не вернуться с того света,
Стен не обогреют.
Покинули одиноким,
С тобою одною —

---

¹ Жижка Ян (1360—1424) — вождь чешского крестьянского движения (родом из Табора); вместе со своими последователями — таборитами — был продолжателем дела Гуса после его смерти

² В этой поэме изображена судьба молодого казака Степана Шевченко рисует исторические картины Запорожской Сечи в период ее распада и упразднения. Предполагают, что вступление к поэме обращено к княжне Варваре Николаевне Репниной (1808—1891) — дочери яготинского помещика, усадьбу которого поэт часто посещал.

Сердцем моим, светом моим,
Раем, тишиною!
Никому мой рай неведом,
Ты сама не знала,
Что звездою путеводной
Надо мной сияла.
Я гляжу, не налюбуюсь...
Вот сверкнула снова,
Вот склонилась, уронила
Ласковое слово,
Вот мелькнула, улыбнулась.
Вгляжусь — ночь меж нами;
Проснусь — болью полно сердце
И глаза — слезами.

Спасибо, звездочка! Темнеет
Денек мой хмурый. Вечереет.
Над головой уже трясет
Свою некованую косу
Косарь нещадный. Молча скосит.
А там и след мой занесет
Холодный ветер. Все стареет.
Быть может, и тебя овеет,
Брызнувши слезами,
Моя песня. И тихими,
Тихими речами
Ты промолвишь: «Я любила,
Я его любила,
А он не знал!» Звезда моя!
На мою могилу
Лейся светом... А я буду
Из пространств глядеться,
Воспевая и на небе
Тебя, мое сердце.

Этот — бродит за морями
По белому свету,
Ищет счастья — не находит,
Нигде его нету,
Как вымерло! Другой рвется
Из последней силы

За удачей... Вот-вот догнал
И — вразмах — в могилу!
А третьему — как нищему:
Ни хаты, ни поля,
Одна сума, а из сумы
Глядит его доля,
Как ребенок. А он ее
Хаает, проклиняет,
Продает и пропивает —
Нет, не покидает!
Как репей, что прицепится
К нищенской заплате
И с чужого урожая
Колосья прихватит.
А там снопы, а там скирды,
Глядишь — и в палате
Сидит себе побирушка,
Словно в своей хате.
Вот оно — какое счастье!
Не догнать — упрямо,
А полюбит — дастся в руки
С колыбели самой.

В рубахе чистой, отбеленной,
Веселый, в новых сапогах,
Сидел на тройцын день зеленый
Старик с бандурою в руках,
Седой казак.

— И так и сяк...

И нужно бы, да неохота...
А все же нужно. Хоть два года
Пускай по свету он порыщет
И сам судьбу свою поищет,
Как я искал ее... Ярина!
А где Степан? — А вон под тыном,
Как в землю вкопан, нем и глух!
— А мне и невдомек... Эй, друг,
Иди сюда! Идите оба!
Как вам такая дробь на пробу? —
И грянул по струнам.
Он играет, а Ярина

Со Степаном в пару.
Он играет, подбавляет
Каблуками жару.

«Кабы мне такого бы горя:
Со свекровью жить, да не споря,
Кабы мне молодой муженек,
От меня б не отходил весь денек!
Ой, гоп, чики-чики,
Кабы новы черевики,
Еще бубен да цимбалы,
Я бы только то и знала —
Молодого обнимала!
Ой, гоп гопака,
Оженили казака!
Он и печь затопил
И борща наварил!»

— А ну, дети, еще этак! —
Разобрало старика.
Как ударит, как ушкварит,
Кулаки упер в бока...

«А и то не беда,
Что выросла лебеда!
Кроши густо,
На капусту —
Будет добрая еда!
А вот это — так беда,
Что женили смолода,
Оженили,
Не спросили —
Не осталось и следа!»

— Нет, не то уж — подкосилась
Бывалая сила!
Утомился. А это вы
Подбавили пыла.
А, чтоб вам! Года-годочки
К земле клонят низко...
Пора кушать. Иди, дочка,

Готовь чашки, миски.
Сказать правду — я голоден,
Солнце над стеною.
А ты, сынок, до полудень
Останься со мною.
Садись, браток. Как отец твой
В Польше пал убитым,
Ты после него остался
Сиротой забытым.
— Так я, значит, не родной вам,
Я не сын ваш? Боже!..
— Слушай, милый! Вот вскорости
Мать умерла тоже.
Остался ты, я и сказал
Покойной Марине,
Жене своей: «Возьмем его
Себе вместо сына» —
Тебя, значит. Она рада.
Вот вы близнецами
С Яриною и выросли..
А что дальше — сами
Посудите. Ты в возрасте —
Она взрослой стала.
Надо думать, как жить дальше
Вам бы подобало.
Что скажешь ты? — Я не знаю..
Я думал, что это..
— Что Ярина сестра твоя?
А глядишь, не это..
Дело просто: если любя,
Можно повенчаться.
Только вот что: нужно раньше
В людях потолкаться,
Приглядеться, как живут,
То ль пашут,
То ль по непаханому сеют
И прямо жнут,
И немолоченное веют,
А что размелют — прямо в рот, —
Узнай народ!
Так вот что, милый: нужно в люди
Тебе пойти на год, на два.

Чужая выучит братва!
Тогда и порешим, как будет.
Тому, чья не крепка спина,
И в жизни будет грош цена.
А ты как думаешь, дружище?
Но если хочешь точно знать,
Где легче горем торговать,
То в Сечь иди: там хватит пиши.
Поможет бог — найдешь свой кус.

А мне на вкус
До сей поры тот хлеб не сладок.
Добра добудешь — принесешь,
А не добудешь — проживешь
Моим нажитым. Да повадок
Запорожских наберешься,
Увидишь широкий
Свет совсем иным, чем в школе,
Ты живые строки
В синем море прочитаешь;
В честном рукопашье
Богу выучат молиться,
А не по-монашьи
Бормотать под нос. Вот так-то!
Помолимся богу
Да сивого оседлаем —
И айда в дорогу!

Идем, дружок, полудновать...
Ну, как там? Готово,
Яриночка? — Уже, отец!
— Вот, сын, мое слово!

Не естся, не пьется, и сердце не бьется,
И разум затмился, и взор не глядит,
Как будто глухой и незрячий сидит,
Замест куска хлеба за кружку берется...
Ярина глядит и тихонько смеется:
«Что это с ним случилось? Не ест и не пьет!
Уж не разболелся ль? То бледен, то красен!»
Она его взгляда ответного ждет —
Глаза он отводит. Старик же бесстрастен,
Как будто не видит. «Что жать, что ни жать,

А сеять-то нужно», — в усы рассуждает
Отец про себя. — Ну, пора и вставать.
А я, может, в церкви еще побываю.
А ты, Степан, ложись-ка спать —
Ведь завтра рано нам вставать
Да коня седлать.

— Степаночко, голубчик мой,
На что ты в обиде?
Улыбнись мне, усмехнись мне...
Разве ты не видишь,
Как горько мне? Растревожил
Тебя насмерть кто-то,
И на меня глядишь так, что
Заплакать охота.
Я убегу, вот увидишь!
Ответь мне, Степанко!
Может, болен? Я достану
С настоями склянку,
Я побегу за бабкою...
Может, глаз чей черный?
— Нет, Ярина, мое сердце,
Цветок мой узорный!
Я не брат тебе, Ярина,
Я завтра покину
Тебя с отцом сиротами
И навеки сгину.
И ты меня не вспомнешь,
Забудешь, Ярина,
Какой я был!.. — Перекрестись!
То с дурного глазу!
Я — не сестра?.. Кто ж тогда я?..
Он потерял разум!
Что тут делать? Отца нету,
Кого пойду звать я?
А он, видно, в лихорадке —
Совсем без понятия...
Или ты меня дурачишь?
Разве ты не знаешь,
Что умрешь ты — и нас с отцом
В землю закопаешь?

— Нет, Ярина, не умру я,
А уеду далеко...
И вернуться раньше года
Мне не будет срока.
Возвращусь я с Запорожья
Женихом — не братом.
Пойдешь замуж? — Да ну тебя
Со свахой и сватом!
Шути еще. — Не шучу я!
Ей-богу, Ярина,
Не шучу я! — Значит, правда?
Ты завтра покинешь
Меня с отцом? Отвечай же —
Это все не шутка!
Значит, правда — не сестра я?
— Нет, моя голубка,
Сердце мое! — Боже ты мой!
Как же я не знала!
Разве б я тебя любила,
Разве б целовала?..
Ой, стыд какой! Отойти же,
Пусти мои руки!
Ты не брат мне... Ты не брат мне..
Муки мои, муки!

И расплакалась Ярина,
Как дитя рыдает.
«Он уедет! Он забудет!..» —
Плачет, причитает.
Словно явор, наклоняясь
Над речною кручей,
Сердце свое Степан выжжет
Слезую горючей,
Как смолою. А Ярина
Молит, попрекает,
То замолкнет, поцелует,
То вновь зарыдает.
Не видели, как стемнело.
И сестру и брата,
Словно скованных друг с другом,
Застал старый в хате.

И день настал. А Ярина
Не знает покою.
Вот уже Степан выводит
Коня к водопою.
Подхватила ведра, мчится,
Будто бы не тужит,
Хозяйствует. В это время
Старое оружие
Отец вынес из чулана,
Глянул, веселеет,
Примеряет... Будто снова
Старый молодеет!
Прослезился. «Сабля моя,
Сабля боевая,
Годы мои молодые,
Сила молодая!
Послужи, мое оружие,
Юношеской силе
Той же верной той же службой,
Что и мне служило!..»
И Ярина держит саблю,
А Степан седлает
Коня — друга боевого,
Жупан надевает;
Он берет кривую саблю,
Копье боевое,
Самопал семипядевый
Повис за спиною.
Как взглянула — обомлела,
И старик заплакал,
Оглядевши верхового
Доброго вояку.

Ведет коня за уздечку
И плачет Ярина.
Седой отец идет рядом,
Наставляет сына:
— Нужно честно отслужиться,
Правила держаться,
С побратимами дружиться,
В обозе не жаться...

Пускай бог тебе поможет! —
Напоследок стоя,
При словах этих прощальных
Зарыдали трое.
Степан свистнул — пыль вздымилась,
Закрыла дорогу...
— Возвращайся, сын, скорее
К родному порогу! —
Закричал отец сквозь слезы...
Как елка в долине,
Пошатнулась, наклонилась
Без слова Ярина.
Только слезы утирает
Да путь озирает —
Там лишь тень в пыли мелькает
И вновь пропадает.
Будто перекати-поле
Катится, чернеет,
Будто мошка исчезает,
Только пыль над нею...
И пропала. Долго, долго
Вдаль на ту дорожку
Устремляла взор Ярина —
А уже той мошки
Нет, исчезла. И дивчина
Тяжело вздохнула
И с отцом своим печально
К дому повернула.

Проходят дни, проходит лето;
Настала осень, шелестит
Сухой листвою. Не видя света,
Старик на приступке сидит.
Ярина не слышно смеха —
Отца единая утеха
Больна. С кем будет век дожит?
Чем старость обогреть? И снова
Он вспомнил сына молодого,
Свои цветущие лета.
Припомнив, заплакал
Седой богатый сирота.

Заплату к заплате
На плечи нашили лета.
«В твоих руках все на свете,
Свята твоя воля.
Что случится — тому и быть,
Знать, такая доля!»

Подснежником и мятою,
Травой повиликой
Весна землю одевает
В радости великой,
И солнышко среди неба
Рассиялось смело,
Землю, как жених невесту,
Взглядом обогрело.
И Ярина на свет божий,
Хату покидая,
Выползает, улыбаясь,
Слабая такая.
Все ей ново, все ей мило,
Все свежо, как в юность;
Но ножом беда лихая
В сердце повернулась
И свет заслонила,
И подкошенной травую
Ярина склонилась,
Словно листья под росую
Побелели губы.
И отец над ней склонился
Подсеченным дубом.

Ко всем киевским святыням
С мольбой обращалась,
У Межигорского спаса
Трижды причащалась
И в Почаеве священном
Рыдала, молилась,
Чтобы счастье со Степаном
Хоть во сне приснилось.
Нет, не снилось! Возвратилась,
Снова забелела

Зима снегом. Новой весной
Степь зазеленела.
Вновь Ярина, кинув хату,
Вышла, хорошея,
Но уж не к святым молиться —
Гадать к ворожее.

Ворожея ворожила,
Заговоры клала,
За три деньгѣ судьбу-счастье
Воском выливала:
— Вон видишь: конь оседланный
Машет головою.
А вот казак. А вот идет
Старик с бородою.
Это к деньгам. Глянь — сопливый!
Вот бы догадался
Пугнуть деда! А и пугнул!
За курган забрался,
Видишь, вон считает деньги.
Вот он вновь по склону,
Закрыв глаза, идет с сумой,
Чтоб никто не тронул,
Чтоб за ним погоня вражья
Следом не метнулась... —
И веселая с гаданья
Ярина вернулась.

Уже третье, четвертое
И пятое лето
Кончается — немалый срок,
А Степана нету.
И тропочки-дороженьки
Яром да горою,
Что хожены, ворожены,
Заросли травою.
И Ярина в монашенки
Постричься решает.
Старый отец на коленях
Просит, умоляет —
Хоть годочек, хоть леточко,
Хоть тройцы б дождались!..

Дождались — и стены хаты
Зеленью убрали,
И мятою, и цветами
И в рубахах белых
Тихонечко перед хатой,
Как сироты, сели.
Сидят они печальные —
Вдруг, слышат, играет
И под тихий ропот кобзы.
Кто-то напевает:

«В воскресенье раным-рано
Сине море выло;
Казачество кошевого
На кругу просило:
«Разреши ты, атамане,
Парусам подняться,
Чтоб за Тендер¹ прогуляться,
С турком потягаться».
Чайки² и челны спускали,
Пушками их уставляли.
Из широкого устья днепрового
выплывали.
Среди ночи темная,
Среди моря синего
За островом Тендером утопали,
Погибали...
Один утопает,
Другой выплывает,
К казакам-товарищам из волны тяжелой
Руку подымает, окликает:
«Пускай вам, товарищи, господь
помогает!»
И в волне тяжелой утопает,
Погибает.

---

¹ Тендер — остров при впадении Днепра в Черное море.

² Чайки — легкие, подвижные лодки, на которых запорожцы совершали морские походы.

Лишь три челна, слава богу,
 Атамана куренного ¹,
 Сироты Степана молодого,
 Сине море не разбило,
 В турецкую землю, к нечестивцам,
 Без рулей и весел относило.
 Тогда сироту Степана,
 Казака реестрового,
 Атамана честного,
 Турки-янычары ловили,
 Из пушки стреляли,
 В кандалы ковали,
 В Царьградскую башню ² заключали,
 Тяжелой работой отягчали.
 Ой, спасе наш чудотворный,
 Межигорский спасе!
 И лютому ворогу
 Не дозволять попасться
 В турецкую землю, в тяжкую неволю!
 Кандалы там по три пуда,
 Атаманам по четыре.
 И света божьего не видят, не знают,
 Под землею камень ломают,
 Без напутствия святого умирают,
 Погибают.
 Вспомнил сирота Степан в неволе
 Матерь свою Украину,
 Неродного отца седого,
 И коника вороного,
 И сестру Ярину, —
 Плачет, рыдает,
 Руки к небу подымает,
 Кандалы ломает,
 Убегает на вольную волю!..
 На третий день в поле
 Турки-янычары его догоняли,
 К столбу вязали,
 Глаза вырывали,

¹ Куренной атаман (от слова «курень» — воинская часть). — Запорожская Сечь делилась на тридцать семь куреней; во главе каждого стоял куренной атаман.

² Царьградская башня — тюрьма в Стамбуле, где томились пленные казаки.

Горячим железом выжигали,
В кандалы забивали,
В тюрьму сажали
И замуровали».

Вот так, на улице, под тыном,
Еще не стар кобзарь стоял
И про неволю распевал.
За тыном слушала Ярина —
Не дослушала, упала.
— Степаночко! Степаночко! —
Рыдала, кричала. —
Степаночко, сердечный мой,
Что ж ты затаился?..
Отец! Это же Степан наш
Там остановился! —
Вышел отец за ворота,
Насилу, насилу
Признает его: так горе
Хлопца подкосило.
— Сыночек мой бесталаный,
Дитя дорогое,
Где скитался ты по свету,
Гонимый бедою? —
Плачет старый, обнимает,
И слепой заплакал,
Точно солнце он увидел
Из вечного мрака.
И берут его под руки
И приводят в хату,
И Ярина ему служит,
Как родному брату,
Голову ему помыла
И ноги обмыла.
И в сорочке тонкой, белой
За стол усадила.
Накормила, напоила
И спать уложила,
Вышла с отцом из горницы
И двери прикрыла.

— Нет, не надо, отец милый,
Милая Ярина!
Я уже навек пропащий
И вновь вас покину.
За что ты свой век девичий
Со мною загубишь,
С калекою?.. Нет, Ярина!
Засмеют нас люди.
Видно, счастье этой хаты
Неугодно богу.
Он от нас его прогонит
К чужому порогу.
Нет, Ярина! Бог не бросит,
Ты найдешь другого,
А я уйду в Запорожье
Петь под кобзу снова.
Меня любят... — Нет, Степан мой,
Ты мне ближе сына!
И бог тебя покарает,
Если нас покинешь.
— Оставайся, Степаночко!
Не хочешь венчаться —
Станем жить как брат с сестрою
И не разлучаться.
Будем радостью, опорой
Старика седого.
Сердце мое, Степаночко,
Не бросай нас снова!..
Не покинешь? — Нет, Ярина! —
И Степан остался.
Весел старый, как ребенок,
И за кобзу взялся —
Хотел струнным перебором
Возвратить веселье.
На завалинке у хаты
Втроем они сели.
— Расскажи теперь, Степан мой,
Как беда случилась.
Ведь и мне в плену турецком
Бывать приходилось.

— Вот меня, уже слепого,
Турки выпускали
С казаками. Товарищи
На Сечь отбывали
И меня с собой забрали
И через Балканы
Торопились на родину
Вольными ногами.
И на тихом на Дунае
Нас перегоняют
Сечевики-запорожцы
И в Сечь возвращают.
И рассказывают, плача,
Как Сечь разоряли,
По церквам оклады-ризы,
Свечи забирали.
Как казаки-запорожцы
Ночью отступали
И на тихом на Дунае
Новой Сечью¹ стали.
Как царица по Киеву
С Нечосом² гуляла
И Межигорского спаса
Ночью поджигала,
Как с Днепра на это пламя
Тайно любовалась,
В золотой своей галере
Плыла³, улыбалась.
И как степи запорожьи
Тогда поделили,
За панами запорожский
Народ закрепили.
Как Кирилл⁴ со старшинами

---

¹ После упразднения Сечи в 1775 году часть запорожцев ушла за Дунай, в турецкие владения, и там основала новую, Задунайскую Сечь; большинство запорожцев переселилось на Кубань.

² Нечос (Нечоса) — прозвище фаворита Екатерины II князя Григория Потемкина.

³ Здесь поэт устами Степана рассказывает о путешествии Екатерины II на Украину и в Крым в 1787 году. Это путешествие было обставлено с большой роскошью.

⁴ Кирилл — последний гетман Украины Кирилл Разумовский (правил с 1750 по 1764 год). После ликвидации гетманства на Украине — вельможа Екатерины II.

В парики влезали
И царицыны сапожки,
Словно псы, лизали.
Вот так, батько! Я и счастлив,
Что слепцом блуждаю,
Что всего того на свете
Не вижу, не знаю.
Как шляхтичи все забрали,
Кровь повыпивали,
А цари и самый воздух
В цепи заковали.
Вот что было. Тяжко, отец,
От своего дому
Уходить просить защиты
К нехристю, к чужому!
Теперь будто Головатый¹
Остатки собирает,
На Кубань их подбивает,
Черкеса пугает.
Пускай ему бог поможет!
А что с того будет,
Святой знает: послушаем,
Что расскажут люди. —
Вот так они каждодневно
Вдвоем до полночи
Рассуждают. А Ярина
Хозяйкой хлопочет.
Вспоминают Запорожья
Прошедшую славу
И тихонько напевают
Про Чалого Савву,
Про Хмельницкого Богдана,
Злосчастливого сына,
И про Гонту-мученика,
Про славу Максима.
А Ярина их слушала
Да святым молилась.

---

¹ Головатый Антон — бывший войсковой старшина Запорожской Сечи. По поручению правительства Екатерины II собрал не ушедших за Дунай запорожцев и организовал на Кубани черноморское казачье войско против черкесов.

Умолила. Перед постом
Они поженились.

Вот и конец моей песне.
Не дивитесь, люди!
Что бывало — миновало
И снова не будет.
Позабыты мои слезы,
Не бьется, в обиде
Сердце старое черствеет
И очи не видят...
Ни хатенки этой белой
Под синью небесной,
Ни долины приветливой,
Ни темного леса,
Ни девической улыбки,
Ни красы ребячьей
Я веселыми не вижу:
Все гибнет, все плачет.
Я и рад бы где укрыться,
Только где — не знаю.
Всюду горе, всюду стонут,
Бога проклинают.
Сердце вянет, каменеет,
И не носят ноги,
И устал я, одинокий,
На своей дороге.
Оттого кричу, как ворон,
На злую примету:
Солнце тучею покрылось,
И не видно свету.
Еле-еле к полуночи
Сердцем прозреваю,
Свою немощную песню
Людям посылаю.
За живой водой и мертвой
Ворон улетает,
Иногда, ее добывши,
Сердце окропляет.
И зажжется огонечек,
С темнотою споря,

И начну рассказ про счастье,
А сверну на горе.
Вот и нынче про слепого
Я рассказ кончаю,
А свести концы с концами
Как складней — не знаю.
Так как не было на свете
Этакого дива,
Чтоб жена с незрячим мужем
Прожила счастливо.
А вот — случилось это диво:
Год, другой на убыль,
Вот они в саду друг с дружкой,
Радостны и любы.
И старик — отец счастливый —
Перед светлым домом
Учит маленького внука
Вежливым поклонам.

*16 октября 1845 г.
с. Марьинское*

БАТРАЧКА

Пролог

В воскресенье раним-рано
Поле крылося туманом,
И стояла в том тумане,
Словно тополь на кургане,
Молодица молодая.
Что-то к сердцу прижимая,
Причитала, горевала:

— Ой, туман да в чистом поле,
Моя горькая доля!
Что меня ты не схоронишь
Средь этого поля?
Что меня ты не задавишь
Да в землю не вдавишь,
Почему моей недоле
Веку не убавишь?
Ой, душить меня не надо,

Лучше спрячь подале,
Чтоб никто не знал, не ведал
Про мои печали.
Не одна я — родители
Остались в хате...
Есть еще... Туман мой милый,
Ой, туман, мой братик!
Сыночек есть, кровиночка,
Не крещен доселе.
Без меня тебя окрестят,
Вынут из купели!
Без меня тебя окрестят —
Будешь жить с чужими!
Не узнаю я, какое
Дали тебе имя...
Не кори меня. Молиться
Буду дни и ночи —
Долю выплачу у бога
Для тебя, сыночек!..

И пошла просторным полем —
Плакала, рыдала,
За туманом хоронилась,
Сквозь плач напевала,
Как вдова в Дунай широкий
Сыновей кидала:

«Ой, в степи, у кургана,
Раным-раненько-рано,
Там вдова все гуляла,
Яду-зелья искала.
Яду-зелья не нашла,
Двух сыночков родила,
В китаечку повила
Да к Дунаю отнесла:
«Тихий, тихий Дунай,
Моих деток забавляй!
Уж ты, желтенький песок,
Накорми ты их разок,
Накорми, да укрой —
Моих деток успокой!..»

Киргизский мальчик у печки.

Сепия, 1853 г.

Шевченко с киргизскими детьми.

Сепия, 1853—1857 гг.

I

Жили-были дед да баба
С давних пор за лесочком, у пруда.
Тихо так на хуторе жили:
    Мирно, честь по чести,
    И повсюду вместе.
Еще сызмальства овец они пасли,
    А потом поженились...
    День и ночь трудились:
Дом поставили, мельницу, вырыли пруд
    И сад вишневый развели,
    И пчелки тоже были,
    Ну, словом, справно жили.
Да только без детей скучали,
А смерть уж близко — за плечами!

Кто же старость их приветит,
Вместо сына станет?
Кто на всем на белом свете
Души их помянет?
Кто, живя добром и правдой,
В тихий час покоя
Старикам спасибо скажет,
Как дитя родное?
Ой, с детьми куда как тяжело
В нетопленной хате!
Но тяжело состариться
В высоких палатах.
Срок придет — закроют очи,
Вынесут из хаты.
Чужим людям останется
Добро на растрату.

II

Однажды на святой неделе
У хаты старики сидели
В одеждах праздничных своих.
Глядело солнышко на них
С безоблачного неба. Тихо
Все было, словно бы в раю.

Но схоронилось в сердце лихо,
Как лютей зверь в нору свою.

И чего бы, казалось,
На старости надо!..
То ли давняя добука
Завернула в хату,
То ли горе вчерашнее
По сердцухватило,
Или новая кручина
Его распалила?

Не ведаю, что за тревога
Их души старческие жжет.
То ль собираться стали к богу?
Да кто в далекую дорогу
Коней им добрых запряжет?
— А кто нас, Настя, похоронит,
Когда умрем?.. — Старуха стонет:
— Век об этом горевала,
Да уж тошно стало!
Состарились одиноки...
И добра немало
Останется...

Чу, ты слышишь,
Будто плачет кто-то...
Словно бы дитя грудное...
Выйдем за ворота!
Разузнаем, в чем там дело. —
И разом схватились
Да к воротам... Прибегают —
И остановились:
У самого перелаза,
Прибрано, обмыто,
Лежит дитя, спеленато
И свиткой укрыто.
Видно, мать запеленала
Да еще прикрыла
Одежкой последней.
Видно, ох, любила!
Старики творят молитву,
А подкидыш плачет,

Руки выпростал, сердешный...
Просит, не иначе,
О помощи... Так жалостно!..
Вдруг умолк, захныкал.
Говорит старик: — Настасья!
Что стоишь? Гляди-ка!
Вот и счастье, вот и доля,
Вот и старость в доле!
Только, чур, как бы не сглазить...
Ты оглохла, что ли?
Неси в хату! Время ехать
Мне за кумовьями
В Городище. —

Вот чудно-то
Деется меж нами!
Один сына прокликает,
Гонит, выгоняет;
Другой свечечку, сердешный,
В церкви покупает
Да, рыдаючи, ставит
Перед образами:
Нет детей! Чудно, ей-богу,
Деется меж нами!

III

Вот три пары на радостях
Кумовьев набрали,
Да и тут же окрестили
И Марком назвали.
Растет Марко. Старики же
Прямо ног не чувят:
И целуют, и милуют,
Пестуют, балуют.
Год прошел... Растет наш Марко.
А в хлеву корова
Как сыр в масле катается.
И вдруг черноброва,
Молода и белолица
Пришла молодица
На тот хутор благодатный
В батрачки проситься.

— Что ж, возьмем ее, Настасья!

— Да возьмем, пожалуй.

Мы уж старые, хвораем,

А ребенок малый,

Хоть и вырос за годочек,

А все ж таки просит

И ухода и заботы...

— Ну конечно, просит!

Да и я на свете пожил —

Поел хлеба-соли.

Ну, так как же, молодица,

Столкуемся, что ли?

Сколько за год?

— Что дадите!

— Ты же ищешь службы,

Назначай за службу плату —

Счет не портит дружбы!

Ведь кто денег не считает,

Тот не разживется.

Слушай, дочка, вот как сделать

Нам с тобой придется:

Поживи у нас маленько,

Оглядишься в хате.

Попривыкнем мы друг к дружке —

Вот тогда и плату

Я тебе назначу.

— Ладно!

— Так иди же в хату!

Сговорились. Молодица

Весела и рада,

Словно с паном повенчалась,

Сделалась богата.

И в саду и в огороде,

На дворе и в хате —

Спозаранку и до ночи.

А вокруг дитяти,

Словно мать, ну так и ходит,

Устали не знает:

То ему головку моет,

То, глядишь, меняет

Каждый божий день рубашки,

То его катает,
То баюкает. А в праздник
И с рук не спускает.
Старики мои дивятся —
И как не дивиться!
А батрачке несчастливой
По ночам не спится:
Плачет, долю проклиная,
Мается, тоскует,
И никто того не знает,
Как она горюет,
Кроме маленького Марка,
Да и тот не знает,
Почему она слезами
Его умывает.
Он не знает, за что она
Так его милует,
Сама не съест и не допьет —
Его побалует.
Ой, не знает он, как в зыбке
Среди темной ночи
Вдруг проснется, ворохнётся,
А она подскочит
И укроет, перекрестит,
Зыбку поколышет...
Она слышит за стеною,
Как во сне он дышит.
Попутру к батрачке Марко
Ручки стирает
И мамою то и дело
Ганну называет.
Ничего не знает Марко —
Растет, подрастает!

IV

Немало лет с тех пор минуло,
Воды немало утекло,
И в хутор горе заглянуло
И слез немало принесло.
Бабусю Настю схоронили
И еле-еле отходили

Трофима-деда. Расцвело
Дурманом горе и завяло.
На хутор снова благодать
Вернулася, как и бывало,
К Трофиму в хату почивать.

Уже Марко чумакует
И осенью не ночует
Ни за хатою, ни в хате, —
Значит, надо девку сватать!
А какую? Дед гадает
И умного слова
У батрачки просит. Ганна
Хоть к царю готова
Засылать сватов...

— А Марко?

Знает он об этом?

— Что ж, узнает. —

Кличет старый

Марка за советом.

Посудили, порядили,
Да и за сватами
Пошел Марко. Вернулись
Люди с рушниками,
С святым хлебом обмененным¹
И девку в жупане
Уж такую высватали,
Что хоть и за пана
И то не срам! Вот какую
Кралю раскопали!

— Спасибо вам! — старый молвит. —

Знать, не прогадали.

Надо всех теперь объехать,

Чтобы знали люди,

Когда свадьба... Да еще вот:

Кто ж матерью будет?

Не дожила моя Настя... —

---

¹ По народному обычаю, сваты приносили отцу невесты хлеб и, если получали согласие на брак, обменивались хлебами с отцом невесты.

И старик слезами
Залился... А у порога,
Ухватясь руками
За косяк, батрачка Ганна
Нежива стояла...
— Кто же матерью-то будет? —
Бедная шептала.

V

Через семь дён молодницы
Каравай месили¹.
Дед — откуда что взялося —
Из последней силы
С молодницами смеется,
Да двор подметает,
Да проезжих и прохожих
К себе зазывает,
Пива-меду не жалеет
Да на свадьбу просит,
Суетится — самого же
Еле ноги носят.
Всюду сутолока, хохот,
А солнышко светит
Да глядит, как жбаны тащат
Из дубовой клетки.
Всюду чистят, выметают:
Готовят застолье...
Всё чужие! Где ж батрачка?
А на богомолье
Вчера ушла. Просил старый,
Марко даже плакал,
Чтоб она за мать осталась.
— Не могу я, Марко!
Для меня ли честь такая?
Нас осудят люди:
Я — батрачка! Над тобою
Все смеяться будут.
Пусть господь вам помогает!
Пойду помолюся
Всем святым в Печерской лавре

---

¹ Каравай месили — то-есть готовились к свадьбе.

И опять вернуся
В вашу хату, коль примете.
Пока будут силы,
Потружуся... — Поклонилась
И благословила
Тихо Марка. Заплакала,
Пошла за ворота.

Развернулось пированье;
Музыке работа
И подметкам! От горилки
Все хмельным-хмельные...
А батрачка ковыляет,
Поспешает в Киев.
Вот пришла — не отдохнула,
У мещанки стала,
Нанялася носить воду:
Денег-то не стало —
На молебен не хватило.
Носила, носила,
Собрала пятиалтынный
И Марку купила
Шапку черную в пещерах
Ивана святого,
Чтобы хвори не касались
Марка молодого.
Перстенечек у Варвары
Невестке достала
И, всем святым поклонившись,
Пошла-зашагала...

Вот и хутор. Катерина
С Марком выбегают
За ворота. И встречают
И за стол сажают.
Накормили, напоили,
Про все расспросили
И в горнице, как родную,
На ночь уложили.
«За что они меня любят?
За что почитают?
О боже мой милосердный!
Может, они знают?»

Может, они догадались?
Нет, не догадались —
Просто добрые!..» И Ганна
Тяжко разрыдалась.

VI

Трижды речка замерзала,
Трижды лед ломала,
Трижды Ганну Катерина
В Киев провожала.
И в четвертый раз с батрачкой
Вышла на дорогу,
Проводила до кургана
И молила бога,
Чтоб скорее возвращалась:
Без нее ведь хата,
Как без матушки родимой,
Темна, скучновата.

Уже и лето пролетело...
Вот как-то в праздник дед Трофим
Сидел в своей рубахе белой
На солнцепеке. Перед ним
С собакой внучек забавлялся,
А внучка, в юбку нарядясь
Длиннющую, как будто шла
К Трофиму в гости. И, смеясь,
Старик девчурку привечал,
Как будто вправду молодицу:
— Куда ж ты дела паляницу? ¹
Иль отнял кто — насильно взял,
Иль попросту забыла в клети?
А может, и не испекла?
Э, разве так живут на свете!.. —
Глядь, а в калитку-то вошла
Батрачка. Дед спешит приветить
С внучатами свою Ганну.
— Марка еще нету? —
Ганна спрашивает тихо.

---

¹ Паляница (укр) — пшеничный хлеб.

— Нету, Ганна, нету!
— А я еле доплелася,
Прямо через силу.
Не хотелось на чужбине
Мне сходить в могилу.
Хоть бы Марка-то дожидаться,
Очень плохо стало! —
И внучатам из котомки
Гостинцы достала:
И крестики, и медальки,
Еще пузыречек
С святой водой, и фольговый
Красный образочек.
Карпу — пеструю свистульку
Да лошадок пару.
И уже четвертый перстень
От святой Варвары
Катерине. А Трофиму
Из воска литого
Три свечечки. Для себя же
И для молодого
Ничего не захватила —
Денег не достало.
Заработала б, да хвори...
— Тут еще осталось
Полбубличка — по кусочку
Детям разделила.

VII

Вошли в хату. Катерина
Ноги ей обмыла
И полдничать посадила.
Да не тут-то было!
Не пила, не ела Ганна:
— Катря, я забыла,
Когда у нас воскресенье?
— Послезавтра!
— Надо
Отслужить молебен, дочка,
Святому Николе.
Что-то Марко задержался!

Не остался б в поле.
Захворает, спаси боже!.. —
И слезы ручьями
Из очей ее усталых
Потекли. Руками
Опершись на стол, привстала: —
Ой, не та я стала...
Ослабела, все хвораю —
Трудно, вишь, подняться.
Тяжко, Катря, в чужой хате
С жизнью расставаться! —
Захворала, сердешная.
Уж и причащали
И соборовали даже —
Нет, не помогало!
Старый дед темнее тучи
По усадьбе ходит,
Катерина же с болящей
И очей не сводит,
Катерина у болящей
Днюет и ночует...
А тем часом сычи в ночи
Недоброе чуют
Да вещуют. Болящая,
Как родного сына,
Марка ждет, невестку просит:
— Сердце, Катерина!
Что, наш Марко не приехал?
Ох, кабы я знала,
Что дождуся, что увижу,
Может, легче б стало...

VIII

Идет Марко с чумаками,
Идет распевает,
Не торопится домой он,
Волов не стегает.
Везет Марко Катерине
Сукна дорогого,
Для отца расшитый пояс
Шелку расписного,

А батрачке на очипок¹
Парчи золоченой
Да турецкий полушалок
С каймою зеленой.
А деточкам черевики,
Фиг да винограду.
А всем вместе душистого
Вина из Царьграда
Три ведра везет в бочонке
Да икорки с Дону.
Всего везет и не знает,
Что творится дома.

Идет Марко и не тужит.
Пришел, слава богу!
Он ворота отворяет
Да молится богу.
— Ты не слышишь, Катерина?
Знать, приехал кто-то...
Это Марко! Встречай, дочка,
Беги за ворота!..
Слава тебе, спасителю,
Дождалась насилу... —
И молитву тихо-тихо,
Как сквозь сон, твердила.

Волов старый выпрягает,
Палки вынимает
Из ярма. А Катерина
Марка обнимает.
— Где же Ганна, Катерина?
Жива ли, здорова?
— Ой, жива, да только, Марко,
Шибко нездорова!
Поскорей идем, родимый,
Пока выпрягает
Отец волов... Она тебя
Давно поджидает. —
Вошел Марко к Ганне в хату
И стал у порога —
Испугался... Ганна шепчет:

---

¹ Очипок — головной убор украинских женщин вроде чепца.

— Слава, слава богу!
Иди сюда, не пугайся!
Ты, Катруся, выйди.
С Марком я хочу остаться,
Уж не будь в обиде...

Вышла тихо Катерина,
А Марко, убитый,
Наклонился к изголовью.
— Марко, погляди ты,
На меня взгляни, голубчик, —
Что со мною стало!
Я не Ганна, не батрачка,
Я... — И замолчала.
Марко плакал... А батрачка
Вновь очи открыла,
Долго, жалобно глядела
И заголосила:
— Прости меня! Я с тобою
Весь век как чужая...
Прости меня, мой сыночек!
Я... твоя... родная...
Мать... — Замолкла.

Марко слушал,
И земля дрожала.
Опомнился — да к матери,
А ее не стало!

13 ноября 1845 г.
Переяслав

КАВКАЗ

*Искреннему моему Якову де Бальмену*¹

Кто даст главе моей воду и очесем
моим источник слез, и плачуся
и день и ночь о побивенных².

Иеремии, глава 9, стих 1

За горами горы, тучами повиты,
Засеяны горем, кровию политы.

¹ Де Бальмен Яков Петрович (1813—1845) — художник, друг Шевченко, погибший на Кавказе в 1845 году, во время войны с горцами.

² «Кто даст главе моей воду и глазам моим источник слез, я буду плакать и день и ночь об убиенных» (церк.-слав.).

Спокон веку Прометея¹
Там орел карает,
Что ни день долбит он ребра,
Сердце разбивает,
Разбивает, да не выпьет
Крови животворной —
Вновь и вновь смеется сердце
И живет упорно.
И душа не гибнет наша,
Не слабеет воля,
Ненасытный не распашет
На дне моря поля.
Не скует души бессмертной,
Не осилит слова,
Не охает славы бога,
Вечного, живого.
Не нам с тобой затеять распрю!
Не нам дела твои судить!
Нам только плакать, плакать, плакать
И хлеб насущный замесить
Кровавым потом и слезами.
Кат издевается над нами,
А правде — спать и пьяной быть.
Так когда ж она проснется?
И когда ты ляжешь
Опочить, усталый боже,
Жить нам дашь когда же?
Верим мы творящей силе
Господа-владыки.
Встанет правда, встанет воля,
И тебя, великий,
Будут славить все народы
Во веки и веки,
А пока — струятся реки...
Кровавые реки!..

---

¹ Прометей. — По древнегреческому мифу, титан Прометей принес людям огонь и за это был, по повелению царя богов Зевса, прикован к скале на Кавказе. Огромный коршун клевал его печень. У Шевченко образ Прометея — символ свободолюбивого народа, которого не может заковать орел самодержавия.

За горами горы, тучами повиты,
Засеяны горем, кровию политы.
Вот там-то божьей милостию мы ¹
Отняли у голодной голи
Все, что осталось — вплоть до
воли, —

И травим... И легло костями
Людей муштрованных немало.
А слез! А крови! Напоить
Всех императоров бы стало.
Князей великих утопить
В слезах вдовиц! А слез девичьих,
Ночных и тайных слез привычных,
А материнских горьких слез!
А слез отцовских, слез кровавых!
Не реки — море разлилось!
Пылающее море... Слава
Борзым, и гончим, и псарям,
И нашим батюшкам-царям —
Слава!

Слава синим горным кручам,
Подо льдами скрытым!
Слава витязям великим,
Богом не забытым!
Вы боритесь — поборете!
Бог вам помогает,
С вами правда, с вами слава
И воля святая!

Чурек и сакля ² — все твое,
Не выпрошенное мольбами,
За хлеб, за жалкое жильё
Не окуют тебя цепями.
У нас же... грамотей мы ³,
Читаем гóспода глаголы... ⁴

---

¹ Шевченко пародирует высокопарный стиль царских манифестов, где царь говорит о себе во множественном числе.

² Чурек — лепешка из пшеничной муки; сакля — жилище горцев.

³ Шевченко иронически ведет речь от имени царских сатрапов, которые проводили на Кавказе жестокую колонизаторскую политику.

⁴ Глаголы (церк.-слав.) — слова.

И от казармы и тюрьмы
Вплоть до высокого престола
Мы ходим в золоте — и голы.
К нам в обученье! Мы сочтем,
Научим вас, хлеб-соль почем,
Мы христиане: храмы, школы,
Вся благодать, сам бог у нас!
Глаза нам только сакля колет:
Зачем она стоит у вас,
Не нами данная... и то,
Что солнце светит вам бесплатно,
Не нами сделано... зато
Чурек не кинем вам обратно,
Как псам... И хватит. Мы не турки,
Мы христиане. В Петербурге
Мы малым сыты... А зато,
Когда б вы с нами подружились,
То многому бы научились, —
У нас же и простор на то,
Одна сибирская равнина...
А тюрем сколько! А солдат!
От молдаванина до финна
На всех языках все молчат:
Все благоденствуют! У нас
Святую библию читает
Святой чернец и поучает,
Что царь свиней когда-то пас ¹,
С женой приятеля спознался,
Убил его, а как скончался,
Так в рай попал. Вот как у нас
Пускают в рай! Вы не учены,
Святым крестом не просвещены.
Но мы научим вас!.. Кради,
Рви, забирай —
И прямо в рай,
Да и родню всю приводи!
Чего мы только не умеем:
Считаем звезды, гречку сеем,

---

¹ Согласно библейской легенде, царь Давид в молодости был свинопасом; став царем, он отнял жену у своего военачальника Урия и послал его на смерть.

Браним французов. Продаем
Или за карточным столом
Проигрываем крепостных —
Людей крещеных... но простых.
Мы не плантаторы! Не станем
Мы краденое покупать,
Мы поступаем по закону!

По апостольским заветам
Любите вы брата,
Суесловы, лицемеры,
Господом прокляты!
Возлюбили вы не душу —
Шкуре братней рады.
И дерете по закону:
Дочке — на наряды,
На житье — сынкам побочным,
Жене — на браслетки,
А себе на что — не знают
Ни жена, ни детки.

За кого же был ты распят,
Сын единый божий,
В искупленье нам? За слово
Истины!.. Иль, может,
Чтоб глумленье не кончалось?
Так оно и случилось!
Часовни, храмы да иконы,
И жар свечей, и мирры¹ дым,
И перед образом твоим
Неутомимые поклоны —
За кражу, за войну, за кровь
Ту братскую, что льют ручьями, —
Вот он, даренный палачами,
С пожара краденый покров!..

Просветились! И решаем
Свет открыть и этим
Показать им солнце правды —
Сим незрячим детям!

---

¹ Мирра — душистая смола.

Всё покажем! Только дайтесь
В руки нам, и тут же —
Как прочнее строить тюрьмы,
Плеть нагайки ту же,
Кандалы ковать, носить их
В сибирскую стужу, —
Всё поймете, лишь отдайте
Родимые взгорья.
Остальное мы забрали —
И поле и море!

И тебя загнали, друг и брат единый,
Яков мой хороший! Не за Украину —
За ее тирана довелось пролить
Столько честной крови! Довелось испытать
Из царевой чаши царевой отравы!
Друг мой незабвенный, истинный и
правый!

Ты на Украине душою витай,
Вместе с казаками мчись над берегами,
Старые курганы в степи озирай.
Закрепи слезами дружбу с казаками,
Меня из неволи в степи поджидай.

А покуда — мои думы,
Лютые невзгоды,
Буду сеять я. Пусть крепнут
В споре с непогодой.
Украинский тихий ветер
Принесет с росой
К дорогому другу думы
Братскою слезою.
И когда на них ты взглянешь
И читать их станешь, —
Вновь курганы, степи, горы
И меня помянешь.

*18 ноября 1945 г.
Переяслав*

ХОЛОДНЫЙ ЯР¹

Каждому свои напасти,
Да и мне нет счастья,
Хоть не свои, а пришлые,
Но все же напасти.
К чему, скажем, вспоминать бы,
Что давно минуло,
Будить старое, бывшее!
Ладно, что заснуло...
Взять хоть этот Яр. Ведь ныне
К дикому оврагу
Даже тропки не осталось;
Кажется, и шагу
Там никто вовек не делал,
А вспомнишь — путь старый
Вел от монастыря Мотри²
До страшного Яра...
В Яру этом гайдамаки
Лагерем стояли,
Самопалы заряжали,
Копья заостряли.
Шли туда по всем дорогам,
Будто с креста сняты,
Отец с сыном и брат с братом
Для лихой расплаты,
Чтобы сгинул лях жестокий
От того удара.

Где же ты, ведущий к Яру
Путь широкий, старый?

---

¹ В этом стихотворении Шевченко выступает против реакционных историков, которые в угоду самодержавно-помещичьему строю резко осуждали восстание гайдамаков на Украине, особенно Колюивщину. Шевченко разоблачил этих клеветников, лижущих сапог царя Николая I, и показал восстание гайдамаков под руководством Железняка и Гонты как народное движение против угнетателей — польской шляхты. Холодный Яр — овраг в лесу недалеко от Чигирина, где собирались гайдамаки, готовясь к выступлению против польской шляхты в 1768 году. Шевченко во время путешествия по Украине в 1845 году видел этот овраг, заросший лесом, что явилось поводом для написания стихотворения.

² Монастырь Мотри — Мотронинский монастырь близ Чигирина, служивший местом сбора гайдамацких отрядов.

Сам зарос ты лесом темным
Или засадили
Палачи другие, чтобы
Люди не ходили
За советом, что им делать
С добрыми панами,
Людоедами лихими,
С новыми врагами? ¹
Вам не скрыть пути! Над Яром
Железняк витает
И на Умань ² взор бросает,
Гонту поджидает!
Вы не прячьте, не топчите
Святого закона,
Не зовите преподобным
Николу-Нерона! ³
Вы святой войны царёвой
Не кичитесь славой —
Ведь вы сами не знаете
Царских дел кровавых,
А кричите, что кладете
И душу и шкуру
За отечество... Ей-богу,
Овечья натура!
Дурень шею подставляет,
Сам за что не зная,
Да еще бесчестит Гонту —
Вот ведь мразь какая!
«Гайдамаки — не воины,
Разбойники, воры,
Пятно в нашей истории!» ⁴

---

¹ Во второй половине 40-х годов XIX столетия усилилось движение крепостных крестьян против помещиков, которых Шевченко называет «новыми врагами». Поэт предсказывает, что придет час расплаты с помещиками.

² Умань — город на правобережной Украине. Во время гайдамацкого восстания — Колинвщины — Гонта захватил Умань и держал ее три недели.

³ Шевченко неоднократно в своих стихотворениях называет царя Николая I именем жестокого римского императора Нерона.

⁴ Реакционный историк Скальковский выпустил в 1845 году книгу, направленную против гайдамацкого движения. Давая отпор Скальковскому, Шевченко приводит его подлинные слова о гайдамаках.

Врете, людоморы!
За святую правду-волю
Разбойник не встанет,
Не раскуёт народ темный,
Что вами обманут
И закован; не зарежет
Предателя-сына;
Не отдаст живое сердце
За мать-Украину!
Нет! Вы сами разбойники,
Хищные вороны!
По какому правдивому,
Святому закону
И народом замученным
И землей, всем данной,
Торгуете? Берегитесь:
Грянет долгожданный
Грозный суд!.. Детей дурачьте,
Темный люд убогий,
Самим себе, чужим лгите,
Но не лгите богу!
Знайте: в светлый день над вами
Разразится кара,
Запылает снова пламя
Холодного Яра!

17 декабря 1845 г.

Вьюница

МАЛЕНЬКОЙ МАРЬЯНЕ

Расти, расти, моя пташка,
Мой мак нераскрытый!
Расцветай, цвети, покуда
Сердце не разбито,
Пока люди не добрались
До тихой долины, —
Доберутся — насмеются,
Иссушат да кинут.
И ни годы молодые,
Что красой повиты,
Ни карие твои очи,

Что слезой омыты,
Ни девичье твое сердце
Кротостью глубокой
Не разжалобят, не тронут
Несытого ока!
Люди сыщут и погубят
И тебя, родная,
Кинут в омут... и погибнешь,
Бога проклиная.
Не цветы ж, цветок мой вешний,
Вешний, нераскрытый!
Увядай скорей, покуда
Сердце не разбито.

20 декабря 1845 г.

Вьюница

*
**

Проходят дни, проходят ночи,
Проходит лето; шелестит
Лист пожелтевший; гаснут очи,
Заснули думы, сердце спит.
И все заснуло... И не знаю,
Живу ли я, иль доживаю,
Или по свету так влачусь, —
Ведь уж не плачу, не смеюсь...

Доля, где ты? Доля, где ты?
По тебе тоскую!
Если доброй жалко, боже, —
Дай хоть злую, злую!
Но не дай спать ходячему —
Спать, не просыпаться
И гнилою колодою
По свету валяться.
Дай мне жить, дай жить всем сердцем,
Чтоб людей любило.
А не дашь... так — злости, чтобы
Мир испепелила!
Страшно быть в оковах, страшно
Умирать в неволе,
Но страшней, куда страшнее

Спать на вольной воле —
Умереть и не оставить
Ни следа на свете,
Чтобы люди — жил ли, не жил —
Не смогли ответить!..
Доля, где ты? Доля, где ты?
По тебе тоскую!
Если доброй жалко, боже, —
Дай хоть злую, злую!

21 декабря 1845 г.

Вьюница

ТРИ ГОДА¹

И день — идет и не идет,
А года стрелою
Пролетают, забирают
Доброе с собою,
Добрые уносят думы,
Сердце разбивают
О холодный, острый камень,
Аминь распевают,
Аминь всему веселому
Отныне до века,
И бросают на распутье
Слепого калеку.
Незаметные три года
Даром пролетели,
Но немало мне худого
Причинить успели.
Бедное опустошили
Сердце молодое,
Погасили все доброе,
Разожгли все злое.
Лютым холодом, морозом
Ту думу сковало,

---

¹ Это стихотворение должно было служить предисловием к рукописному сборнику стихотворений, относящихся к 1843—1845 годам. Тяжелое настроение поэта вызвано впечатлениями от поездки по Украине. Впоследствии, на допросе в III Отделении, Шевченко говорил, что он на Украине «увидел нищету и ужасное угнетение крестьян помещиками, посессорами и экономами-шляхтичами».

Что в московскую дорогу
Катрю¹ провожала,
Что молилась с казаками
В турецкой неволе
И звезду мою, Оксану²,
Счастливую долю,
Горючими умывала...
Пока не подкрались
Злые годы да все это
Сразу не украли.
Горько, тяжело утратить
Родителей милых,
Жаль супругу молодую
Опускать в могилу,
Тяжело растить, лелеять,
Братья мои, братья,
Малых деток неумытых
В нетопленной хате!
Горе им... Но как же горько
Глупому такому,
Что женой обзаведется,
А она другому
За три гроша продается,
Да еще смеется!
Вот где горе! Вот где сердце
Тотчас разорвется!
Вот такое злое лихо
И со мною было.
Сердце людям доверяло
И людей любило,
И они его встречали,
Хвалили, ласкали.
А года тихонько крались,
Слезы осушали,
Слезы искреннего сердца.
И прозрели очи
У меня тогда... Как глянул —
Молвить нету мочи! —
Вкруг меня не люди — змеи,

---

¹ Катря — героиня поэмы Шевченко «Катерина».

² Оксана — Оксана Коваленко, которой поэт посвятил свою «Марьяну-черницу».

Только змеи злые...
И высохли мои слезы,
Слезы молодые.
И теперь я свое сердце
Ядом злым врачую,
Не пою теперь, не плачу,
А совой кричу я.
Так-то, люди. Поступайте,
Как вы там хотите:
То ли громко осуждайте,
То ль тайно хвалите
Мои думы, будь как будет!
Не вернутся снова
Мои годы молодые,
Веселое слово
Не вернется... И я сердцем
К вам не возвращуся.
И не знаю, где я буду
И где я приткнуся,
Кто поговорит со мною,
Кого успокою,
Перед кем родные думы,
Не боясь, открою...
Думы мои! Годы мои,
Три тяжелых года!
Кто ж детей моих пригреет —
Злых и невеселых?
Не ищите, где погреться,
Спите дома, дети...
Я ж собрался встретить новый,
Год четвертый встретить.
Здравствуй, в свитке прошлогодней
Новый год! Четвертый!
Что несешь ты Украине
В котомке потертой?
«Благоденствие, что бедным
С манифестом снится»¹.
Ну что ж, иди, да не забудь
Нужде поклониться.

22 декабря 1845 г.

Вьюница

---

¹ Речь идет о царском манифесте об «освобождении» крестьян, который был объявлен Александром II только в 1861 году, уже после смерти Шевченко.

ЗАВЕЩАНИЕ¹

Как умру, похороните
На Украине милой,
Посреди широкой степи
Вырыйте могилу,
Чтоб лежать мне на кургане,
Над рекой могучей,
Чтобы слышать, как бушует
Старый Днепр под кручей.

И когда с полей Украины
Кровь врагов постылых
Понесет он... вот тогда я
Встану из могилы —
Подымусь я и достигну
Божьего порога,
Помолюся... А покуда
Я не знаю бога.

Схороните и вставайте,
Цепи разорвите,
Злою вражескою кровью
Волю окропите.
И меня в семье великой,
В семье вольной, новой,
Не забудьте — помяните
Добрым, тихим словом.

25 декабря 1845 г.

Переяслав

*
**

Припомним, братья моя...² —
Чтоб той беде не возвратиться! —
Как потихоньку вы и я
Глядели из окна темницы

---

¹ Это знаменитое стихотворение Шевченко с призывом к народному восстанию обычно называют «Завещанием» (в автографе оно без заглавия).

² Стихотворение посвящено членам Кирилло-Мефодиевского братства, по делу которого Шевченко был арестован.

И, верно, думали: «Когда
Сойдемся для беседы снова,
В какие на земле суровой
Мы снова встретимся года?...»
Нет, братья, ни в какие годы
Не встанем вместе над Днестром!
А разойдемся, разнесем
Степям, лесам свои невзгоды,
Еще недолгий срок в свободу
Поверуем — и жить начнем
Среди людей, как люди...
А пока что будет,
Любите же, друзья мои,
Украину любите,
За нее, мою родную,
Господа молитесь!
А его¹ забудьте, други,
И не проклиняйте;
И меня в неволе лютой
Порой вспоминайте.

1847

Орская крепость

I²

Ой, одна я, одна,
Как былиночка в поле!
Не послал мне господь
Ни счастья, ни доли.
Одарил он меня
Карими очами,
Потускнели и те
В девичьей печали.
Ой, ни братика я,
Ни сестрички не знала,
Меж чужими росла,
Выросла — завяла.

---

¹ Речь идет о провокаторе, киевском студенте Петрове, который сделал донос на членов Кирилло-Мефодиевского братства. Шевченко говорит, что этот подлый доносчик недостойн даже проклятия.

² Этим произведением открывается цикл лирических стихотворений, написанных Шевченко в каземате после ареста 5 апреля 1847 года. В цикл входят такие шедевры, как «Три широкие дороги...» и «Вишневый садик возле хаты...»

Где ж ты, милый мой друг,
Где добрые люди?
Нету их... Я одна!..
А друга и не будет.

1847

В каземате

II

Лес, овраг, буерак,
А там степь да могила.
И выходит казак
Из могилы унылый.
Он выходит в ночи,
В степь идет, идучи
Песню грустную тянет:
«Наносили земли
Да по хатам пошли, —
Нас никто не вспомянет.
Нас тут триста пришло,
В поле чистом легло!
Ни один и не встанет...
Гетман, славный наш пан,
В рабство сдал христиан¹.
Мы их гнали, как стадо.
Кровь в родимом краю
Мы разлили свою
И зарезали брата.
Пили кровь твою, брат,
И легли все подряд
Здесь в могиле проклятой».
Замолчал, унялся,
На копье оперся,
На кургане-могиле
Стал и Днепр озирает,
Тяжко плакал, рыдал,
Волны выли, голосили.
Через Днепр из села

---

¹ Гетман... в рабство сдал христиан. — Шевченко говорит о гетмане Петре Дорошенко (1665—1676), заключившем союз с татарами, которые с его молчаливого согласия уводили в плен много украинцев.

Эхо ночь донесла,
Петухи закричали.
Провалился казак,
Задрожал буерак,
А могила застонала.

1847

В каземате

III

Мне, право, все равно, я буду
На Украине жить иль нет.
Меня вспомнят иль забудут
В снегах, в далекой стороне —
До этого нет дела мне.
В неволе вырос меж чужими,
И, не оплаканный своими,
В неволе, плача, я умру
И все в могилу заберу.
Не вспомнят обо мне в кручине
На нашей славной Украине,
На нашей — не своей земле.
Отец родной не скажет сыну
О том, как я в неволе жил:
«Молись, мой сын: за Украину
Когда-то он замучен был».
Мне все равно, молиться будет
Тот сын иль нет... и лишь одно,
Одно лишь мне не все равно:
Что Украину злые люди,
Лукавым убаюкав сном,
Ограбят и в огне разбудят.
Ох, это мне не все равно!

1847

В каземате

IV

«Мать не бросай!» тебе сказали —
Ты бросила ее, ушла;
А мать искала — не нашла,
Искать с годами перестала
И плача умерла. Давно

Все стихло там, где ты играла;
Собака со двора пропала,
И в хате выбито окно;
В заросшем садике ягнята
Весь день пасутся, а в ночи
Колдуют совы и сычи,
Соседские тревожа хаты.
И твой барвиночек крещатый¹
Зарос крапивою, в тиши
Тебя напрасно поджидает,
И пруд прозрачный высыхает,
Где маленькой купалась ты;
А рощи грустные пусты,
И пташка там не распевает —
Ее с собой ты унесла.
В яру криница завалилась,
Засохла верба, наклонилась,
Тропа, которой ты ходила,
Колючим терном поросла.
Куда направилась, где скрылась?
На что ты дом родной сменила?
В чужой семье, в чужом краю
Кого ты радуешь? Кому же,
Кому вручила жизнь свою?
И чует сердце, что в палатах
Роскошествуешь, и не жаль
Тебе твоей родимой хаты...
Молю я бога, чтоб печаль
Тебя вовек не разбудила,
Чтобы в палатах не нашла,
Чтоб бога ты не осудила
И матери не прокляла.

1847

В каземате

V

— Зачем ты ходишь на могилу? —
Ей мать с тоскою говорила. —
Довольно слезы проливать!
Не спится почему опять

---

¹ Крещатый (крестообразный) — постоянный эпитет цветка барвинка, имеющего четыре лепестка наподобие крестика.

Моей голубке сизокрылой?
— Так, мама, так. — И уходила,
А мать не уставала ждать.

Не сон-трава на могиле
В ночи расцветает —
То калину на могиле
Невеста сажает,
И слезами поливает,
И господу просит,
Чтоб послал дожди ночные,
Обильные росы,
Чтоб калина принялася,
Цвела пышным цветом.
— Может, прилетит, как пташка,
Милый с того света!
Совью гнездо я милому
Над самой могилой.
Прилечу, и защечечем
На калине с милым.
Защечечем да поплачем
Тихими слезами.
На тот свет летать мы станем
Ранними утрами. —
И калина принялася,
Ветви распустила.
И три года на могилу
Невеста ходила.
На четвертый... не сон-трава
В ночи расцветает,
То с калиною невеста
Говорит, рыдает:
— Широкая, высокая
Калина моя,
Не водою ключевою
Ты политая!
Широкие реки — слезы
Тебя полили!
Люди славою лукавой
Меня доняли.
Обижают подруженьки
Подругу свою,

Обижают румяную
Калину мою.
Надо мною встань и свежей
Росою умой
И ветвями широкими
От солнца закрой.
Поутру меня увидят —
Меня засмеют,
Широкие твои ветки
Дети оборвут. —
Утром рано на калине
Пташка щебетала.
Под калиною невеста
Спала — не вставала:
Утомилась молодая,
Навек опочила.

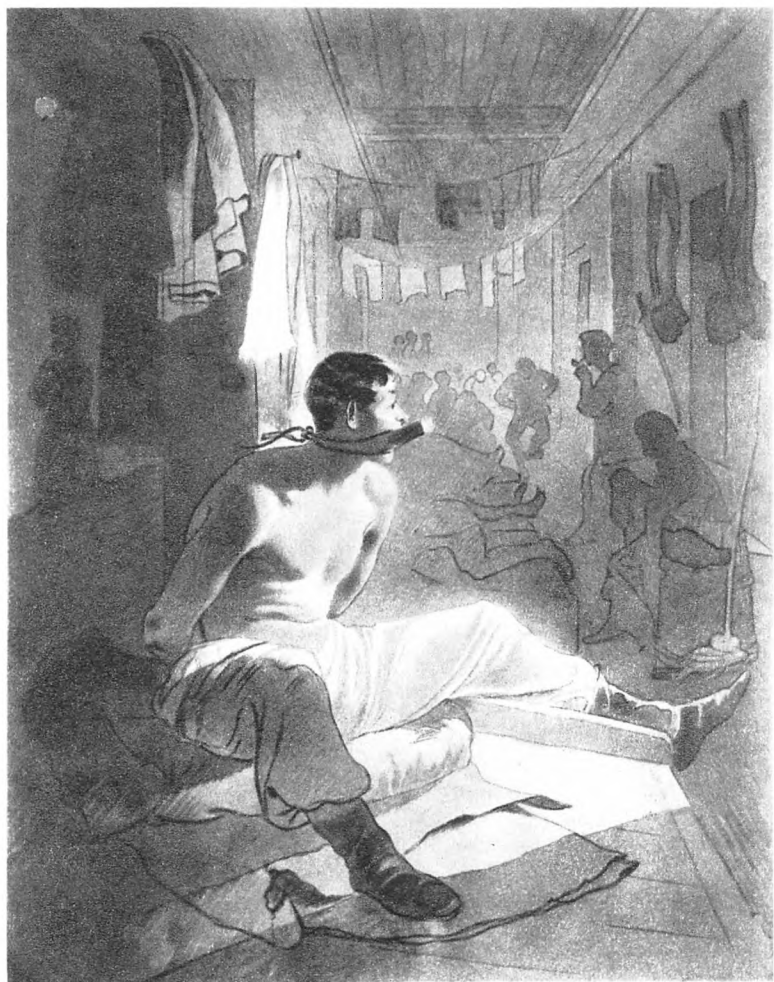
Рассвет вставал из-за могилы.
Все поднялись. Одна лишь мать
Еще и спать не собиралась,
Она слезами обливалась
И дочь не уставала ждать.

1847

В кассете

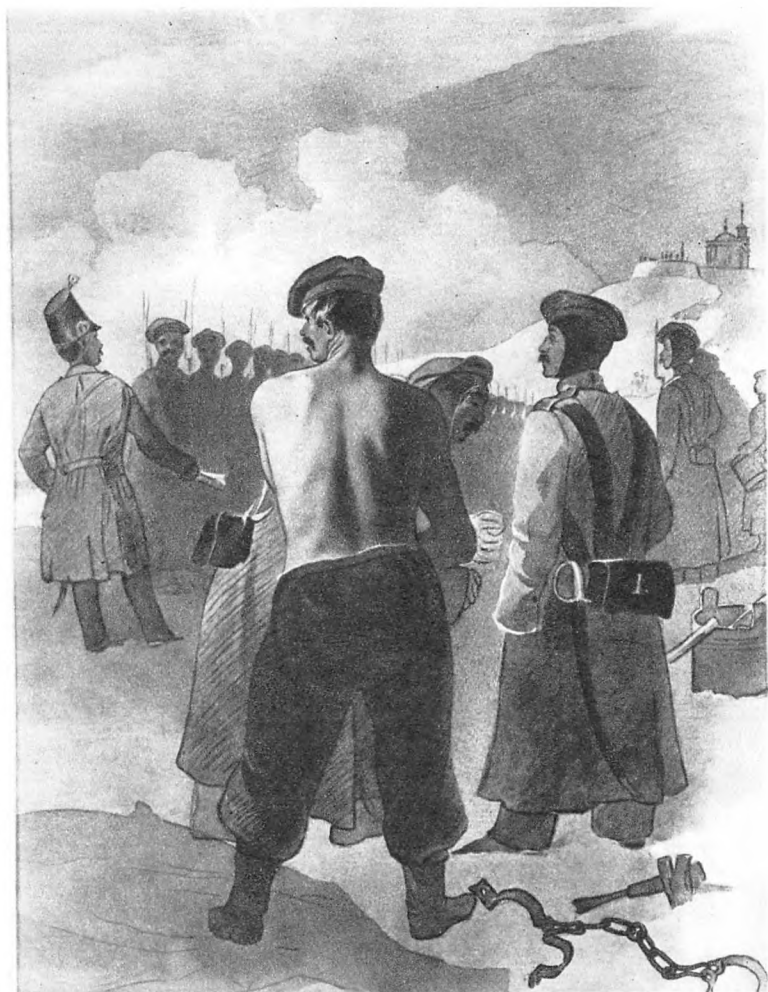
VI

Три широкие дороги
Пролегли куда-то...
С Украины на чужбину
Шли-ушли три брата.
Мать покинули родную;
Тот жену покинул,
Тот — сестру, а самый младший —
Милую дивчину.
Посадила мать-старуха
Три ясеня в поле,
А невестка — стройный тополь
На степном раздолье.
Три явора посадила
Сестра при долине...
А дивчина молодая —

Наказание колодкой (из серии «Притча о блудном сыне»)

Септя, 1856—1857 гг.

Наказание шпицрутенами (из серии «Притча о блудном сыне»)

Сепия, 1856—1857 гг.

Красную калину.
Ой, засохла та калина,
Яворы пропали,
Не поднялся стройный тополь,
Ясени завяли...
Не идут назад три брата, —
Плачет мать родная,
Жена плачет, плачут дети,
Долю проклиная.
А сестра искать уходит
Братьев на чужбину...
А дивчину молодую
Кладут в домовину¹.
Не идут назад три брата,
По свету блуждают.
Три широкие дороги
Терном зарастают.

1847

В каземате

VII

Н. Костомарову²

Играя, солнышко скрывалось
В весенних тучах золотых.
Гостей закованных своих
Тюремным чаем угощали
Да часовых в тюрьме сменяли,
Синемундирных часовых³.
И с дверью, накрепко закрытой,
С решеткой на моем окне
Немного свыкся я... И мне
Не жалко было пережитых,
Давно схороненных, забытых,
Моих кровавых, тяжких слез,

---

¹ Домовина (укр.) — гроб.

² Костомаров Николай Иванович (1817—1885) — украинский писатель, историк буржуазно-либерального направления, профессор Киевского, а позднее Петербургского университета. Был привлечен к суду как один из организаторов Кирилло-Мефодиевского братства и содержался в каземате одновременно с Шевченко.

³ Синемундирные часовые. — Жандармы николаевского времени носили синие мундиры.

А их немало пролилось
На поле сирое. Ни жита,
Ни чахлой травки не взошло.
И вспомнил я свое село...

Кого со мною разлучили?
Отец и мать мои в могиле...
И грустью сердце запеклось:
Никто меня не вспоминает.
Вдруг вижу, брат: твоя родная
Старуха-мать¹, черней земли,
Идет, едва-едва шагает...
И стал я господу хвалить.
Хвалить его я буду снова
За то, что не с кем мне делить
Мою тюрьму, мои оковы!..

1847

В каземате

VIII

Вишневый садик возле хаты,
Хрущи над вишнями снуют,
С плугами пахари идут,
Идут домой, поют дивчата,
А матери их дома ждут.

Все ужинают возле хаты,
Звезда вечерняя встает,
И дочка ужин подает.
Ворчала б мать, да вот беда-то —
Ей соловейко не дает.

Мать уложила возле хаты
Ребятку маленьких своих,
Сама заснула возле них.
Затихло все... Одни дивчата
Да соловейко не затих.

1847

В каземате

---

¹ Шевченко относился с большим уважением к матери Костома-рова, Татьяне Петровне, бывшей крепостной. Поэт подружился с ней еще в Киеве, а возвращаясь из ссылки в 1857 году, посетил ее в Саратове, где она жила в то время.

IX

Рано встали, выступали
Новобранцы из села,
Вместе с ними — молодыми —
Девушка одна ушла.
Измаялась мать седая,
Дочку в поле догоняя...
Догнала и привела,
Упрекала, говорила
И свела ее в могилу,
А сама с сумой пошла.

И годы протекли, село
Не переменялось.
Только крайняя, пустая
Хата покосилась.
Лишь солдат на деревяшке
Одинок бродит;
Он на край села приходит,
С хаты глаз не сводит...
Брат, напрасно! Не выглянет
Дочка молодая,
Не покличет мать седая,
Ужин собирая!
А уже для них в деревне
Полотенца ткались
И узорами, шелками
Платки вышивались.
Думал — будут жить в согласье
Да господа славить,
А пришлось ему навеки
Надежды оставить...
И сидит он возле хаты,
Пусто в хате, глухо.
Сумерки. Глядит в окошко
Сова, как старуха.

1847

В каземате

Х

В неволе тяжко — хоть и с волей
Спознаться мне и не пришлось.
Да все же кое-как жилось —
Хоть на чужом, а все ж на поле...
Теперь — и той злосчастной доли,
Как бога, ждать вот довелось.
Все жду ее, все поджидаю,
Свой глупый разум проклиная,
Что дал себя он задурить —
Свободу в луже утопить.
Лишь только вспомню — сердце стонет,
Что не в родной земле схоронят,
Что не в Украине буду жить,
Людей и господ любить.

1947

В каземате

XI

Косарь

По-над полем идет,
Не покосы кладет,
Не покосы кладет — горы.
Стонет суша, стонет море,
Стонет и ревет!

Над покосом в ночи
Пролетают сычи;
А косарь не отдыхает,
Никого не замечает —
Хоть и не проси.

Не моли, не проси,
Не наточит косы;
Город, пригород ли малый —
Словно бритвой бреет шалый,
Коси да коси:

Мужика, шинкаря,
Сироту-кобзаря;
Припеваает старый, косит,
Мечет горами покосы,
Не минет царя.

И меня не минет:
На чужбине смахнет,
За решеткою задавит,
Креста никто не поставит
И не вспомянет.

1947

В каземате

*
**

Не спится мне, а ночь — как море...
Душа и ум угнетены
Неволей. Для глухой стены
Рассказа не начнешь про горе
И про младенческие сны!
Ворочаюсь и жду рассвета,
А часовые у дверей
Толкуют о судьбе своей,
Припоминая то да это.

Первый

Такая баба — ой-ой-ой!
И меньше белой¹ не дарила.
А барин бедненький такой!
Меня-то, слышь ты, и накрыли,
Свезли в Калугу и забрали.
Так вот те случай-то какой!

Второй

А я... со страхом вспоминаю!
Ведь я в солдаты сам пошел.
Я девушку в селе нашел.
К ней зачастил. Соединяет
Нас мать-вдова, благословляет,
Но пан проклятый не дает:
Твердит — мала, пускай дождусь я.
Я ж знай хожу к своей Ганнусе.
Год кончился — я за свое:

---

¹ Белая — ассигнация от 25 рублей и выше (после выпуска новых бумажных денег в 1818 году).

Мы с матерью пошли с поклоном,
А он — все просьбы ни к чему,
Пятьсот рублей давай ему...
Не верит ни слезам, ни стонам.
Где ж взять-то столько! Занимать?
Никто не даст, хотя б и были...
Трудом пошел их добывать.
Где только ноги не носили!..
Пока я деньги раздобыл,
Пожалуй, года два ходил
По Черноморью и по Дону...
Подарков разных накупил
Своей Ганнусе... Возвращаюсь
В деревню к девушке в ночи, —
Но лишь старуха на печи,
И та, бедняга, умирает.
Хатенка жалкая гниет.
Я к матери бегу со страхом...
А от нее уж веет прахом,
Она меня не узнает!
Я — за попом, бужу соседа...
Привел попа, да опоздал —
Мертва старуха. Нет и следа
Моей невесты. Но узнал
Я у соседа про Ганнусю:
— Ты разве до сих пор не слышал?
В Сибирь несчастная ушла.
Она ведь к панычу ходила,
Потом ребенка родила.
И здесь в колодце утопила! —
Меня — как жажда обожгла...
Шатаясь, вышел я из хаты...
С ножом в господские палаты
Я шел, не чувствуя земли...
Но паныча уж отвезли
Учиться в Киев... Вот как, друже!
Отец и мать мои всё тужат,
А я сюда пошел служить,
Хотел, со страхом вспоминаю,
Я дом господский подпалить
Иль самого себя убить,
Но бог помиловал... А знаешь,

К нам паныча перевели
Из армии, видать.

Первый

Так что же?
Ну вот, теперь и приколи!

Второй

Зачем? Господь забыть поможет:
Те дни давно уже прошли.

Солдаты долго говорили.
Я на рассвете стал дремать;
И тут мне панычи приснились
И не дали, злодеи, спать.

1847

В каземате

*
**

Думы мои, думы мои¹,
Самые родные!
Вы меня хоть не покиньте
В эти годы злые.
Прилетайте сизокрылой
Стаей голубиной
С приднепровского простора
В этот край пустынный
Погулять среди киргизов,
Хоть они убоги,
Хоть и голы... Да на воле
Еще молят бога.
Прилетайте ж, мои думы!
Тихими речами
Приголублю вас, как деток,
И заплачу с вами.

1847

Орская крепость

---

¹ Этим открывается большой цикл стихотворений Шевченко, написанных в ссылке. Интересно отметить, что стихотворение перекликается с другим, ранним, тоже начинающимся словами «Думы мои, думы мои...», которое открывало «Кобзарь» 1840 года.

N. N.¹

Солнце заходит, горы чернеют,
Пташечка молкнет, поле немеет,
Отдых находят люди под кровом.
Я ж... улетаю думами снова
На Украину в садик вишневый;
Мчусь к ней мечтами, в мечтах витаю,
И словно сердцем я отдыхаю.
Чернеет поле, и лес, и горы,
Звезда блеснула в синем просторе.
Звездочка! свет мой! — и слезы хлынут.
Взошла ль уже ты на Украине?
Карие очи ищут, нашли ли
Звездочку в небе? Или забыли?
Если забыли, дай бог чтоб спали,
Про мою долю и не слыхали.

1847
Орская крепость

N. N.

Тогда мне лет тринадцать было,
За выгоном я пас ягнят.
И то ли солнце так светило,
А может, просто был я рад
Чему-то. Все мне походило
На рай небесный...
Уже давно на полдни звали,
А я в бурьяне, в тишине,
Молился богу, и едва ли
Хоть раз еще на свете мне
Так сладко, радостно молилось,
Так душу чистую влекло;
Казалось, стадо и село
И даже небо веселилось,
И солнце грело — не пекло.

Да недолго солнце в небе
Ласковое было:

---

¹ Предполагают, что это стихотворение и следующее — «Тогда мне лет тринадцать было...» — посвящены подруге детства поэта Оксане Коваленко.

Поднялось, побагровело,
Зноем опалило.
Осмотрелся, как спросонок:
Земля постарела.
Даже небо голубое
И то потемнело.
На ягнят я оглянулся —
Чужие ягнята.
Оглянулся я на хату —
Нет у меня хаты.
Ничего господь мне не дал!..
Горький и убогий,
Я заплакал... А дивчина
У самой дороги,
От меня неподалеку,
Посконю¹ тягала;
Услыхала, что я плачу,
Пришла, приласкала,
Слезы вытерла мальчонке
И поцеловала...
Лучи другие засияли,
И снова небо, степь и дали
Моими стали. Мир был мой,
И мы, шутя, смеясь, погнали
Чужих ягнят на водопой.

Чудно! А вспомню — и сегодня
Тоска наполнит грудь мою,
Что не пришлось в таком раю
Жить век по милости господней.
Пахал бы я родные нивы,
Ни дум, ни мук бы я не знал —
Не слыл бы в мире юродивым,
Людей и бога б не проклял.

1847

Орская крепость

*
**

Не греет солнце на чужбине,
А дома слишком уж пекло.

---

¹ Посконь — конопля.

Мне было очень тяжело
И там, на славной Украине:
Любви и ласки я не знал,
Я сам от многих отдалился,
Блуждал тихонечко, молился,
Панов-злодеев проклинал.
Передо мною проходили
Глухие давние лета:
Тогда повесили Христа,
Его бы и теперь казнили!
Теперь мне счастья нет нигде.
А может, счастья и не будет
И на Украине нашей, люди,
Как на чужбине! Как везде!
Но мне хотелось бы другого —
Чтоб люди сделать не могли
Мне гроб из дерева чужого,
Чтобы хоть горсточку земли
Ко мне из-за Днепра святого
Святые ветры принесли.
И это все. Вот так-то, люди,
Хотелось бы... Да что гадать...
Зачем и бога утруждать,
Когда по-нашему не будет!

1847

Орская крепость

С О Н ¹

Горы мои высокие!
Вы не так высоки,
Как прекрасны, голубые
В дымке, издалека —
С переяславских просторов,
С Выблого кургана ²,
Вы виднеетесь как тучи
За Днепром туманным.

---

¹ Стихотворение навеяно воспоминаниями поэта о поездке по Украине.

² Выблый курган — высокий курган близ города Переяслава.

Иду я тихо над рекою,
Любуюсь: вот передо мною,
Как будто призраки всплывают,
Из тучи тихо выступают
Обрыв высокий, лес, овраг;
И хатки белые мелькают,
Как дети в жмурки на лугах
В рубашках беленьких играют;
А понизу седой казак —
Наш Днепр среди полей сверкает.
А дальше, дальше за Днпром,
Часовней маленькой маяча,
На горке церковка казачья
Стоит с покривленным крестом.

Все стоит и ожидает
Запорожца с Луга...
Днепр широкий окликает,
Жалуется другу,
И тускнеют окна храма —
Так мертвец упрямо
Даль степную озирает
Из могильной ямы.
Обновленья ждешь в печали?
Не дождешься славы!
Край твой бедный обокоали,
А панам лукавым
Нету дела до великой
До казацкой славы...

И Трахтемиров¹ под горою
Свои хатенки вдоль реки
Раскинул горестной рукою,
Как нищий пьяненький куски.
Монастырище² — вон, когда-то
Казачье, старое село.
А так ли было, так ли шло?..
Все отдано царям проклятым:
И Запорожье, и село,
И монастырь, и все богатства...

---

¹ Трахтемиров — селение на правом, гористом берегу Днепра, против Переяслава.

² Монастырище — село близ Трахтемирова, на том месте, где когда-то был казачий монастырь.

Всё осквернили, разнесли!
И даже гор не сберегли!
Дай бог вовек не любоваться
На вас, проклятые!.. Нет, нет...
Не вам проклятье!.. Окаянным
Магнатам, гетманам поганым!..
Простите же, простите мне,
Высокие и голубые,
На свете самые святые!
Простите! Богу помолюсь...
Я так, я так ее люблю,
Украину, мой край убогий,
Что прокляну святого бога
И душу за нее сгублю!
Над Трахтемировом, высоко,
На круче, будто сирота,
Что ищет гибели в глубоком
Днепровском омуте, вот так
Белеет хата из-за тына.
Видна из хаты Украина
И гетманщина вся кругом.
Старик столетний возле хаты
Сидит, а солнышко к закату
Уже склонилось над Днепром.
Сидит старик, и зреют думы,
И слезы капаят. — Ай, ай! —
Промолвил старый. — Недоумы!
Испакостили божий рай!..

Гетманщина!.. — И старое
Сердце загрустило...
Может, чем-то тяжким-тяжким
Вылиться просилось?
И не вылилось...

— Блуждал я по свету немало,
Носил и свитку и жупан.
На что уж худо за Уралом
Киргизам бедным, но и там,
Ей-же-богу, жить привольней,
Чем нам на Украине.
Может, потому — киргизы
Всё не христиане?..

Зла принес Христос немало,
А переиначил
Людей божьих? Ведь катились
Глупые казацьи
Наши головы за правду,
За веру Христову,
Упивались и своею
И чужою кровью!..
Стали лучше разве? Где там!
Куда хуже стали.
Без ножа и аутодафе
Людей заковали
И терзают... Ой, ой, паны,
Паны-христиане!.. —

Затих мой старый, убит тоскою,
Поник седою буй-головою.
Под вечер солнце лес золотило,
И Днепр и степи золотом крыло;
Собор Мазепы¹ в лучах сияет,
Курган Богданов², грустя, мечтает;
Где путь на Киев, там сиротливо
К холмам Трех Братьев³ склонились ивы.
Трубайло с Альтой⁴ между речною
Слились осокой, как брат с сестрою...
И все-то, все-то радует очи,
А сердце плачет, взглянуть не хочет!

Солнце светлое простилось
С черною землею;
Выступает ясный месяц
С сестрою-звездюю;
Веселея и яснея,
Тучи расступились.
А старик на небо глянул,
Слезы покатались...

---

¹ Собор Мазепы — собор, построенный гетманом Мазепою в Переяславе.

² Курган Богданов — курган близ Переяслава. Исторически с Богданом Хмельницким не связан.

³ Три кургана близ Переяслава, по дороге на Киев.

⁴ Трубайло — народное название реки Трубеж, левого притока Днепра; Переяслав стоит на Трубеже. Альта — речка, впадающая в Трубеж близ Переяслава.

— Я хвалю тебя, мой боже,
Господи великий!
Что не дал ты мне погибнуть,
Небесный владыко,
Что вложил ты в сердце силу
Пересилить горе
И привел меня, седого,
На святые горы —
Одинокó поселиться
И тебе молиться,
И твоей красой на воле
Сердцу веселиться,
И прибитое грехами
Тяжкими, людскими,
Схоронить на кручах сердце
И витать над ними... —
Вытер слезы огневые,
Хоть не молодые,
И припомнил, старый, годы
Давние, благие...

Где, как, зачем и что творилось?
Что было въявь, а что приснилось?
Моря какие повидал?
Он вспомнил темную дуброву
И очи юной, чернобровой,
И месяц между звезд сиял,
И соловейко на калине
То затихал, то распевал,
Святого бога восхвалял;
И это все на Украине!..
И усмехнулся старый дед...
Знать, некуда ту правду деть,
Что справить свадьбу собирались,
Да разошлись, не повенчались...
Ушла, и он на склоне лет
Один — и помнит все утраты.
Старик мой снова загрустил;
Ходил в раздумье до заката,
Потом молитву сотворил
И тихо спать поплелся в хату,
А полог туч луну прикрыл.

Вот такой мне на чужбине
Нынче сон приснился.
Будто снова я на волю,
На свет народился.
Дай мне боже приютиться
В старости глубокой
На тех кручах оскверненных,
В хате одинокой,
Чтоб замученное сердце,
Выжженное горем,
Принести перед кончиной
На Днепровы горы.

1847

Орская крепость

! *
* *

Когда мы были казаками ¹,
Еще до унии ², тогда
Как весело текли года!
Поляков звали мы друзьями,
Гордились вольными степями,
В садах, как лилии, цвели
Дивчата, пели и любились...
Сынами матери гордились,
Сынами вольными... Росли,
Росли сыны и веселили

---

¹ Это стихотворение иногда печатается под заголовком «Полякам». Оно обращено к другу поэта, польскому революционеру Брониславу Залескому, с которым Шевченко встретился в ссылке. Поэт не раз выступал с гневными словами против польской шляхты, которая при помощи католического духовенства — ксендзов — угнетала украинский народ. Но Шевченко относился с уважением и любовью к братскому польскому народу. Он высоко ценил стихи великого польского поэта Мицкевича, живо интересовался историей и культурой Польши. В ссылке он близко сошелся с польскими революционерами Залесским, Сераковским и другими. В этом стихотворении Шевченко разоблачает пагубную для братства украинского и польского народов роль католического духовенства.

² Уни я. — Имеется в виду Брестская уния (1596), по которой православная церковь Украины и Белоруссии была подчинена папе римскому; при помощи религиозного гнета польская шляхта порабощала украинский народ.

Глубокой старости лета...
Покуда с именем Христа
Ксендзы, придя, не подпалили
Наш край, пока не потекли
Моря большие слез и крови...
Сирот же именем Христовым
Страданиям не обрekli.

Поникли головы казачьи,
Как будто смятая трава.
Украина плачет, стонет, плачет!
Летит на землю голова
За головой. Палач лютует,
А ксендз безумным языком
Кричит: «Те deum! Аллилуйя!»
Вот так, поляк, мой друг и брат мой!
Несытые ксендзы, магнаты
Нас разлучили, развели, —
Мы и теперь бы рядом шли.
Дай казаку ты руку снова
И сердце чистое отдай!
И снова именем Христовым
Возобновим наш тихий рай.

1847

Орская крепость

14 марта 1858 г.

Москва

ЧЕРНЕЦ¹

На киевском на Подоле²
Так бывало... и уж боле
Этого не будет. Было,
Было это все, да сплыло,

---

¹ В этой поэме Шевченко называет чернецом (монахом) казацкого полковника Семена Палия, который в конце XVII — начале XVIII века ввел казацкие порядки в городе Фастове и Фастовском крае, принадлежавшем формально панской Польше. Палий вел борьбу со шляхтой, стоял за тесный союз с русским народом. По требованию гетмана Мазепы был сослан в Сибирь, откуда возвращен после бегства Мазепы с Украины. На самом деле Палий перед смертью в монахи не постригался.

² Подол — часть Киева, расположенная у Днепра. В XVII и XVIII веках Подол был главной частью Киева.

Позабылось... А я, братцы,
Буду все-таки стараться
С тем, что было, повидаться,
Буду грусти предаваться.

На киевском на Подоле
Казацкая наша воля,
Без холопа и без пана,
Ни пред кем не клонит стана.
Стелет бархатом дороги,
Вытирает шелком ноги,
Сама собой управляет
И пути не уступает.

На киевском на Подоле
Казачки гуляют,
Словно воду, ушатами
Вино разливают.
Погреба с вином, с медами
Откупили всюду
И устроили гулянье
Киевскому люду.
А музыка гремит, стонет,
Мертвых с места гонит.
Из окошек на веселье
Бурса чубы клонит.
Нету голой школе воли,
А то б удружила...
Кого ж это с музыкаю
Толпа окружила?

В штанах атласных яркочерных,
Мотню по пыли волоча,
Идет казак. Как вы ужасны,
Ох, годы! годы! Сгоряча
Старик ударил каблуками,
Да так, что пыль взвилась. **Вот так!**
Еще и подпевал казак:

«По дороге рак, рак,
Пускай будет так, так,
Если б нашим молодежи
Сеять один мак, мак!

Бей землю каблуками,
Дай ходу каблукам,
Достанется и носкам.
Чтоб за теми каблуками
Пыль ходила облаками,
Бей землю каблуками!
Дай ходу каблукам,
Достанется и носкам!»

Так до Межигорского спаса¹
Шел вприсядку сивый,
А за ним казачество
И весь честной Киев.
До ворот дошел танцуя,
Крикнул: — Пугу! Пугу!²
Принимайте, черноризцы,
Товарища с Луга! —
Монастырские ворота
Перед ним открылись,
Потом снова затворились,
Навек затворились.
Кто же этот поседелый
В битвах да в несчастьях?
Семен Палий, казак, вздумал
С волей попрощаться.

Ой, высоко солнце всходит,
Низенько заходит,
В длинной рясе седой чернец
По келии бродит.
Идет-бредет он в Вышгород³
Ближнею дорогой,
Чтобы посмотреть на Киев,
Погрустить немного,
К Звонковой идет кринице⁴,
Чтоб воды напиться,
Жизнь свою он вспоминает
В яру над криницей.

¹ Межигорский спас — мужской монастырь в Межигорье, под Киевом.

² Приветственный клич запорожцев.

³ Вышгород — село между Межигорьем и Киевом.

⁴ Звонковой называется криница недалеко от Межигорского монастыря. (Примеч. автора.)

И опять идет он в келью,
Под немые своды,
Перебирать веселые
Молодые годы.
Священное писание
Громко он читает,
А мыслями чернец седой
Далеко летает.

И тихнут божии слова,
И голос Сечи снова зычен,
Свобода давняя жива;
И старый гетман¹ — как сова,
Таким встает его обличье.
Музыка, танцы и Бердичев...²
Оковы лязгают... Москва...
Леса, снега и Енисей...³
И покатались из очей
На ряску слезы... Бей поклоны!
Плоть стариковскую смирай,
Писанье божие читай
Под монастырские трезвоны,
А сердцу воли не давай.
Оно тебя в Сибирь водило,
Весь век тебя в обман вводило.
Сдави ж его, не вспоминай
Своей Борзны⁴ и Фастовщины.
Все смертны, и твоя кончина
Близка, тебя забудет свет...
И мыслям грустным он в ответ
Заплакал, книгу отодвинул.
Ходил по келии, ходил
И тяжело на скамью склонился:
«Зачем же я на свет родился,

---

¹ Мазепа.

² Бердичев — город на правобережной Украине, в котором Мазепа арестовал Палия.

³ Семен Палий был сослан в Сибирь, на берега Енисея.

⁴ Борзны́ — город на Черниговщине, где родился Палий.

Свою Украину любил?..»
Уж колокол завыл бессонный,
Зоя к заутрене святой.
И встал чернец, слыша звоны,
Надел клобук, взял посох свой ..
И в храм побрел он — бить поклоны,
Молиться за свой край родной.

1847

Орская крепость

1858

Москва

*
**

Сам удивляюсь. Кто ответит:
Что делать мне, с чего начать?
Людей и долю проклинать
Напрасно. Но как жить на свете
В цепях, в далекой стороне?
Вот если перегрызть бы мне
По силам было цепи эти, —
Грыз понемногу б... Так не те,
Не те их кузнецы ковали,
Не так железо закаляли,
Чтоб перегрызть их. Горе нам,
Невольникам и сиротам,
В степи бескрайной за Уралом!

1847

Орская крепость

П Л А Т О К

Или это божья воля?
Иль такая ее доля?
Юность внаймах протомилась,
С сиротою полюбилась.
Он, как тихий голубь, с нею,
С горемычною своею.
От звездочки до звездочки
Сидят себе у вдовушки,
Сидят себе и мечтают,
День пречистой ожидают.

Дождались... С Чигирина
По всей славной Украине
Раздается клич стозвонный,
Чтоб седлали хлопцы коней,
Сабли острые точили,
На гулянку выходили,
На веселое гулянье,
На кровавое свиданье.

В воскресенье да с первой зорькою
Сурмы-трубы заиграли.
В поход, в путь-дорогу кони компанейцев ¹
До рассвета выступали.
Расставалась вдовушка с сыном,
Со своим сыном единым.
Расставалась сестра с своим братом,
А с любимым сиротина
Расставалась, коня напоила
До похода, до восхода,
Славу боевую — саблю золотую
Вынесла к походу.
Шла-проводжала три поля, три мили,
Прощалась при долине,
Подарила шелком вышитый платочек,
Чтоб вспоминал на чужбине.

Ой, платок, ты мой платочек,
Шелковая нитка!
Вот и вся казачья слава —
На седло накидка!

Вернулась печальная,
Глядит в дорогу дальнюю...
Томила, дожидалась
И цветами украшалась,
Выходила утром рано —
Путь высматривать с кургана.

Год прошел, другой проходит,
Вот и третий минет...

---

¹ Компанейцы — казаки регулярного войска гетмана в XVII—XVIII веках.

Возвращаются казаки
В свою Украину.
Вот идет за войском войско,
А за третьим тихо —
Не гляди туда, родная, —
Везут твое лихо:
Гроб везут за третьим войском,
Китайкой¹ покрытый,
А за ним идет начальство,
Идет в черной свите
Сам полковник компанейский,
Характерник² Сечи.
За ним идут есаулы
И плачут идучи.
Несут паны есаулы
Славу боевую:
Панцырь, надвое разбитый,
Саблю золотую,
Три ружья несут казацких
И три самопала...
На оружии казацком
Кровь позасыхала.
Ведут коня вороного,
Разбиты копыта...
А на нем лежит седельце,
Платочком покрыто.

1847

Орская крепость

А. О. КОЗАЧКОВСКОМУ³

В дни детства памятные, в школе
Стащу бывало у дьячка
Пятак, куплю исподтишка
(Ведь я был совершенной голью!)

---

¹ Китайка — ткань красного цвета, которой покрывали гроб умершего казака.

² Характерник (колдун) — так называли пожилых запорожских казаков, уцелевших в боях и поэтому считавшихся колдунами.

³ Козачковский Андрей Осипович — врач в Переяславе, приятель Шевченко. Поэт из ссылки послал ему это автобиографическое стихотворение.

Бумаги, и тетрадь сошью,
И обведу тетрадь свою
Узорами, и в этой раме
Перепишу Сквороду¹,
А то и «Трех царей с дарами»²,
И за деревней, на краю,
Чтоб не увидели, украдкой,
Лежу в траве, лежу с тетрадкой,
Лежу и плачу и пою.

И вот на старости опять
Пришлось в траве мне хорониться,
И петь, и плакать, и страницы
Стихами тайными марать³.

И я не знаю, не за то ли
Меня господь карает так,
Чтоб до седин я пробыл в школе
И умер дураком дурак, —
Что в школе я украл пятак
И провинился поневоле?
Козачковский, сокол ясный,
Голубь мой невинный,
О, как маюсь я, несчастный,
В ссылке на чужбине!
Как от глупого юродства
Дней своих остаток —
От напасти виршеплетства
Береги ребяток.
Если ж свалится на шею
Это наказанье,
Засади писать в чулане
Сына-грамотея,
Чтобы бог не знал про это,

---

¹ Скворода Григорий Саввич (1722—1794) — украинский странствующий философ и поэт, автор басен и изречений, распространенных в народе.

² Слова из рождественской обрядовой песни (колялки). По евангельской легенде, три царя (волхвы) принесли дары новорожденному Иисусу.

³ В ссылке Шевченко тайно писал стихи в маленьких самодельных книжечках, которые прятал за голенище сапога (по-украински — «за халяву»), поэтому и книжечки назывались «захалявными».

Чтоб и ты не видел,
Чтоб сынок твой бела света
Не возненавидел.
Пусть моя вам будет мука
Навсегда наукой.

Как вор какой-то, в тиши воскресной
Я вверх взбираюсь на поляну.
Взберусь — и на простор окрестный
Взгляну и над Уралом¹ стану.

Как играющая рыбка,
Сердце встрепенется,
Озарит лицо улыбкой,
Тихо усмехнется
И, голубкою порхая,
Позабудет горе,
И тогда я оживаю
В поле на просторе.
И всхожу я на вершину,
Стану, озираясь,
Вспоминаю Украину,
Вспомнить не решаюсь.
Степь и тут и там, но эта
Изжелта-багрова,
Наша ж светится все лето
Синевой покрова,
И ее луга и нивы,
Древние курганы
Блещут вышивкой красивой,
Скатертью убранной.

А здесь пески да лебеда,
И хоть бы жалкий след преданья
В каком-нибудь глухом кургане!
Но нет людей тут ни следа.
Веками пряталась пустыня
От взора нашего доныне.
Но вот открыт ее предел.
Мы строим крепости, форпосты,

---

¹ На реке Урале стояла Орская крепость.

А значит, будут и погосты, —
Восполним как-нибудь пробел...
О горе, горе, мой край пригожий!
Когда ж я вырвусь домой отсюда?
Ужели ты попустишь, боже,
Что здесь и погребен я буду?
И почернеют огни заката...
«Айда в казарму! Айда в темницу!»
Далеким окриком солдата
Простор окрестный огласится,
И вновь украдкою, усталый,
Бреду кустарником Урала.

Так воскресенье в этом крае,
Мой друг сердечный, я справляю.

А понедельник? Милый брат!
Настанет ночь в избе вонючей,
И мысли налетят, как тучи,
И сердце бедное лишат
Того, во что душою всею
Я верю и назвать не смею,
И в доме воцарится ад,
И остановится теченье
Часов, и, глядя в этот мрак,
Не раз я, милый друг, в мученье
Слезами омочу тюфяк.

И, перебрав всю жизнь доселе,
Я как бы спрашиваю тьму:
Кого любил я в самом деле?
Что сделал доброго кому?
Ужели никому на свете?
Да, никого я не любил,
Как будто дни и годы эти
Один я по лесу бродил.
Была когда-то воля, сила,
Но силу барщина сгубила,
А воля где-то напилась,
К царю Николе угодила...
И напиваться зареклась.

Не помогут сожаленья:
Жизни нет возврата.
Не бывает повторенья
Бывшего когда-то.

«Пошли рассвет!» — молю я бога,
Восхода солнца не дождусь.
Сверчок стихает понемногу.
Бьют зорю. Снова я молюсь,
Чтоб вечер наступил скорее,
Затем что скоро дуралея
С утра на крепостной редут
Опять на муштру поведут,
Чтоб бросил вольные рацеи,
Чтоб знал, что дурней всюду быют.

С годами молодость уходит,
Надежда снова за свое:
Меня в неволе за нос водит.
Я искушения ее
Боюсь, как прелести бесовской.
А вдруг и правда наяву
До лучших дней я доживу?
Опять напьюсь воды днепровской,
Опять войду в твой тихий дом,
С тобой наговорюсь вдвоем...
Но, испугавшись, что сглажу,
Боюсь об этом думать даже.

Суждено ли нам свиданье,
Иль с небес, не ране,
И тебя и Украину
Взором я окину?
Грудь такой тоскою стянет,
Что и слез не станет!
И когда б не ты да синий
Днепр крутоберёгий,
О скорейшей бы кончине
Попросил я бога.
Ты да родины левады —
Только и преграды.

1847

Орская крепость

1858

Москва

*
**

Привыкнет, говорят, собака за
телегой бежать, так побежит и за
санями.

Так я теперь стихи строчу:
Бумагу порчу да чернила..
А прежде! Врать вам не хочу:
Лишь вспомню — так и накатило,
До слез бывало доходило.
И словно вдруг перелечу
На час хоть тайно на Украину,
Взгляну, увижу, умилюсь —
И словно чью-то жизнь продлю, —
Душе легко необычайно.
Добро б сказать, что не люблю,
Что Украину забываю,
Что недругов я проклинаяю
За все, что я теперь терплю;
Ей-богу, братья, все прощаю
И милосердному молюсь:
Не поминайте лихом, братцы!
Хоть я вам и не делал зла,
Но с вами жил, — и ведь могла
Заноза где-нибудь остаться.

1847

Орская крепость

*
**

А ну, начнем-ка вновь писать!
(Тайком, конечно.) Станем снова,
Пока еще цела основа,
Старье бывшее лицевать.
Ну, то-есть, как бы вам сказать,
Чтоб не соврать?.. Начнем-ка снова
Людей и долю проклинать!
Людей — чтоб они нас знали
Да нас уважали;
Долю — чтобы не дремала,
Нас оберегала.

А то, глянь, что натворила:
Кинула без думы
На распутье сиротину.
А он, неразумный,
Маленький да седоусый, —
Известно, мальчонка! —
Он побрел себе тихонько
Чужою сторонкой
За Урал. И очутился
В пустыне, в неволе...

Как тебя не проклинать мне,
Лукавая доля?
Нет, я клясть тебя не стану,
А скроюсь, безвестен,
За холмами, да и буду
Складывать там песни,
Да, тоскуя, стану ждать я
В гости к нам, в неволю,
Из-за Днепра широкого
Тебя, мою долю!

1848

Орская крепость

*
**

Топор был за дверью у господ бога ¹.
(А бог тогда с Петром ходил
И чудеса везде творил.)

Беды-кары строго
Кайсак ² не предвидел,
Топор он похитил
У господ бога
И решил в дуброве
Дровец заготовить;
Наметил дерево — и тюк!

---

¹ Повидимому, Шевченко в этом стихотворении дал обработку казахской легенды. Священное дерево, о котором говорится здесь, Шевченко описывает в повести «Близнецы».

² К а й с а к — казах.

Как вырвется топор из рук —
И страх и горе: косовица
Тут началась, и валиться
Деревья разные пошли,
Дубы столетние легли,
Как травы под косой; а пламя
И дым закрыли облаками
Святое солнце от земли —
И стала тьма, и от Урала
И до Тангиза, до Арала¹
Кипела в берегах вода.
Пылают села, города,
Рыдают люди, звери воют,
Спешит укрыться все живое
В снега сибирские. Семь лет
Косьба господня бушевала,
Пожарище не угасало,
И мерк от дыма божий свет.

. . . . .
В воскресный день восьмого лета
Над степью в дольней дали этой
Святое солнышко взошло,
Все в белом, как дитя, одето.
Где город был или село —
Теперь их и в помине нету,
И пепел ветром разнесло,
Пустыня, как цыган, чернела;
Но, колыхаясь, зеленело
В пустыне дерево одно.

И краснеет средь пустыни
На обожженной красной глине
Колючий всяческий сорняк,
Да кое-где ковыль с осокой
Чернеют в рытвине глубокой,
Да дикий изредка кайсак
Проедет в гору на убогом,
Измученном верблюде тут.
И сразу чудеса пойдут:
Заговорит пустыня с богом,
Верблюд заплачет, а кайсак

---

¹ Аральское море. (Примеч. автора.)

Нахмурится и грустно взглянет
На степь и на Кара-бутак ¹.
Сингич-агач ² кайсак помянет,
Тихонько спустится с горы
И сгинет в глиняной пустыне...

Лишь одинокое в долине,
В степи, при дороге,
Дерево стоит большое,
Позабыто богом,
И топором не тронуто
И божьим пожаром,
И шепчется с долиною
О времени старом.
И кайсаки почитают
Дерево святое,
Любоваться приезжают
Зеленой листвою.
И молятся под деревом,
Его умоляя,
Чтобы поросли пустило
В их убогом крае.

1848

Орская крепость

*
**

Ой, гляну да погляжу я
На степь и на поле:
Может, даст бог милосердный
Хоть под старость волю?
Пошел бы я на Украину,
К родимому дому, —
То-то были б дома рады
Бедняге седому!
Смог бы сердцем отдохнуть я,
Богу помолиться;
Там бы... да подумать страшно:

---

¹ Небольшая река. (*Примеч. автора.*)

² Одно дерево. (*Примеч. автора.*)

Этому не сбыться.
Как в неволе, без надежды
Жизнь прожить? Не знаю.
Друзья мои, научите, —
Голову теряю!

1848
Орская крепость

*
**

Не дай ты никому того же,
Что мне, старому, дал боже:
На чужбине, без свободы
Понапрасну тратить годы.

По лугам-степям пойду я,
Разгоню кручину злую.
Только вот беда какая:
Погоулять-то не пускают.

1848
Кос-Арал

*
**

Когда есть дом родной, а дома
Сестра родная или мать —
Какая это благодать!
Она мне, правда, незнакома,
Ее не знал я никогда,
И кое-как прошли года.

. . . . .
Но довелось однажды мне
В чужой далекой стороне
Заплакать, что судьба сурова,
Что ни хозяйки нет, ни крова...

Мы долго в море пропадали.
Пришли в Дарью¹, на якорь стали.

---

¹ В устье реки Сыр-Дарьи находится остров Кос-Арал. Там в 1848—1849 годах зимовала экспедиция, в которой принимал участие Шевченко.

С Ватаги ¹ письма принесли,
И все тихонько их читали,
А мы с коллегою легли,
Беседовали, вслух мечтали.
Я думал: где б ту благодать —
Письмо иль мать добыть на свете?
— А ты один? — Жена и дети,
И хата, и сестра, и мать!
А писем нет...

1848

Кос-Арал

*
**

Ну что, казалось бы, слова?
Слова и голос — что такое!..
Но вот заслышишь их едва —
И сердце бьется. Может, слово
И голос тот от божества
Явились в мир!..

На борт склоняясь,
Не то чтоб грусти предаваясь,
А так на палубе стоял,
Стоял я, на море взирал,
Как на Иуду. Из тумана
Тут стала, видите ль, всплывать
Румяноликая Диана... ²
Я было собирался спать,
Да вот остался: круглолицей
Залюбовался молодежию,
То-бишь девицею... Матрос,
Земляк из Островной ³, тоскуя
В ту ночь глухую —
Он, подневольный, вахту нес, —
Вдруг начал петь, и пел покуда
Негромко: не было бы худа
(Строг капитан, хоть и земляк).
И пел матрос, как тот казак,
Что вырос внаймах сиротою,
Солдатом горемычным стал!..

¹ Ватага — название рыбацкой зимовки.

² Диана — в античной мифологии богиня луны. Здесь — луна.

³ Оренбургской губернии. (Примеч. автора.)

Когда-то я слышал,
Как под ракитою дивчина
Ту песню старую несмело
Про казака-беднягу пела;
И я, малец, его жалел,
    Что он уморился,
    К тыну прислонился, —
Люди смотрят, говорят:
— Может быть, напился! —
Малец, я плакал над судьбою,
Над злою долей сироты.

· · · · ·
О чем теперь-то плачешь ты?
О чем грустишь, старик? Седого
Какие думы тяготят?
Что счастье от тебя сокрыто?
Что ты и сам теперь солдат?
Что сердце вдребезги разбито?
Что разлилось без следа
Все доброе, что в сердце было?
Что вот и старость наступила?..
Не так ли, голубок мой?.. — Да...

1848

Кос-Арал

· * ·
* * *

Как за подушным, правый боже,
Ко мне на дальней стороне
Пришли тоска и осень. Что же
Придумать, что же сделать мне,
Что мне затеять? По Аралу
Уж я брожу, тайком пишу
И, стихотворствуя, грешу
И все, что некогда бывало,
Припоминаю вновь, сначала,
Записываю вновь подряд.
Гоню тоску, чтоб, как солдат,
Не лезла в душу... Стражник лютей
Не отстает ни на минуту.

1848

Кос-Арал

Я не досадую на злого,
Его и так молва клеймит;
А речь про доброго такого,
Что и молву-то одурит.

Доселе тошно, как припомню
Готический с часами дом,
Село убогое кругом;
Завидя флаг, мужик снимает
Скорей шапчонку: значит, пан
С своею челядью гуляет.
Такой откормленный кабан —
Распутный знатный этот пан!
Он гетмана-глупца потомок²,
Завзятый, ярый патриот,
Христианин чуть не с пеленок:
Он в Киев ездит каждый год,
Он в свитке ходит меж панами,
В шинке пьет водку с мужиками
И вольнодумствует порой.
Вот тут он весь перед тобой!
Да на селе своем дивчаток
Перебирает, да спроста
Пригульной ребятни с десяток
Окрестит за год... Срамота!
Он подлецом и был и будет.
Зачем же он иным слывет?
Зачем никто не наплюет
Ему в глаза?.. О люди, люди!
Готовы вы родную мать
За ломтик колбасы продать.

---

¹ П. С. — Петр Скоропадский, помещик, владелец села Григоровки на Конотопщине. В образе либерального пана Скоропадского Шевченко разоблачает помещиков-либералов, которые прикрывались громкими фразами о любви к народу, а на деле эксплуатировали крестьян.

² Петр Скоропадский был потомком бездарного гетмана Ивана Скоропадского (начало XVIII века).

Нет, не на доброго такого,
На пьяного Петра хромого, —
Моя обида на людей,
На тех юродивых детей!..

1848

Кос-Арал

Г. З.¹

Нет горше доли, чем в неволе
Про волю вспоминать. А я
Все помню, волюшка моя,
Все о тебе тоскую. Воля,
Ты никогда не мнилась мне
Такою свежей, молодою
И привлекательной такою,
Как нынче, в дальней стороне,
К тому ж в неволе. Доля! Доля!
Пропетая ты моя воля!
Хоть погляди из-за Днепра,
Хоть улыбнись из-за...²

И ты, моя единая,
За далью морскою
Встаешь над тучей дымною
Розовой звездою.
И ты, моя единая,
Ведешь за собою
Годы мои молодые —
И передо мною
Расстилаются, как море,
Широкие села,
А в них сады вишневые
И народ веселый.
И те люди, то селенье,
Где меня, лаская,

---

¹ Г. З. — Ганна (Анна) Закревская, жена помещика Пирятинского уезда. В 1843 году Шевченко рисовал портрет Закревской.

² В оригинале строка не окончена.

Братом звали. Мать родная,
Старая, седая!
Собираются ль доселе
Веселые гости
Погулять у тебя дома,
Как бывало, просто
По-давнему, по-былому
Сойдясь спозаранку?
А вы, мои молодые
Милые смуглянки,
Веселые подруженьки,
У старой, как прежде,
Танцуете? А ты, радость,
Ты, моя надежда?
Ты, мой праздник чернобровый,
И теперь меж ними
Ходишь плавно и своими
Очами, такими,
Ну, дочерна голубыми,
И теперь чаруешь
Души всех? Небось, доселе
Любуются все
Станом гибким? Ты, мой праздник,
Праздник мой пригожий!
Как обступит тебя, радость,
Гурьба молодежи —
Словно пташки защебечут:
Таков их обычай.
Может, кто-нибудь случайно
С шуткою девичьей
И меня припомнит... Может,
Помянет и лихом.
Улыбнись ты, мое сердце,
Тихонечко-тихо,
Чтоб никто и не заметил...
Что тут думать много!..
А я, долюшка, в неволе
Помолюся богу.

*
**

Когда бы встретились мы снова¹,
Ты испугалась бы иль нет?
Какое тихое ты слово
Тогда промолвила бы мне?
Нет! Ты меня и не узнала б,
А может, вспомнив, и сказала б,
Что все приснилось лишь во сне!
А я бы радовался снова
Подруге, доле чернобровой!
Когда бы вспомнил и узнал
Веселое и молодое
Былое, горькое такое,
Я зарыдал бы, зарыдал!
Молился б я, что не правдивым,
А сном лукавым разошлось,
Водой — слезами разлилось
Далекое святое диво!

1848

Кос-Арал

ПРОРОК

Как будто праведных детей
Господь, любя своих людей,
Послал на землю им пророка —
Свою любовь благовещать,
Святую правду возвещать!
И, как Днепра поток широкий,
Слова его лились, текли,
И в сердце падали глубоко,
И души хладные зажгли
Огнем незримым. Полюбили
Пророка люди и ходили
За ним, и слезы их лились.
Но люди зlobны и лукавы!
Они святую божью славу
Растлили... и чужим богам

---

¹ В этом стихотворении, как и в предыдущем, поэт вспоминает о своей дружбе с Ганной Закревской.

Воздали жертву. Осквернились!
И мужа свята... Горе вам!
На стогнах¹ кáмнями побили.
И праведно господь великий,
Как на зверей свирепых, диких,
Оковы повелел ковать
И тюрьмы темные копать,
И — род лукавый и жестокий! —
На место кроткого пророка
Он повелел царя вам дать!

1848

Кос-Арал

18 декабря 1859 г.

Петербурге

*¹
**

И сонные волны, и мутное небо:
На берегу в далекой мгле
Камыш, как бы навеселе,
Без ветра гнется. Боже! Где бы
Узнать, придется ль долго мне
В моей незапертой тюрьме
Над никудышным этим морем
Тоской томиться, мыкать горе?
Молчит засохшая трава,
Лишь гнется, будто бы жива,
Не хочет правду мне открыть...
А больше некого спросить.

1848

Кос-Арал

*
**

И вырос я в краю чужом,
И на чужбине я страдаю,
И в одиночестве своем
Я не могу назвать, не знаю
На свете лучшего, чем Днепр

---

¹ Стогны (церк.-слав.) — площади.

И чем родная Украина...
Там хорошо лишь, где нас нет, —
Я вижу. В тяжкую годину
Недавно как-то довелось
Заехать мне на Украину,
В то благодатное село,
Где мать качала, пеленала
Меня, младенца, и в ночи
На свечку богу добывала;
Поклоны тяжко кладучи,
Пречистой ставила, молила,
Чтоб добрая судьба любила
Ее ребенка... Славно, мама,
Что ты так рано спать легла,
А то б ты бога прокляла
За мой удел.

Ах, как ужасно,
Что в благодатном том селе,
Земли чернее, по земле
Блуждают люди; оголились
Сады зеленые; в пыли
Погнили хаты, покосились;
Пруды бурьяном поросли.
Село как будто погорело,
Как будто люди одурели, —
Без слов на барщину идут
И за собой детей ведут!

. . . . .
И я заплакал и назад
Поехал снова на чужбину.

И не одно лишь то село —
Везде на славной Украине
Крутое барство запрягло
Людей в ярмо... И гибнут, гибнут
В неволе рыцарей сыны!
А прогоревшие паны
Ростовщикам — друзьям хорошим —
Несут последние штаны...

. . . . .
И очень тяжело, страх как тяжело
В пустыне этой пропадать!

Еще трудней на Украине
Все видеть, плакать — и молчать!

Пока не видишь, как ужасно
То зло, все кажется прекрасно
На Украине с давних пор,
И старый Днепр меж тихих гор,
Как будто в молоке младенец,
Красуется, любит
На всю Украину.
А над ним в садах зеленых
Широкие села,
А в веселых этих селах
Жизнь людей веселых.
Может, так оно б и случилось,
Если б не осталось
Злых панов на Украине!

. . . . .

1848
Кос-Арал

*
**

Не для людей и не для славы
Свои стихи, что так кудрявы,
Я сочиняю — для себя
Пишу их, братия моя!

Я пишу стихи в неволе,
Тоску забывая;
Будто с дальней Украины
Слова прилетают
И ложатся на бумагу,
Плачут и смеются,
Будто дети, и радуют
Забывшую душу,
Несчастную. Хорошо мне,
Хорошо мне с ними,
Как отцу в богатой хате
С детками своими.
И доволен я и весел,

Бога умоляю,
Не забыл бы моих деток
В чужедальнем крае.
Пускай домой слетаются
Легонькие дети
И расскажут, как им тяжко
Было жить на свете.
И в семье веселой тихо
Детей приласкают,
И старою головою
Отец покачает.
Мать промолвит: — Лучше б детям
Не родиться было. —
А девушка подумает:
«Я их полюбила».

1848

Кос-Арал

1858

Петербург

*
**

Мне б сапожки, я бы тоже
Танцевала, да сапожек
У бедняжки нет.
Музыканты играют,
Только горя прибавляют,
И не мил мне свет!

Ой, пойду босая в поле,
Поищу иную долю.
Долюшка моя,
Ты не будь ко мне суровой!
Родилась я чернобровой,
Бесталанная!

Девушки-дивчата наши —
Все в сапожках красных пляшут,
Я одна брожу.
Без роскоши, без любви я
Брови черные густые
Внаймах изношу!

1848

Кос-Арал

*
**

И богата я,
И красива я,
Нет лишь друга дорогого, —
Знать, несчастна я.
Только мне на свете жить
И никого не любить,
Аksamитные¹ жупаны
Одинокой носить!
Вот слюбилась бы я —
Обвенчалась бы я
С чернобровым сиротою,
Да неволя моя!
Мать, отец всё не спят,
Всё на страже стоят
И одну гулять на воле
Не пускают в сад.
А как пустят, так с ним,
С нелюбимым, седым,
С ненавистным тем, богатым,
С моим врагом злым!

1848
Кос-Арал

*
**

Повстречалась я,
Обвенчалась я
С бесталанным сиротою, —
Вот и доля моя!

Люди взяли — навряд
Он вернется назад:
Люди лоб ему забрили, —
Рад не рад, а солдат!

И солдаткою я,
Одинокую я
Доживаю в чужой хате, —
Вот и доля моя!

1848
Кос-Арал

---

¹ Аксамитные — бархатные.

*
**

На улице ветер веет,
Пурга завывает.
По улице вдоль ограды
Вдова ковыляет.
И пошла она на паперть,
И просить пошла-то
У тех самых, у богатых,
Что сына в солдаты
Позапрошлый год забрили.
Думалось иное:
Хоть в старости у невестки
Пожить на покое.
Не пришлось. Вот вымолила
Копейку с поклоном...
Да за сына поставила
Свечку пред иконой.

1848

Кос-Арал

1858

Петербурга

*
**

Кукушечка куковала
У темного дуба.
Девчоночка зарыдала,
Никому не любя.
А девичьи молодые
Веселые лета,
Словно ветки за волною,
Уплывут — и нету...
Родители кабы жили
И богаты были,
Было бы кому влюбиться
И кому жениться.
А то нету. Сиротиной
Так вот я и сгину —
Одинокою былинкой
Где-нибудь под тыном.

1848

Кос-Арал

*
**

Ой, не пьются мед и пиво,
Не пьется вода,
Приключилась с чумаченьком
В дороге беда:
Заболела головушка,
Заболел живот,
Упал чумак у телеги,
Упал, не встает.
Из Одессы прославленной
Завезли чуму;
Покинули товарища —
Пропадать ему!
Волы его у телеги
Понуро стоят;
Стаей вороны степные
К чумаку летят.
— Ой, вороны, вы оставьте
Мертвеца в покое:
Наклюетесь и умрете
Вы рядом со мною.
Сизокрылые, летите
В далекие дали,
Моему отцу скажите —
Меня б отпевали,
Надо мной псалтырь читали.
А дивчине милой
Передайте, прикажите —
Меня бы забыла.

1848

Кос-Арал

*
**

Как у той у Катерины
Мощеная хата.
Приехали запорожцы,
Три друга, три брата:
Один — Семен Босый,
Другой — Иван Голый,

Третий — славный вдовиченко ¹
Иван Ярошенко.
— Изъездили Польшу
И всю Украину,
А такой мы не встречали,
Как ты, Катерина!

Один молвит: — Други!
Казну бы мне в руки,
Отдал бы я все богатство
Этой чернобровой
За одно лишь слово.

Второй молвит: — Братья!
Кабы сильным стать мне,
То отдал бы я всю силу
Этой чернобровой
За одно лишь слово.

Третий молвит: — Дети!
Нет того на свете,
Чего я не мог бы сделать
Ради этой чернобровой
За одно лишь слово.

Подумала, отвечает
Ему Катерина:

— Запропал в неволе вражьей
Братец мой единый.
Кто из Крыма, из неволи,
Брата мне достанет,
Тот мне, хлопцы запорожцы,
Милым другом станет.

Разом повставали,
Коней оседлали,
Чтоб скорей вернуть с чужбины
Брата Катерины.
Один утопился

---

¹ Вдовиченко — сын вдовы.

В Днепровском заливе,
Другого в Козлове¹
На кол посадили,
Третий — славный вдовиченко
Иван Ярошенко —
Из лихой неволи,
Из Бахчисарая,
Брата выручает.

На заре, заре негромко
Постучались в хату:
— Вставай, вставай, Катерина,
Иди встречать брата! —
Посмотрела Катерина
И заголосила:
— То не брат мой — то мой милый!
Всех я одурила.
— Одурила?.. — И до долу
Девичья скатилась
Головушка. — Идем, друже,
Из поганой хаты. —
Поскакали запорожцы,
Два друга, два брата.

Катерину молодую
В поле закопали,
А славные запорожцы
В степи побратались.

1848

Кос-Арал

*
**

Ой, баю-баю, качаю сына
И день и ночь...
Пойдешь ты, сын мой, по Украине,
Нас проклянешь.
Сын мой, сыночек, лихом отца ты
Не помяни!
Мне быть проклятой! я виновата,
Меня кляни.

---

¹ Козлов — ныне Евпатория.

Меня не станет — ступай не к людям,
В рощу ступай:
Там не обидят и не осудят,
Там и гуляй!
Пойдешь по роще — найдешь калину,
Остановись.
Я так любила ее, сынок мой,
Ей поклонись.
А как в селенье ты к хатам выйдешь,
То не томись;
А как с ребенком ты мать увидишь,
То отвернись!..

1848

Кос-Арал

*
**

— Отчего ты почернело,
Зеленое поле?
— Почернело я от крови
За вольную волю.
Вкруг местечка Берестечка¹
На четыре мили
Меня хлопцы-запорожцы
Трупами покрыли.
Да еще меня покрыло
Воронье с полночи...
Клюет очи казацкие,
А трупа не хочет...
Почернело зеленое
Я за вашу волю...
Снова я зазеленею, —
Вам иная доля:
Не вернетесь вы на волю;
Ее вспоминая,
Вы меня пахать пойдете,
Долю проклиная...

1848

Кос-Арал

---

¹ Здесь в 1651 году войска Богдана Хмельницкого потерпели поражение от войск польской шляхты.

*
**

В воскресеньице да ранехонько,
Еще солнышко не всходило,
А я, молодая,
На путь на дорогу
Невеселая выходила.
Выходила я за рошу в долину,
Чтоб мать не видала.
Друга молодого —
Чумака с дороги
Я встречала.
Ой, встречалась я
В степи за кустами
Да с чумацкими возами.
Идут его волы,
Волы усталые,
Идут и вздыхают,
А мой молоденький чумаченько
За волами не шагает.
Ой, копали ему в степи при дороге
Да притыками яму,
Завернули его в простую рогожу —
И опустили Ивана
В ту яму глубокую
На кургане могильном.
Ой, боже милый! Милый, милосердный!
А я так его любила...

1848

Кос-Арал

*
**

Протоптала стёжечку
Через яр,
Через гору, миленький,
На базар.
Продавала бублики
Казаку,
Радовалась выручке —
Пятаку.

Как я две копеечки
    Пропила,
За одну дударика
    Наняла.
Ой, ду-ду, дударик мой,
    Ой, ду-ду!
Я руками горюшко
    Разведу.
Вот какая девка,
    Да не твоя!
Сватай меня, миленький,
    Выйду я!

1848
Кос-Арал

*
**

И широкую долину,
И высокую могилу,
И тот вечер соловьиный,
И что снилось, говорилось —
Не забуду я.

Только что же? Мы расстались,
Словно вовсе не встречались.
Зря лишь годы дорогие,
Наши годы молодые
Мимо протекли.

Мы состарились с тобою:
Я — в неволе, ты — вдовою.
Не живем, а доживаем,
Только годы вспоминаем,
Что давно ушли.

1848
Кос-Арал

*
**

В огороде возле брода
Барвинок не всходит.
Почему дивчина к броду
По воду не ходит?

В огороде возле тына
Сохнет на жердине
Хмель зеленый; не выходит
Из дому дивчина.
В огороде возле брода
Наклонилась ива, —
Стало грустно чернобровой,
Стало сиротливо.
Плачет, плачет да рыдает,
Словно рыбка бьется...
А над нею, молодою,
Негодник смеется.

1848

Кос-Арал

Ч У М А ¹

Чума с лопатую ходила
Да всё могилы рыла-рыла,
Да трупом-трупом начиняла,
За упокой не поминала:
    По городу и по селу
    Метет подобно помелу.
Весна. Сады цветут в селе,
Как будто полотном покрыты,
Росою божьею умыты,
Белеют. Весело земле:
Цветет, красуется цветами,
Садами темными, лугами.
А люди бедные в селе,
Как исполошенные ягнята,
Позаперлись с испуга в хатах
И мрут. На улицах волю
Ревут без корма; в огороде
Пасутся кони; не выходит
Никто загнать их, корму дать, —
Должно быть, людям сладко спать.
Заснули, крепко, знать, заснули,
Воскресный день не помянули, —

---

¹ Темой для стихотворения послужила эпидемия холеры в 1848—1849 годах в России. Холеру тогда называли чумой.

Их звоном в церковь не зовут.
И трубам горестно без дыма:
За огородами, за тыном
Могилы черные растут.
За хатами, между садами,
Защиты в шкуру и в смоле,
Гробокопатели в селе
Волочат мертвецов цепями
За край села и зарывают
Их без гробов. Дни пролетают,
Проходят месяцы. Село
Навек замолкло, онемело
И все крапивой поросло.
Гробокопатели ходили —
И те за хатами легли.
Никто из хат не встал с зарею,
Сердешных не укрыл землею —
Гниют под хатами в пыли.

Как оазис в чистом поле,
Село зеленеет.
Никто в него не заходит,
Только ветер веет,
Листья желтые разносит
По желтому полю.
Долго оно зеленело,
Пока люди с поля
Злого огня не пустили
Да не подпалили
Села того зеленого.
Сгорело, сотлело,
Пепел ветром разметало,
И следу не стало.
Вот какое людям горе
Чума причинила.

1848
Кос-Арал

*
**

Мне почта вновь не привезла
Желанных писем с Украины...

За грешные ль мои дела
Меня карает бог? Причину
Жестокой кары знать не мне.
А впрочем, бог за что карает,
И знать не так уж важно мне...
И сердце плачет, вспоминая
Печали все в печальном крае, —
Все, что в родимой стороне
Случалось некогда со мною
В еще недавние года...
Клялись мне в верности тогда,
Кто братом звался, кто сестрою,
А разошлись, как туч гряда,
Друг друга слез не удостоя.
И вот опять на склоне лет
Пришлось людей узнать... Нет, нет!
Бедняги все поумирили:
Холера там, а то б прислали
Клочок бумаги...

. . . . .

От тоски да от печали,
Чтоб не видеть, как читают
Письма эти, погуляю,
Погуляю я над морем,
Поразвею свое горе,
Украину вспоминая
Да песенку напевая.
Скажет человек — обманет,
А она хитрить не станет:
Обнадежит, успокоит
И всю правду мне откроет.

1848
Кос-Арал

*
**

В неволе я один скучаю,
Мне не с кем душу отвести,
Ищу и сам того не знаю,
Где собеседника найти.

Ищу я бога, а встречаю
Такое... господи, прости...
Вот что со мной свершили годы
Да горе, да и то еще,
Что пасмурно, не горячо
Мое святое лето было,
Что жизнь моя прошла уныло
И нечего мне вспоминать.
А душу надо развлекать —
Ведь ей так хочется, так нужно
Привета... Не слетает с губ...
И, словно в поле ветер выюжный,
Заносит неостывший труп.

1948

Кос-Арал

*
**

Ой, умер старый батько,
Мать похоронили,
Приголубить теплым словом
Люди позабыли.
Что ж теперь со мною
Будет, с сиротою?
Наниматься ли к чужому
Или плакать дома?

Ой, пойду я в лес зеленый,
Руту посажу я:
Коль взойдет, то не пойду я
В сторону чужую.
Придет милый мой и станет
Хозяином в хате.
Если ж нет — пойду счастливой
Долюшки искать я.
Как взошла в лесочке рута,
Растет, зеленеет...
А девушка-сиротина
В батрачках хиреет...

1948

Кос-Арал

*
**

Не домой спеша, расставшись ¹
С кумой поздновато,
Не ложиться спать собираясь,
Вспомни, брат, меня ты, —
А заглянет скука в гости
И забьется в угол —
Вот тогда-то на беседу
Позови ты друга.
Ты живущего в пустыне,
Далеко над морем,
Друга вспомни веселого,
Как он спорит с горем,
Как свои скрывает думы
Он в сердце убогом,
Как он ходит, как он бродит
И молится богу,
Вспоминает Украину,
Тебя, друг сердечный!
Погрустить порой неплохо —
Не сильно, конечно.
А немножко... На дворе уж
Праздник наступает.
Горько тем, кто этот праздник
В пустыне встречает
Одинок... Завтра рано
Звоном колокольным
Загудит вся Украина
И люд богомольный
Хлынет в церковь... Завтра ж рано
Завоеет голодный
Зверь в пустыне, и задует
Ураган холодный,
И шалаш — мое жилище —
Закачает ветер.
Так, дружище, мне придется
Этот праздник встретить.
Как же быть? На то и горе,

---

¹ Поэт обращается к Ф. М. Лазаревскому, служившему в Оренбурге и помогавшему ему во время ссылки.

Чтобы с ним сражаться!
И как станешь, друг-товариш,
Грусти предаваться,
Прочитай мое посланье.
Знай: тяжкая доля
У того, кто прозябает
В пустыне, в неволе;
Да и там живут, хоть плохо...
Что делать? Не знаю.
Умереть бы! Так надежда,
Брат, не умирает!

24 декабря 1849 г.

Кос-Арал

*
**

Как днем осенним чумаки,
Минуя версты, вдаль проходят, —
Так и мои проходят годы;
А мне и горя нет!.. Листки
Расписываю, начинаю
Стихами их. И развлекаю
Пустую голову свою
И кандалы себе кую.
(Вдруг эти господа узнают!)
Да что ж, пускай хотя б распнут,
А я стихам не изменяю:
Уже два года сочиняю
И третий в добрый час начну!

1849

Кос-Арал

*
**

За солнцем облачко плывет,
Краснеет, полы расстилает,
И солнце спать оно зовет
В морскую синь — и прикрывает
Розовую пеленою,
Как ребенка к ночи.
Любо глазу... Хоть часочек,
Хоть один часочек

Сердце словно отдыхает
С богом в разговоре.
А туман, как враг лукавый,
Закрывает море
И облачко розовое,
И тьму за собою
Призывает, расстиляет,
И немою тьмою
Обовьет твою он душу,
И грустишь о свете —
Ждешь его, как мать родную
Ожидают дети.

1849

Кос-Арал

*
**

Не стану я печалиться,
Досаждая людям,
Уйду куда глаза глядят,
А там — будь что будет!
Выйдет счастье, так женюся,
А нет — утоплюся.
Никому я не продамся,
Внаймы не наймуся.
Пошел куда глаза глядят...
Счастье схоронилось,
А волюшка людям добрым
И во сне не снилась.
Хоть не снилась, а людьми же
Брошена в неволю:
Чтоб и не всходило это
Зелье в нашем поле.

1849

Кос-Арал

*
**

Зачем буду я жениться,
Зачем обручаться?
Надо мной, женатым, будут
Казачи смеяться.
«Оженился, — они скажут, —
Голодный да голый;»

Загубил он, неразумный,
Молодую волю!»
Да и правда! Что ж мне делать?
Научите, люди!
Может, к вам идти батрачить?
Разве лучше будет?
Нет, чужих волов не буду
Пасти, загонять я,
Ублажать не буду тещу
Я в хозяйской хате.
А буду я красоваться
В голубом жупане
На коне своем буланом
Перед казаками.
Найду себе чернобровку
В степи при долине —
Найду курган-могилушку
Я на Украине.
Сотоварищи на свадьбу
Выйдут на пирушку
И вынесут самопалы,
И выкатят пушку.
Как понесут товарища
В новую светлицу, —
Застрекочут самопалы,
Грянут кремenniцы.
В той светлице атаману
Спать, беды не зная.
Грянет пушка, завывая,
Словно мать, рыдая,
Закричит, запричитает
О погибшем сыне,
Разнесет далёко славу
По всей Украине.

1849

Кос-Арал

*
**

Ой, вскричали серы гуси
За селом, во рву;
Разнеслась по свету слава
Да про ту вдову.

Не так слава, не так слава,
Как тот разговор,
Что заехал запорожец
Ко вдове на двор.
Веселились-пировали,
Пили мед-вино,
А потом закрыли шалью
В горнице окно.
Не пустой была та слава,
Недаром прошла:
По весне вдова-молодка
Сына принесла.
Сильным выходила хлопца,
В школу отдала,
А подрост — коня купила,
Не коня — орла.
Оковала чистым златом
Седельце ему,
Шелком вышила по краю
Светлую кайму.
Затянула стан жупаном
Красным, дорогим,
На коника посадила:
«Дивитесь, враги!»
Проводила удалого
Сынка вдоль села,
Привела его к обозу,
В войско отдала,
А сама в престольный Киев
В монастырь ушла.

1849

Кос-Арал

*
*
*

И тернистый и колючий
Путь на Украину.
Видно, я ее навеки,
Навеки покинул.
Верно, мне на Украину
Не вернуться боле,
Верно, самому придется

Мне читать в неволе
Эти думы... Боже милый,
Тяжело мириться
С этой жизнью, если сердцем
Не с кем поделиться!
Не дал ты мне, человеку,
Доли человека!
Я не знал ее вовеки!
Вовеки! Вовеки!
Не дал ты с девичьим сердцем
Моему сродниться!
Промелькнули дни и ночи
Темной вереницей,
Без любви и без радости
Они промелькнули
На чужбине. Не нашел я,
С кем бы подружиться.
И теперь мне даже не с кем
Словом поделиться!
Тяжело носить, о боже,
Сердцу молодому
Одному такие думы,
Никому родному
Не сказать святого слова,
И души убогих
Не радовать, и не корить
Человека злого,
И умереть!.. О господи!
Дай хотя бы глянуть
На народ порабощенный,
На мою Украину!

1849

Кос-Арал

*
**

Зацвела в долине
Красная калина,
Будто рассмеялась
Юная дивчина.
Любо, любо стало,
Пташка встрепенулась
И защebetала.

Проснулась дивчина
И, свитку накинув,
Из беленькой хаты
По травам несмятым
Спешит на долину.
Из рощи зеленой
Выходит, встречая,
Казак чернобровый,
Целует, ласкает.
Идут по долине,
Идут напевают,
Как деточек двое.
Пришли к той калине,
И заулыбались,
И поцеловались.

Какого мы рая
Еще ожидаем?
Рай перед глазами,
А мы в божьем храме
Бога умоляем:
Подай ты нам рая!
Сказал бы я правду,
Да что с того будет?
Себе лишь на горе,
А попам и людям —
Им все равно будет.

1849
Кос-Арал

*
**

И в самых радостных краях
Не знаю ничего красивей,
Достойней матери счастливой
С ребенком малым на руках.
Бывает иногда: смотрю я,
Любуюсь ею, и печаль
Охватит сердце вдруг; и жаль
Ее мне станет, и, тоскуя,

Пред нею голову склоню я,
Как перед образом святым
Марии — матери прекрасной,
Что в мир наш бога принесла...

Теперь ей все легко, все любо.
Она в ночи не спит, встает,
Свое богатство стережет,
И только ночь пойдет на убыль,
Она опять над ним, и губы
Любовно шепчут: «Вот он, вот...
Мой сын...» — и за него с тревогой
Молитву посылает богу,
На улицу выходит с ним —
По улице идет царицей,
Перед людьми добром своим,
Сокровищем своим гордится:
Мол, краше всех и лучше — мой!
И если кто на сына глянул —
Нет большей радости! Домой
Приносит своего Ивана
И думает, что все село
Ее лишь сыном любовалось,
Что вместе с ними все ушло
И ничего там не осталось.
Счастливая!..

Года проходят,
И дети взрослые уходят —
Кто в ту, кто в эту сторону:
На заработок, на войну.
И ты осталась сиротою,
И дома никого с тобою
Уж больше не осталось. Плеч
Укутать нечем. Стынет печь,
Не топленная по неделям,
И встать не можешь ты с постели,
Но все — и думы, и мечты,
И все твои молитвы богу —
О них, о деточках...

А ты,
Другая мать, глухой дорогой
Бредешь, боясь глаза поднять,

Великомученица-мать;
Несешь дитя, от всех скрывая.
Ведь пташка малая любая
И та увидит и поймет:
«Вот девушка свой грех несет».

Бесталанная! А где же
Красота былая,
Та, которой любовались,
Девушку встречая?
Все взяло дитя родное,
Тяжкий стыд да горе.
Бесприютная, идешь ты
Из села в позоре,
Сторонятся все при встрече,
Как от прокаженной.
А сынок — такой он малый,
Такой несмышленный.
И когда еще он скажет,
Когда пролепечет
Слово м а м а... великое
Слово человечье!
Подрастет — ему расскажешь,
Как была дивчиной,
Как тебя паныч лукавый
Обманул и кинул.
Ненадолго легче станет —
Срок не за горами:
В люди сын уйдет мальчишкой
Бродить со слепцами.
А тебя оставит нищей,
Чтоб собак дразнила,
Да еще и обругает,
Зачем породила
Да зачем в трудах и в поте
Растила, любила.
И любить, бедняга, будешь
До самой кончины.
А свою кончину встретишь
Где-нибудь под тыном.

1849

Кос-Арал

1858

Петербург

*
**

В светлый праздник на соломе
Крашенки катали
Дети на припеке в полдень
И хвалиться стали
Обновами. Той рубашку
С вышивкою сшили
К празднику. А этой — ленту,
Той тесьму купили.
Кому шапку из мерлушки,
Сапожки с подковкой,
Кому свитку... Одна только
Сидит без обновки
Сиротинка, руки прячет
В рукава украдкой.
— А мне мамка покупала...
— А мне справил батько...
— А мне крестная рубашку
Гладью вышивала.
— У попа я обедала! —
Сиротка сказала.

1849
Кос-Арал

! *
**

Бывает, иногда старик
Как будто вдруг повеселеет
И, молодея, в этот миг
Затянет песню как умеет.
И встанет ясно перед ним
Надежда ангелом святым,
Звездою молодость его
Блеснет, веселая, над ним.
С чего же стал он молодым?
С чего так счастлив он? С того,
Что, кажется, старик задумал
Добро кому-то совершить.
Что ж, в добрый час! Отрадно жить
Тому, в ком и душа и дума
Добро умели полюбить.

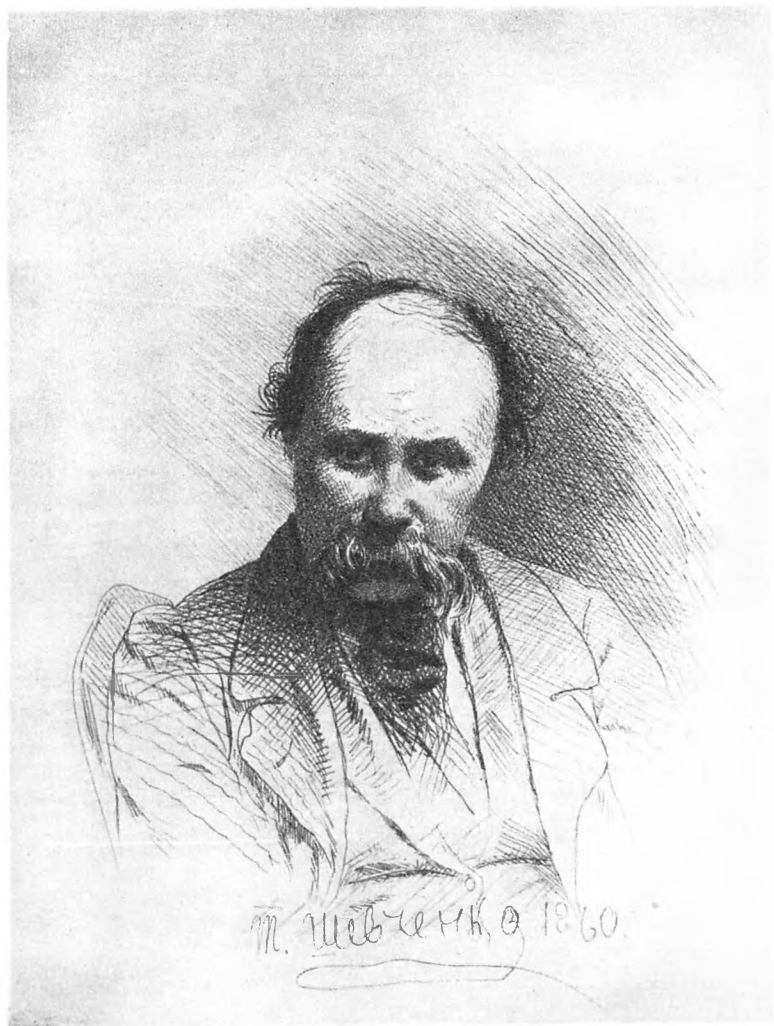
Не раз ему все любо станет,
Как цвет барвинка голубой.
Порою, как в глухую яму,
Случайно солнышко заглянет,
И так же в темной яме той
Взойдут ростки травы густой.

1849

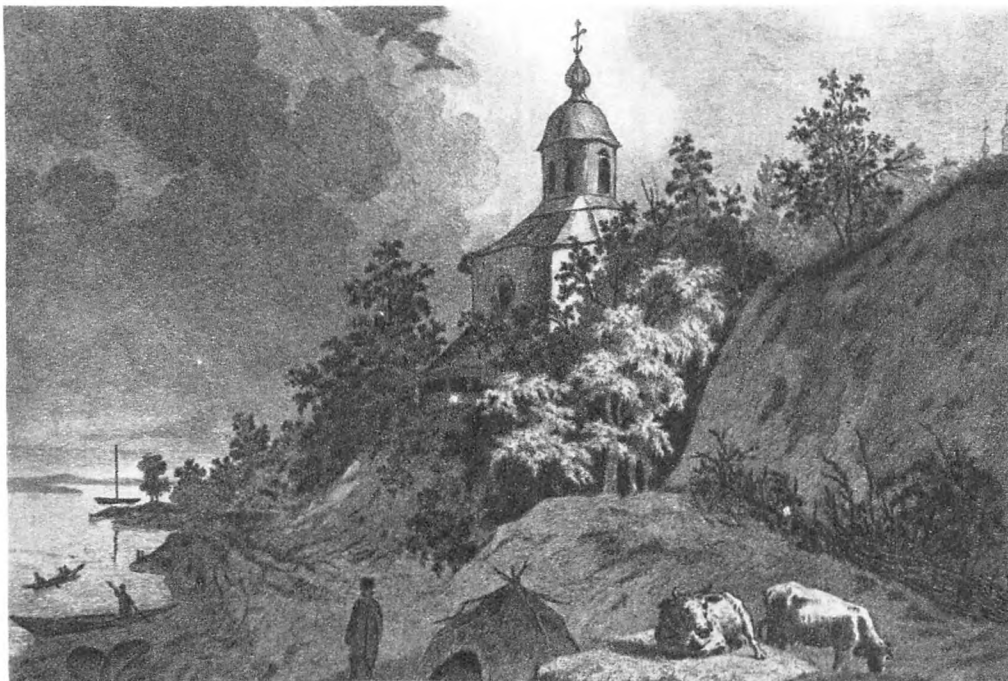
Кос-Арал

*
**

Не самому ль мне написать
Послание себе в отраду
И дочиста в нем рассказать
Все то, что надо и не надо?
Ведь не дождешься ты его,
Того писания святого,
И нет нигде живого слова,
И правды нет ни у кого!
Уж, кажется, и срок настал.
Уж десять лет свой круг свершили,
Как свой «Кобзарь» я людям дал,
А им как будто рот зашили.
Молчат, не споря, не кляня, —
Видать, и не было меня.
Не похвалы я жду от света, —
И без нее свой путь найду, —
А только доброго совета;
Да, верно, ссыльным я сойду
В могилу, прежде чем дождусь!
Бывало сердце так болело, —
О боже правый, как хотелось,
Чтобы мне кто-нибудь сказал
Хотя бы слово! Чтоб я знал,
Кому пишу я песни с жаром,
За что Украину люблю, —
Огонь святой не трачу ль даром?
Я, верно, прежде стану старым,
Чем буду знать, за что терплю.
Чтобы напрасно не томиться,
Пишу порою просто так,
А иногда седой казак

Т. Г. Шевченко.
Автопортрет, 1860 г.

Выдубецкий монастырь в Киеве.
Офорт.

Почудится или приснится;
Усатый видится он мне
На черном вороне-коне!
А больше ничего не знаю,
Хотя за то и погибаю
Теперь в далекой стороне.
Иль так судьба моя сложилась?
Иль богу мать не помолилась,
Как понесла меня, — что я
В степи, как лютая змея,
Лежу растоптан, издыхая,
Заката солнца ожидая?
Вот так живу я и терплю
И смерти жду, в степи страдая.
За что? Ей-богу, сам не знаю.
А все-таки его люблю —
Простор Украины широкий,
Хотя там был я одиноким
(Ведь пары там я не нашел)
И вот до гибели дошел.

Пустое, братец, не томися!
Себя в железо, в сталь закуй
Да хорошенько помолися.
На свет же, на людей наплюй —
Они глупей капусты. Впрочем,
Ты, братец, поступай как хочешь.
Есть ум, так сам все обмозгуй.

1849

Коз-Арал

*
**

Мне золотую, дорогую
Свою судьбу совсем не жаль,
Не жаль мне долю молодую;
А все же иногда печаль
Найдет такая, что заплачу!
Когда еще, к тому впридачу,
Мальчонку встречу. Одинок,
Как с ветки сорванный листок,
Сидит он, прислонившись к тыну,

Одетый в рваную холстину, —
И мнится мне, что это я,
Что это молодость моя!
И мнится мне: в суровой доле
Он не увидит вольной воли,
Священной воли... И вот так —
Напрасно — прахом пролетят
Все лучшие его года.
Нигде не сыщет он привета
И, побродив по белу свету,
Пойдет батрачить... Ну, а тут —
Чтоб он не плакал, не грустил,
Чтоб где-нибудь пристроен был, —
Его в солдаты отдадут.

1849

Кос-Арал

*
**

. . . . .
Мы вместе некогда росли¹,
Друг друга мы детьми любили,
А наши матери твердили,
Следя за малыми детьми:
«Поженим их». Да вот скончались
Не в срок они, а мы расстались:
Как в детстве разлучились мы,
Да так и не встречались боле.
Меня по воле и неволе
Носило всюду! Принесло
Уже седым к родному дому.
Когда-то ясное село
Теперь казалось мне, седому,
Каким-то темным и немым,
Таким же, как я сам, седым.
Казалось (мне уж так казалось),
Ничто в селенье не менялось
За эти долгие года,
Все выглядело как всегда:
Поля, и тополи-раины,

---

¹ Здесь поэт снова вспоминает подругу детских лет Оксану Коваленко.

И яр, и верба предо мной,
Склонившаяся над водой
Как бы под бременем кручины.
Вот пруд, плотина и ветряк
За рощей крыльями мелькает.
А дуб зеленый — как казак
Из рощи вышел и гуляет;
И темную листву свою
Раскинул сад над той горою,
Где старики мои в покое
Лежат в тени, как бы в раю.
Кресты склонились, позабыты,
Слова с крестов дождями смыты...
И не дождями, не слова —
Сатурн¹ все начисто стирает...
Пусть со святыми почивают
Мои родители!.. — Жива
Оксана? — к брату обращаюсь,
— Какая? — Маленькая, та,
Что с нами некогда играла.
Кудрявенькую позабыл?
Ты что же, братец, загрустил?
— Да нет, я не грущу нимало.
Ушла Оксаночка в поход
С солдатами, да и пропала.
Вернулась, правда, через год,
Да что с того! Вернулась с сыном,
Острижена. Она в ночи
Бывало все сидит под тыном,
Кукушкой стонет и кричит
Или чуть слышно напевает
И словно косы расплетает.
Потом она опять ушла;
Куда ушла, никто не знает,
Ума лишилась и блуждает...
А что за девушка была —
Красавица! Счастливой доли
Ей не дал бог, а может, дал...
Да только кто-нибудь украл
И обманул господню волю.

1849

Кос-Арал

---

¹ Сатурн — в римской мифологии бог времени.

*
**

Готово! Парус распустили;
Баркас с байдарой заскользили
Меж камышами в Сыр-Дарью,
Плывут по голубой дороге.
Прощай же, Кос-Арал¹ убогий!
Два года злую грусть мою
Ты все же развлекал умело.
Спасибо! Сам себя хвали,
Что люди и тебя нашли
И знали, что с тобою сделать.
Прощай, мой друг! Твоей земли
Не славлю я, не проклинаю.
Быть может, вновь тоску узнаю,
Изведенную в этом крае,
Но от него уже вдали.

1849

Кос-Арал

*
**

Мы все же осенью похожи
Хоть капельку на образ божий, —
Конечно же, не все, а так,
Лишь кое-кто...

Крутой овраг,
Как бы цыган, весь черный, голый,
В лесу убитый или спит;
А по долине, по раздолью,
Из степи перекасти-поле
Напиться к реченьке бежит
Ягненком рыженького цвета;
А реченька его взяла
И в Днепр широкий понесла,
А Днепр — до моря, на край света;
Былинку подхватило море
И бросило в краю чужом.

И жаль тебе ее станет,
Той былинки малой;

---

¹ Шевченко оставил Кос-Арал 10 октября 1849 года.

И пойдешь долиной, рощей
С грустью небывалой;
В роще шепчутся березы,
Во рву гнутся лозы,
Душу думы окружают,
И капают слезы;
И хочется раскрыть сердце
Людам, всему свету;
И как хочется, о боже,
Жить в минуту эту!
И любить твою лишь правду,
Мир обнять, как брата!

Благо, друг, коль у тебя-то
Есть свой угол, хата,
Коль поговорить в той хате
С кем найдешь всегда ты:
Хоть с лепечущим малюткой —
И он угадает
Твои думы веселые...
Ведь сам бог вещает
Непорочными устами...

А тебе, мой одинокий,
Друг ты мой единый,
Горе тебе на чужбине
В скорби да унынье!
Кто посмотрит, кто приветом
Встретит долгожданным?..
Вокруг тебя распростерлась
Трупом бездыханным
Выгоревшая пустыня,
Брошенная богом...

1849

Кос-Арал

*
**

Считаю дни, считаю ночи —
И счет забываю.
Тяжко, господи, в неволе
Время коротаю.

День за днем и год за годом
Плывут себе тихо,
Всё с собою забирают —
И добро и лихо.
Забирают, исчезают,
Вновь не возвращают.
Бога просишь — так молитвы
Даром пропадают.

Гнилой болотною тропою,
Глухой бурьянною травою
Три года грустно протекли,
И много, много унесли
Добра из моего амбара,
И к морю тихо поплыли,
И в море бросили задаром
Не сундуки с моей казной —
Мои года и мой покой,
Мою тоску, мои печали,
Мои незримые скрижали,
Незримо писанные мной.
Пусть же по тропе болотной
Текут себе в тиши дремотной
Года невольничьи. А я —
Такая заповедь моя, —
Я посижу да погуляю,
На степь, на море подивлюсь,
Подумаю да погадаю
И вновь за книжечку берусь,
Строчу тихонько. Начинаю...

1850

Оренбург

*
**

Запели мы и разошлись
Без горьких слез, без слова.
Сойдемся ли мы снова,
Чтоб снова песни полились?
Сойдемся, может... Но какими?
И где? И запоем о чем?
Не здесь и, верно, не такими!

И не такую запоем!
И здесь невесело певали —
И здесь печально время шло,
Но как-то здесь все ж нам жилось —
Здесь мы хоть вместе тосковали,
Веселый вспоминая край,
И Днепр могучий, крутогорый,
И молодое наше горе,
И молодой наш грешный рай!

1850

Оренбург

*
**

Не молилась мать за сына,
Поклонов не клала,
А так себе, как случится,
Меня пленала,
Напевая: «Пусть растет он
Да здоровым будет!»
И вырос я, слава богу,
Да не вышел в люди.
Лучше мне бы не родиться
Либо утопиться,
Чем гневить в неволе бога,
Самому томиться.

А я ведь не казны богатой
Просил у бога! Только хату,
Лишь хатку мне в родном краю
Да два бы тополя пред нею,
Да горемычную мою,
Мою Оксаночку, чтоб с нею
Вдвоем глядеть с крутой горы
На Днепр широкий, на обрыв
Да на далекие поляны,
Да на высокие курганы,
Глядеть и думать и гадать:
Когда тут землю люди рыли?
Кого-то в ней похоронили?
И вместе тихо напевать
О рыцаре непозабытом,
О гетмане том знаменитом,

Которого живьем сожгли.
Потом бы мы с горы сошли
И над Днепром бы погуляли,
Пока не потемнели дали,
Пока мир божий не заснул,
Пока с вечернею звездю
Не встал бы месяц над горою,
Туман полян не затянул.
Мы б умилились, помолились,
А там бы ужинать пошли
В свою, а не в чужую хату.

Ты, господи, панам богатым
Даешь сады в своем раю,
Даешь высокие палаты,
Паны ж — и жадны и пузаты —
На рай твой, господи, плюют,
А нам и глянуть не дают
Из маленькой, убогой хаты.

В раю лишь хатку небольшую
Просил и до сих пор прошу я,
Чтоб умереть мне над Днепром,
Хоть на пригорке небольшом.

1850

Оренбург

*
**

Когда б вы знали, барчуки¹,
Где люди плачут от тоски,
То вы б элегий не писали
И бога б зря не восхваляли,
К нам равнодушно-жестоки.
За что, не знаю, называют
Там, в роще, хату тихим раем:
Я в хате мучился и рос,

---

¹ Стихотворение направлено против писателей буржуазно-либерального направления, которые в своих произведениях идеализировали жизнь крепостных крестьян, изображая деревню земным раем. Шевченко, в противовес этим лживым идиллиям, дает правдивую картину подневольной жизни крестьян.

И горечь самых первых слез
Я там изведаль. И не знаю,
Такое есть у бога зло,
Чтоб в этой хате не жило?
А хату раем называют!

Нет, хатку я не называю .
В укромной роще милым раем —
Там, над прудом, в конце села.
В ней мать моя мне жизнь дала
И, пеленая, напевала —
Свою тоску переливала
В дитя родное... В том краю
Я вырос в хате, и в раю
Я видел ад... Там гнет, забота,
Неволя, тяжкая работа
И помолиться не дают.
Там ласковую мать мою
Работа с горькою нуждою
Свели в могилу молодою.
Там, как стряслась у нас беда,
Наплакавшийся с нами вволю
Отец не вынес горькой доли,
В неволе умер. И тогда
Мы, как мышата, кто куда
Поразбежались. И при школе
Таскал я воду, братья там
Потом на барщину ходили,
Пока в солдаты не забрали.
А сестры! Сестры! Горе вам,
Мои голубки молодые!
Не тяжело ль вам на свет глядеть?
Росли в батрачках, всем чужие,
В батрачках сгорбитесь, седые,
В батрачках вам и умереть!

Доныне вспоминаю с дрожью
Ту хату на краю села!
Такие мы творим дела
В своем раю, великий боже,
На праведной земле твоей, —
Мы ад устроили на ней,

А молим о небесном рае.
Мы с братьями живем в ладу:
На них мы пашем в том аду,
Их потом землю поливаем.
А может быть, и то... не знаю,
Но, кажется, и сам еси...
(Ведь без твоей, господней, воли
В раю б не знать нам горькой доли!)
Ты, может, сам на небеси
Смеешься, господи, над нами
Да совещаешься с панами,
Как править миром? Ведь взгляни:
Вон роща, а в ее тени,
Как холст разостланный, сверкает
Средь буйной чащи чистый пруд.
И вербы зеленеют тут,
Тихохонько в пруду купают,
Склоняясь, ветки... Правда рай?
А расспроси-ка и узнай,
Что делается там, средь рая!
Там, верно, радость и хвала
За дивные твои дела
Тебе единому, всевышний!
Как бы не так!.. Хвалы не слышно,
Лишь кровь, да слезы, да хула —
Всему на свете, без изъятья...
Святого нет, хула всему...
Мне кажется, уже проклятья
Шлют люди богу самому!

1850

Оренбург

*
**

Огни горят, оркестр играет,
Оркестр рыдает, завывает.
Алмазом добрым, дорогим
Сияют очи молодые,
Блестят надежды золотые
В очах веселых — любо им,
Очам негрешным, молодым.

И все хохочут, все смеются,
И все танцуют. Только я
Гляжу, и слезы тихо льются.
О чем, о чем же плачу я?
О том, быть может, что тоскливо,
Как день дождливый, сиротливый,
Минула молодость моя.

1850

Оренбург

*
**

Неволя, или горе злое,
Иль пролетевшие года
Разбили душу? Иль с душою
Я вовсе не жил никогда?
А жил с людьми и опаскудил
И душу чистую?.. А люди!
(Смеются люди без стыда)
Зовут ее и молодою,
И непорочной, и святою —
Как вздумают... Из вас любой —
Мой враг! И лютый! Вы украли
И в грязь поганую втоптали
Алмаз мой чистый, дорогой —
Мою вчера святую душу!
А вам смешно! Не христиане!
От вашей грязи я заране
И грязным стал, и не узнать,
Бывал я чистым или не был,
Когда меня на землю с неба
К себе вы взяли и писать
Стихи дрянные научили.
Вы на дороге положили
Тяжелый камень и разбили
О камень, господу страхась,
Мне сердце, ставшее убогим,
А в прошлом — чистый мой алмаз!
Теперь иду я без дороги,
Без троп проторенных... А вы
Удивлены, что спотыкаюсь,

Что вас и долю проклиною.
И плачу тяжело и, как вы...
Души измученной чуждаюсь,
Своей неправедной души!

1850

Оренбург

*
**

Какого дьявола я трачу
Бумаги столько, перья, дни!
А иногда вдруг и заплачу,
Да как еще! Но не одни
Дела мирские тут причиной:
Я плачу, словно старичина,
Который, выпив, слезы льет,
Что в мире сиротой живет.

1850

Оренбург

*
**

Все снится мне: вот под горою
Белеет хатка над водою,
В тени под вербами стоит.
И все я вижу: дед сидит
Совсем седой и забавляет
Дитя кудрявое, ласкает
Родного внучка своего.
Все снится мне: неторопливо
Выходит мать, смеясь счастливо,
И деда и дитя свое
Три раза весело целует,
Малютку кормит и милует
И спать несет; а дед сидит,
Тихонько молвит, улыбаясь:
— Да где же это доля злая?
Печали эти да враги?

И старый шопотом читает,
Перекрестившись, О т ч е н а ш.

Сквозь вербы солнышко сияет
И тихо гаснет. День погас.
Все смолкло. Помолившись богу,
Побрел себе и дед к порогу.

1850

Оренбург

*
**

Опять настало время злое!..¹
А было доброе такое;
Мы собирались расковать
Невольников, разбить оковы...
Но глянть: опять струится кровь
Мужичья! Палачи в коронах,
Как псы голодные, за кость
Грызутся снова.

Новопетровский форт

НЕОФИТЫ²

Поэма

М. С. Щепкину

на память 24 декабря 1857 года³

Сия глаголет господь: сохраните суд и сотворите правду, приближися спасение мое прийти, и милость моя открытся.

Исайя, глава 56, стих 1

Любимец вечных муз и граций!
Я жду тебя и тихо плачу
И думу скорбную мою
Твоей душе передаю.

---

¹ Этот отрывок, вероятно, написан в 1854 году под непосредственным впечатлением от начавшейся Крымской войны.

² Неофиты (буквально «новообращенные») — здесь: первые христиане. Создавая острополитический памфлет, направленный против самодержавно-крепостнического строя, Шевченко нарочито перенес действие поэмы в древний Рим. Под Нероном, беспощадно преследующим неофитов, он подразумевает Николая I, а под праведниками-неофитами — декабристов и — шире — всех борцов за свободу.

³ В этот день друг Шевченко — артист М. С. Щепкин — приехал в Нижний, чтобы увидеться с поэтом, которому был запрещен въезд в столицу. К Щепкину обращено и вступление к поэме.

Так прими же благосклонно
Думу-сиротину,
Наш великий чудотворец,
Друг ты мой единый!
Если примешь — убогая,
Сирая, с тобою
Не потонет в водах Леты¹,
И огнем-слезою
Упадет она на землю,
И уроком станет
Угнетателям народным,
Грядущим тиранам.

Уже давно томлюсь в неволе
Я, как преступник, под замком.
На торный путь смотрю, на поле
Да на могильный крест. На нем
Сидит ворона. Из острога
Не видно дальше; славлю бога
Я и за то. Еще живет
И богу молится и мрет
Народ крещеный.

Крест высокий
Там на погосте у дороги,
Расписан золотом, стоит —
Не бедный, видно, там лежит!
На нем изображен распятый
За нас сын божий на кресте.
Спасибо сиротам богатым,
Что крест поставили. А я...
Такая, знать, судьба моя!
Сижу один и все гляжу я
На крест высокий из тюрьмы.
То погляжу, то повторю я
Слова молитвы, и тоска,
Как убаюканный ребенок,
Слегка притихнет. И тюрьма
Как будто шире; запева
И плачет сердце, оживает

---

¹ Лета — в греческой мифологии река забвения.

И бога и его святых
И праведников вопрошает:
Что он им сделал, тот святой,
Тот назарей¹, тот сын единый
Богоизбранницы Марии, —
Что он им сделал? И за что
Его, святого, истязали,
В цепи заковали
И главу его честную
Терном увенчали?
И с разбойниками вместе
На Голгофу стражи
Возвели и там распяли.
И за что? Не скажет
Ни всевышний седовласый,
Ни его святые
Помощники, поборники,
Кастраты немые!

Благословенная в женах,
Святая, праведная мати
Святого сына на земле!
Не дай в тюремной мне ограде
Свои года бесцельно тратить;
Пошли, скорбящих радость, мне,
Пошли свое святое слово,
Нетленной правды голос новый!
И слово разумом святым
И оживи и просвети!
Поведаю я людям горе
Той матери, что реки, море
Кровавых, горьких слез лила,
Как ты. О том, как приняла
В живую душу свет незримый
Распятого безвинно сына!..
Ты, мать бога на земле!
Ты слезы матери, страдая,
До капли пролила! Рыдаю,
Молю, рыдая: ниспошли,

---

¹ Назарей — Христос.

Подай душе убогой силу,
Чтоб огненно заговорила,
Чтоб слово пламенем зажглось,
Чтоб людям сердце растопило
И по Украине понеслось
И на Украине свято чтилось
То слово — божие кадило,
Кадило истины! Аминь.

I

Не в нашем крае, богу милом, —
При гетмане иль при царе, —
А при языческом дворе
То беззаконие творилось.
Кто был там, в Риме, — Деций-царь¹
Или Нерон — злой государь, —
Я точно не могу ответить.
Ну, скажем так: Нерон!

На свете

России не было тогда,
Когда в Италии росла
Подросток-девочка. Красною,
Своею прелестью святою
Она, как лилия, цвела.
Мать с гордостью на дочь глядела,
Сама, казалось, молодеда;
Искала мужа ей, нашла
И, помолившись Гименею
В своем веселом гинекее²,
В чужой веселый отвела.
И срок пришел тому свершиться,
И матерью отроковица
Уж стала. Сына родила,
Молилась горячо пенатам
И в Капитолий принесла
Немало жертв³. Она молила

---

¹ Деций — римский император, гонитель христиан.

² Гинекей — у древних греков женская половина дома.

³ На Капитолийском холме в Риме был расположен храм Юпитера и другие языческие храмы.

Капитолийский весь синклит,
Чтоб к первенцу благоволили
Святые идолы. Горит
И день и ночь огонь лампы,
Хранят ее очаг пенаты,
Алкидом¹ сын ее растет.
Растет... И льнут к нему гетеры
И перед образом Венеры
Лампы жгут.

II

Тогда всходила уж звезда
Над Вифлеемом². Правды слово,
Любви, учения святого
Звезда всемирная вошла
И мир и радость принесла
На землю людям. Фарисеи,
Вся мерзостная Иудея
Свой гнусный голос подняла,
Как гадов скопище в болоте,
И сына божия во плоти
На крест Голгофы возвела
С разбойниками вместе. Спали,
Упившись кровью, палачи, —
Твоею кровью. Ты в ночи
Восстал из гроба, слово встало,
И слово правды понесли
Вдоль всей невольничьей земли
Твои апостолы святые.

III

Как раз тогда, среди дубрав,
Алкид, гетеры молодые

---

¹ Алкид — сын Алкея, Гераклес, прославленный своими подвигами (греч. миф.).

² В Вифлееме (в Палестине), по христианской легенде, якобы родился Христос.

И козлоногий пьяный Фавн
Над самым Аппиевым трактом¹,
Одежды скинув, разлеглись,
Хмельным вином перепились
И жертвы принесли Приапу²,
Как вдруг апостол Петр идет:
Он в Рим шел с вестью преблагою,
Хотел водою ключевою
Он освежиться. — Благо вам! —
Сказал апостол утомленный
И оргию благословил.
И тихим, добрым, кротким словом
Поведал об ученье новом:
О правде, истине, добре,
Добре, что нет его превыше, —
О братолюбии. И, слыша
Слова святые, пьяный Фавн,
И сын Алкид твой, и гетеры
Склонились низко, до земли,
Перед Петром. И повели
На вечерю с собою в термы³
Они апостола...

IV

И в термах оргия. Горят
Чертоги пурпуром и златом.
Курятся амфоры. И рядом,
Едва не голые, стоят
Перед Кипридой девы, в лад
Возносят гимны. Приготовлен
Веселый пир, и возлегли
На ложах гости. Хохот, говор!..
Гетеры гостя привели
Седобородого. И слово

---

¹ Аппиев тракт — магистральная дорога, соединявшая Рим с югом Италии.

² Приап — в античной мифологии сын Вакха и Афродиты, бог виноградников, огородов и полей.

³ Термы — бани. В древнем Риме бани были местом собраний.

Из уст апостола святого
Елеем дивным потекло.
И стихла оргия. А жрица
Киприды, оргии царица,
Поникла радостным челом
Перед апостолом. И встала,
И гости, бросив шумный пир,
Вслед за апостолом пошли
Вниз — в катакомбы. И любимый
Твой сын Алкид пошел за ними
И за апостолом святым,
Как за учителем своим.
Оставив домик свой убогий,
Ты вышла из лесу к дороге,
Чтоб встретить сына. Даль темна...
Нет сына больше! Ты одна
Помолишься своим пенатам,
С тобой за трапезою рядом
Никто не сядет... Проклинать
Судьбу ты будешь и рыдать,
И так состаришься! И — горе! —
Как прокаженная в беде
Умрешь, забыта!

v

На кресте
Повесили вниз головою
Петра-апостола, а их,
Их — неофитов — в Сиракузы¹
В оковах отвезли. И сын,
Твой сын Алкид, дитя родное,
Единственное, дорогое,
Любовь единая твоя, —
Гниет в неволе в кандалах.
А ты, скорбящая, не знаешь,
Где он страдает, погибает, —
Идешь искать его в Сибирь,
Иль как там... в Скифию... И ты...

---

¹ Сиракузы — город на острове Сицилия, служивший в Римской империи местом ссылки.

Одна ты разве? Богоматерь
Спаси от бед вас и укрой!
Нет ни одной семьи иль хаты
И нету ни сестры, ни брата,
Чтоб слезы не лились рекой,
Чтобы не мучились в тюрьме
Или в далекой стороне
В британских, галльских легионах
Их не терзали в дни Нерона.
Нерон жестокий! Божий суд,
Внезапный, праведный, в дороге
Тебя застигнет. Приплывут
И прилетят — на белом свете
Их много — мученики, дети
Святой свободы. Вкруг одра,
Вкруг смертного одра предстанут
В оковах. И... тебя простят:
Они ведь братья, христиане,
А ты — мучитель, во сто крат
Собаки хуже ты!

VI

Кишат
Невольниками Сиракузы —
В подвалах, в тюрьмах. А медуза¹
И голытьба в трактире спят.
Но скоро грозная восстанет
И кровью вашею, тираны,
Похмелье справит.
Мать повсюду
Искала сына. Не нашла...
И в Сиракузы приплыла.
И там уже его в оковах
Нашла, несчастная, в тюрьме.
Но к сыну мать не допускали.
И у острога на бульваре
Должна сидеть. И ждать, и ждать,

---

¹ Медуза — в античной мифологии змееволосая дева, от взгляда которой люди превращались в камень. Здесь — олицетворение мести.

Как милости, пока опять
Погонят стражи сына мимо,
Закованного, в кандалах,
Мести бульвар.

    Был праздник в Риме,
Великий праздник! Тьма народу,
Со всех окраин воеводы,
Преторианцы¹ и сенат,
Жрецы и ликторы² стоят
Вкруг Капитолия. И хором
Возносят гимны, вьется дым
Из медных амфор. За собором
Идет сам кесарь. Перед ним
Из бронзы статую литую
Его же — кесаря — несут.

VII

Сомнительной была затея,
Что выдумали богатеи
И мудрый кесаря сенат.
Нерона знать превозносила
Так, что самим уже претило
Ничтожность эту прославлять,
И чтобы напрямик сказать,
Они советом присудили:
Нерона-кесаря назвать
Самим Юпитером и — все там!
И написали воеводам
По всем краям: мол, так и так,
Отныне кесарь равен богу!
И дали мастеру ковать
Из бронзы кесаря, и сбоку
(Так, нота бене, на полях)
Прибавили, что идол будет
Прощать и миловать. И люди,
Как птицы в южные края,
В Рим потянулись. Приплыла

---

¹ Преторианцы — личная гвардия римского императора.

² Ликторы — почетная стража высших чинов в древнем Риме.

Из Сиракуз и мать Алкида
Просить у кесаря защиты.
Она одна ли? Нет, о боже!
Пришли их тысячи в слезах,
Пришли издалека...

О горе!

Кого вы умолять пришли?
Кому вы слезы принесли,
К кому в несчастье и позоре
Пришли с надеждой? Горе! горе!
Рабы незрячие! Кого,
Кого вы молитесь, благие,
Рабы незрячие, слепые?
Палач не слышит ничего!
Лишь бога истинного чтите,
Молитесь правде на земле,
Другим богам не возносите
Своей молитвы! Все обман:
И поп и царь...

VIII

Перед Нероном,
Пред этим новым божеством,
Вчера молитвенно склонялась
Вся знать — и щедро изливалась
Вчера господня благодать.
Тем — деньги, тот — повышен в чине,
Тому — аренда в Палестине,
Подручным кое-что; тому —
Благоволили лично дать
Свою наложницу в супруги.
Подержанную? Что ж такого!
Зато от кесаря! Другого
Сестру благоволили взять
К себе в гарем. И тут дурного
Нет ничего: должны без слова
Себя под бога подстилать,
Не только близких...
Преторианцы помолились —
Преторианцам дан указ,

Чтоб всё, что захотят, творили,
А мы — помилуем уж вас.
А вам, плебеи-гречкосеи,
Хоть и молились вы, не ждать
Помилованья. Не умеют
Вам даже милость оказать!

IX

На третий день лишь разрешили
Молить царя за христиан.
Ты приходила и молилась,
И милосердный истукан
Из Сиракуз велел доставить
В Рим заключенных христиан.
Весела ты и довольна,
Без конца готова
Ты Юпитеру молиться,
А кумир твой новый
Удивительный затеял
Праздник в Колизее¹.
Ты увидишь! А покуда
Иди же скорее
Сына встретить. Да не слишком
Радуйся ты много:
Ты еще его не знаешь —
Ласкового бога!
В это время с матерями
Вышла мать Алкида
Встретить лаской и дарами
Сына. Позабыты
Все обиды. Ты у Тибра
Тихо напеваешь
И кесаря-Юпитера
Хвалишь-прославляешь:
«Вот Юпитер так Юпитер!
Не зря носит титул
Юпитера, я-то сдуру

---

¹ Колизей — огромный цирк в древнем Риме, место массовых зрелищ.

Принесла молитву
В храм Юпитера афинский».
И, идя дорогой,
Втихомолку помолилась
Кесарю, как богу.
И пошла тропою вязкой,
Взор на Тибр бросает,
А по Тибру из-за леса
Барка выплывает
Иль галера. На галере
Увидала сына
С неофитами в оковах,
А твой сын безвинный
К мачте накрепко прикован.
Неофит ли новый?
Нет, апостол великого,
Пламенного слова.
Вот какой он! Иль не слышишь,
Как поет в цепях он,
Твой страдалец:

«Новый мы псалом владыке
И новую славу
Воспоем честным собором,
Сердцем нелукавым.
Воспоем псалом, в тимпаны
Громко ударяя,
Как карает бог неправых,
Правым помогает.
Преподобные во славе
И на тихих ложах
Радуются, славословят,
Хвалят имя божье.
Меч, в руках святых двуострый,
Защищает веру,
На отмщение языкам,
Людям для примера.
Закуют царей несытых
В железные путы
И оковами двойными
Руки им окрутят.

И неправедных осудят
Осуждением правым,
И навеки будет слава,
Преподобным слава!»

Х

А ты на берегу стояла,
Как будто темная скала,
Не слушала и не рыдала,
Лишь «аллилуйя» вознесла,
Покуда христиане пели.
Оковы звонко загудели
На неопитах. Твой же сын,
Любимый твой, апостол новый,
Перекрестившись, возгласил:

— Молитесь, братия, молитесь
За злого палача! Его
В своих молитвах помяните;
Перед гордынею его
Своих колен не преклоните!
Молитва — богу! А Нерон...
Пусть на земле владыка он,
Пускай пророков убивает,
Пускай он всех нас распинает,
Уже зачаты внуки те,
Что станут некогда мужами,
Не мстителями-палачами —
Святою ратью во Христе!
И без огня и без ножа
Стратеги божии восстанут
И тьму язычников поганых
Своей молитвой сокрушат!
Молитесь, братия! —

Молились,
Молились пред святым крестом
Закованные неопиты,
Молились радостно. Хвала!
Хвала вам, души молодые,
Хвала вам, рыцари святые,
На веки вечные хвала!..

XI

И в Рим галера приплыла.
Прошла неделя. Пьяный кесарь,
Постригший сам себя в Зевеса,
Справлял Зевеса юбилей.
Ликует Рим. Везут к кумиру
Возами ладан, смирну, мирру
И к Колизею христиан
Гуртами гонят. Кровь струится,
Как будто в бойне. Весел Рим!
И гладиатор и патриций
От крови пьяны. Кровь и дым
Их упоил. Остатки славы
Рим пропивает, тризну правит
По Сципионам¹. Гнусный, злой,
Развратный старец, наслаждайся
В своих гаремах! Из-за моря
Уже встает звезда и вскоре
Не громом праведным, святым
Тебя сразит — ножом тупым
Тебя зарежут, как собаку,
Иль обухом убьют!

XII

Два дня
Ревет арена. На арене
Лидийский золотой песок
Уже пурпурным стал болотом,
Невинной кровью обагрясь,
А сиракузских назареев
Еще не видно в Колизее.
На третий день их всех в оковах
С мечами наголо на бойню
Толпою стража привела.
Арена ревом изошла.
А сын твой гордо на арену

---

¹ Сципионы, старший и младший (III—II века до нашей эры), — римские полководцы.

С псалмом молитвенным ступил.
И пьяный кесарь, брызжа пеной,
Захохотал. И леопард
Из ямы выскочил на сцену,
Сверкнул глазами... Полилась
Святая кровь. По Колизею
Раскатом грома пронеслась
И стихла буря.

Где ж была?

Где скрылась ты? Была ль готова
Тогда на кесаря святого
Ты броситься? Иль знала ты,
Что в три шеренги окружили
Зевеса ликторы? За ним,
Твоим Юпитером святым,
Уж дверь железную закрыли,
И вот — осталась ты одна.
Одна, отчаянье во взоре.
И что ты можешь? «Горе, горе!
О горе страшное мое!
Как жить без сына, без Алкида,
Что буду делать? Кто защитой,
Опорой будет?..» Непокрытой
Седую, старой головой
Она об каменную стену
Ударилась и трупом пала
У самой двери.

ХIII

Возвратясь из цирка к ночи,
В термах укрывался
Кесарь под охраной стражи.
Колизей остался
Без кесаря и без римлян
И точно заплакал
Одинокий. Как вершина
На́ поле чернеет
Колизей тот среди Рима...
Тихо, тихо вест

Из-за Тибра, из Альбано¹
Ветерок над Римом,
А над черным Колизеем,
Словно в легком дыме,
Выплыл месяц круглолицый.
Мир весь первозданный
Опочил на лоне ночи,
Только мы — Адама
Преступные, злые чада —
Отдыха не знаем
Ни на миг, до самой смерти,
В утраченном рае.
Мы грыземся, как собаки,
За кусок червивый
И тебя еще ругаем,
Праотец ленивый!..

XIV

Еле сном забылась
Чуть живая мать-старуха,
Дремлющие силы
Сила ночи оживила.
Встала, походила,
У ворот закрытых
Что-то все шептала.
Не кесаря ли святого
Тайно проклинала?
Может быть, и так. Тихонько
К воротам подкралась,
Послушала, усмехнулась
И пробормотала
Про себя чуть слышно что-то...
У ворот присела,
Пригорюнилась. И вскоре
Открылись ворота,
И потянулись вереницей
Из Колизея колесницы
На Тибр. И повезли тела,

---

¹ Альбано — городок близ Рима.

Как с бойни туши... А телами
Святых, растерзанных зверями,
Рабы для царского стола
Кормили рыбу.

Мать Алкида
Вдруг огляделась, поднялась,
Взялась за голову руками
И тихо, молча за возами,
Как черный призрак, побрела.
Возницы — скифов серооких
Потомки и рабов рабы —
Подумали: сестра Морока ¹
Из пекла вышла провожать
Обратно римлян. И швырнули
В пучину трупы и назад
С возами скифы повернули.
И вот осталась ты одна
У Тибра. Пристально следила,
Как расходились и сходились
Круги широкие над ним,
Над сыном праведным твоим!..
Смотрела ты, пока не стала
Совсем спокойною вода,
И засмеялась ты тогда,
И тяжело, страшно зарыдала,
И помолилась в первый раз
За нас распятому.

И спас
Тебя распятый сын Марии,
И ты слова его живые
В живую душу приняла,
По торжищам, дворцам, чертогам
Живого, истинного бога
Ты слово правды понесла.

8 декабря 1857 г.

Нижний Новгород

---

¹ Морок — скифский Плутон [бог подземного царства].
(Примеч. автора.)

Ю Р О Д И В Ы Й ¹

Во дни фельдфебеля-царя ²
Капрал Гаврилович Безрукий ³
И унтер пьяный Долгорукий ⁴
Украиной правили. Добра
Они немало натворили,
Немало лбов они забрали,
Сатрапы эти, унтера.
А пуще стриженный Гаврилыч
С ефрейтором ⁵ своим лихим,
И юрким, и отменно злым
Уж так народ замуштровали,
Что сам фельдфебель восторгались
И маршировкой и другим
И «благодарны пребывали ⁶
Всегда к ефрейторам своим».
А мы глядели и молчали,
Почесывали молча лбы.
Немые, подлые рабы,
Подстилки царские, лакеи
Капрала пьяного! Не вам,
Не вам, наряженным в ливреи,
Доносчики и фарисеи,
За правду и свободу стать!
Нет, вы учились распинать,
А не любить родного брата!
Когда издохнешь ты, проклятый
И суетный, лукавый род?

---

¹ Отрывок из неоконченной поэмы Шевченко, посвященной, по видимому, ссылке декабристов в Сибирь. Происшествие, о котором здесь рассказывается, основано на факте, о чем свидетельствует запись Шевченко в «Дневнике» от 19 июля 1857 года.

² Шевченко называет Николая I фельдфебелем-царем.

³ Капрал Гаврилович Безрукий — Дмитрий Гаврилович Бибииков, киевский военный губернатор и генерал-губернатор Юго-Западного края, то-есть Киевской, Подольской и Волынской губерний. В одном из сражений потерял руку, поэтому Шевченко называет его Безруким.

⁴ Долгорукий Н. А. — генерал-губернатор харьковский, полтавский и черниговский.

⁵ Правитель канцелярии Бибиикова — Писарев, славившийся взяточничеством.

⁶ Шевченко пародирует стиль царских манифестов.

Когда дождемся Вашингтона¹
И справедливого закона?
Но мы дождемся, он придет!
Не сотни вас, а миллионы
Полян, дулебов и древлян²
Гаврилыч гнул во время оно;
А вас, любимых киевлян,
И вас, нарядных киевлянок,
Своим профосам³ отдал пьяным
Он в рабство, тот сатрап-капрал, —
Вам все равно. Но между вами
Нашелся все ж чудак упрямый,
Такой смешной оригинал,
Что в морду засветил капралу⁴
И даже в церкви. И пропало,
Как на собаке.
Глупцы, и вам бы на него
Тогда пойти бы с рогачами,
А вы струхнули...

Так-то так!

Нашелся все ж таки казак
Из миллиона свинопасов —
Все государство оглушил:
Сатрапу в морду засветил!
Вы ж, юродивые, тем часом,
Пока прихварывал капрал,
Вы объявили юродивым
Святого рыцаря! А бы вы й⁵

---

¹ Вашингтон (1732—1799) — первый президент Соединенных Штатов Америки, военачальник американской армии во время освободительной войны с Англией. Имя Вашингтона было очень популярно в кругах русской и украинской демократической интеллигенции.

² Древнеславянские племена на территории нынешней Украины. Здесь — украинцы.

³ Профосы — солдаты, в обязанность которых входила очистка отхожих мест; в переносном смысле — мерзавцы, прохвосты.

⁴ Шевченко в «Дневнике» вспоминает об этом происшествии: «...какой-то подчиненный ему (Писареву. — *Ред.*) чиновник публично в церкви во время обедни дал ему пощечину. И после этой истинно торжественной сцены неизвестно куда скрылся так громогласно уличенный взяточник».

⁵ Бы вы й — славянская форма слова «бывший». Речь идет о Николае I.

Фельдфебель ваш, Сарданапал¹,
Назначил каторгу святому,
А сам к побитому седому
Сатрапу «неизменно» был
Преблагосклонным.

Бури, грома
Не получилось. И драму
На свалку, в выгребную яму
Тихонько вынесли. А я...
О ясная звезда моя!
Ведешь меня, освобождая,
Ты прямо к свалке Николая
И светишь и горишь над ним
Огнем невидимым, святым,
Животворящим. И горою
Встают из гнили предо мною
Его безбожные дела...
Безбожный царь, носитель зла,
Гонитель правды, зверь жестокий!
Что натворил ты на земле!
А ты, всевидящее око,
Видало ль ты, взнесясь высоко,
Как сотнями в оковах гнали
В Сибирь невольников святых?²
Как истязали, распинали
И вешали? А ты не знало?
Глядело сверху ты на них
И не ослепло?! Око, око!
Не очень видишь ты глубоко!
Ты спишь в ките, а цари —
Да чур им, тем царям кровавым
И всем жестоким их забавам!
А я помчусь туда, в Сибирь,
И за Байкалом гляну в горы,
В пещеры темные и норы —
Без дна, глубокие, и вас,
Поборники священной воли

---

¹ Сарданапал — древнеассирийский царь, отличавшийся жестокостью.

² Речь идет о декабристах, томившихся в Сибири

М. С. Щепкин.
Карандаш, 1858 г.

Айра Олдридж.
Карандаш, 1858 г.

Из мрака, смрада и неволи
Царям и людям напоказ,
На свет вас выведу я снова
Рядами длинными, в оковах.

1857

Нижний Новгород

ДОЛЯ

Ты не лукавила со мною;
Ты другом стала и сestroю
Мне, бедному. Меня взяла
Ты за ребяческую руку
И к пьяному дьячку свела
И отдала ему в науку.
— Учись! Когда-нибудь, малыш,
И выйдем в люди, — ты сказала.
Я и послушался, глядишь —
И выучился. Ты ж солгала.
Да что! Куда уж в люди нам!
Мы не лукавили с тобою,
Мы прямо шли, и ни зерна
У нас неправды за собою.
Пойдем же, долюшка моя,
О друг мой бедный, нелукавый,
Пойдем же дальше: дальше слава,
А слава — заповедь моя.

1858

Нижний Новгород

МУЗА

А ты, пречистая, святая,
Подруга Феба ¹ молодая!
Меня ты на руки взяла
И в даль степную унесла,
И на кургане среди поля,
Как волю, чистое раздолье,
Седым туманом повила,

---

¹ Феб (Аполлон) — в античной мифологии бог солнца, поэзии и искусства.

И пеленала, и ласкала,
И чары деяла... И я...
Мой друг, волшебница моя!
Ты мне повсюду помогала,
Заботой нежной окружала.
В степи безлюдной и немой,
В далекой неволе
Ты сияла, красовалась,
Как цветок средь поля!
Из казармы душной, грязной
Чистою, святою
Пташечкою вылетела —
И вдруг надо мною
Полетела и запела...
Золотые крылья
Животворною водою
Душу окропили.

И я живу, и надо мною
Своею божьей красотою
Сияешь ты, звезда моя,
Моя наставница святая!
Моя ты доля молодая!
Не оставляй меня. В ночи,
И днем, и в утреннем тумане
Ты надо мной витай, учи,
Учи нелживыми устами
Вещать лишь правду в наши дни,
Молитвой сердце облегчая.
Когда ж умру, моя святая,
Моя родная, — схорони
Сама ты горемыку-сына
И хоть слезу, мой друг единый,
Из глаз бессмертных урони.

*9 февраля 1858 г.
Нижний Новгород*

С О Н

Она на барском поле жала
И тихо побрела к снопам —
Не отдохнуть, хоть и устала,
А покормить ребенка там.

В тени лежал и плакал он.
Она его распеленала,
Кормила, нянчила, ласкала —
И незаметно впала в сон.

И снится ей житьем довольный
Ее Иван... Пригож, богат...
На вольной, кажется, женат —
И потому, что сам уж вольный...

Они с лицом веселым жнут
На поле собственном пшеницу,
А детки им обед несут...
И тихо улыбнулась жница.

Но тут проснулась... Тяжко ей!
И, спеленав малютку быстро,
Взялась за серп — дожать скорей
Урочный сноп свой до бурмистра ¹.

1858

Петербург

*
**

Я, чтоб не сглазить, не хвораю ²,
Но за собою замечаю —
Неладно с сердцем у меня.
Как бы голодное дитя,
Чего-то ждет оно, рыдает,
Не спит. Быть может, ожидает
Дурного? Доброго не жди —
Напрасно воли поджидаем:
Придавленная Николаем,
Заснула. Чтобы разбудить
Беднягу, надо поскорее
Обух всем миром закалить
Да наточить топор острее
И вот тогда уже будить.
А то, пожалуй, так случится —
До страшного суда заспится, —
Паны помогут крепко спать:

---

¹ Бурмистр — приказчик, доверенный помещика.

² Это стихотворение написано под непосредственным влиянием идей русских революционных демократов, особенно Чернышевского.

Всё будут храмы воздвигать
Да пьяного царя родного
Да византийство¹ прославлять,
И не дождемся мы другого.

22 ноября 1858 г.
Петербург

МАРКУ ВОВЧКУ²

В память 24 января 1859 года³

Недавно за рекой Уралом
Скитаясь, небо я молил,
Чтоб наша правда не пропала,
Чтоб наше слово не смолкало;
И вымолил. Господь явил
Тебя нам, кроткого пророка
И обличителя жестоких
И ненасытных. Свет ты мой!
Моя ты зоренька святая!
Моя ты сила молодая!
Гори, сияй и надо мной,
И оживи мое, свет тихий,
Истерзанное сердце лихом,
Голодное... И оживу
И думу вольную на волю
Из гроба к жизни воззову,
И думу вольную... О доля!
Моя ты дочь! Поборник воли!
Твоею думу назову.

17 февраля 1859 г.
Петербург

---

¹ Так революционные демократы называли самодержавно-крепостнический режим России.

² Марко Вовчок — псевдоним известной писательницы демократического направления Маркович Марии Александровны (1834—1907), писавшей свои рассказы и романы на украинском и русском языках. В своих произведениях Марко Вовчок изображала крепостнический быт, разоблачая помещиков-деспотов и выражая сочувствие угнетенным крестьянам. Поэтому Шевченко называет ее «обличителем жестоких и ненасытных», то-есть крепостников.

³ День встречи Шевченко с М. А. Маркович после приезда ее из Немирова в Петербург.

ИСАИЯ¹, ГЛАВА 35

Подражание

Радуйся, нива неполитая!
Радуйся, земля неповитая,
Цветущая злаком! Распустись,
Благою розой расцвети!
И вся в цвету, благоуханна,
Будь словно берег Иордана²
В зеленых поймах и росе.
Да будет вправду не лукава
Кармила и Ливана³ слава!
Да празднуют созданья все
Тот златотканый, хитросшитый,
Добром и волею подбитый
Твой омофор⁴ в земной красе,
Чтобы слепцы твои прозрели,
На божьи чудеса смотрели!

Рабских рук изнеможенных
Пройдет утомленье,
И закованные в цепи
Отдохнут колени.
Радуйся же, нищий духом,
Не чуждайся дива!
Судит бог, освобождает
Долготерпеливых,
Вас, убогих! Воздаст он
Злодеям за злая⁵.

Лишь только, господи, святая
На землю правда прилетит
И краткий отдых возвестит, —
Слепцы прозреют, а хромые,
Как серны из лесу, умчатся,
Немых отверзнутся уста,
Прорвется слово, как вода,

---

¹ Исаия — библейский пророк, бичевавший жадность и себялюбие богатых.

² Иордан — река в Палестине.

³ Кармил и Ливан — горные местности в Палестине.

⁴ Омофор — часть облачения епископа, надеваемая на плечи.

⁵ За злое (церковнославянская форма).

И ширь пустыни неполитой,
Водой целебною омытой,
Очнется к жизни. Потекут,
Взыграют реки, а озера
Вокруг лесами порастут,
Весельем птичьим оживут.

Оживут озера, степи —
И не верстовые,
А широкие, как воля,
Дороги святые
Опояжут мир. Не сыщут
Тех дорог владыка;
Но рабы на тех дорогах
Без шума и крика
Братски встретятся друг с другом
В радости веселой —
И пустыней завладеют
Веселые села.

25 марта 1859 г.

Петербург

СЕСТРЕ¹

Минуя нищенские села,
Леса, поля пустые, доли,
Я думал:
«Что же я брожу?
Что ждет меня на белом свете?..»
И снится сон мне: я гляжу —
И вижу сад в весеннем цвете,
И домик на горе стоит,
Как дева, что к венцу убрали...
А Днепр синей казацкой стали
На вешнем солнышке горит.
Гляжу — в саду зеленом этом,
Горячим солнышком пригретом,

---

¹ Это стихотворение посвящено младшей сестре поэта, Ярине. Шевченко любил свою сестру и близко принимал к сердцу ее подневольную жизнь.

Под вишнями моя сестра,
Многострадалица святая,
Сидит, как будто в куцах рая,
И глаз не сводит со Днепра,
Меня, беднягу, поджидая.
И мнится ей, что выплывает
Из-за волны мой челн... Плывет,
Плывет и тонет в бездне вод.
«Мой брат, мой брат! Моя ты доля!»
И мы проснулись оба: ты —
На барщине, а я — в неволе¹.

Нам сызмальства пришлось идти
Пустою и колючей нивой.
Молись, сестра! Коль будем живы,
То бог поможет перейти!

1859

Черкассы

* * *

Я, глупый, размышлял порою,
Я думал: «Горюшко со мною!
Как на земле мне этой жить?
Людей и господ хвалить?
В грязи колодою гнилою
Валяться, стариться и гнить,
Уйти, следа не оставляя
На обворованной земле?..»
О горюшко! о горе мне!
Где спрятаться — и сам не знаю:
Везде пилаты² распинают,
Морозят, жарят на огне!

21 июля 1859 г.

Черкассы

---

¹ Во время пребывания на Украине в 1859 году Шевченко был арестован и временно заключен в черкасскую тюрьму, где он написал это стихотворение. Шевченко вынужден был срочно выехать с Украины в Петербург.

² Пилат — по евангельской легенде, правитель Иудеи, отдавший на распятие Христа. Шевченко называет пилатами царских прислужников.

ПОДРАЖАНИЕ

Эдуарду Сове¹

Посажу у дома, к югу,
На память подруге
И яблоньку и грушеньку —
На память супруге.

Бог даст, вырастут. Подруга
Сядет на досуге
В холодке под ними. С нею
Детки шумным кругом.

Деткам спелых груш нарву я,
Раздам им целуя.
Подруженьке, супруженьке
На ухо шепну я:

— Я сажал деревья эти
В день своей женитьбы.
Счастлив я! — Я тоже, милый! —
Так вот жить и жить бы!

*19 ноября 1859 г.
Петербурга*

*
**

Ой ты, темная дуброва!
У тебя обновы
Трижды в год... Богаты, видно,
Сундуки отцовы.
Разукрасит тебя старый
Зеленым покровом,
А сам глядит-любуется
Своею дубровой...
Насмотревшись на милую
Дочку молодую,
Возьмет ее закутает
В ризу золотую

---

¹ Стихотворение посвящено польскому поэту Антонию Сове (Эдуарду Желиговскому; 1816—1864), с которым Шевченко познакомился в ссылке и потом встречался в Петербурге.

И укроет дорогою
Белой пеленою,
Да и ляжет, утомившись
Заботой такою.

*15 апреля 1860 г.
Петербург*

МОЛИТВА¹

Царям, всесветным шинкарям,
Дукаты, талеры, рубли
И путы лютые пошли!

Рабочим головам, рукам
Средь обокраденной земли
Свою ты силу ниспошли.

Мне ж, сыну горестной земли,
Поддай любовь, сердечный рай,
И бóльших благ мне не давай!

*24 мая 1860 г.
Петербург*

Царей, кровавых шинкарей,
Ты люто путами окуй,
В глубоком склепе замуруй!

Рабочим людям, всеблагий,
Сынам ограбленной земли
Свою ты силу ниспошли!

А чистых сердцем — возле них
Поставь ты ангелов своих,
Чтоб чистоту их соблюли!

---

¹ Шевченко неоднократно обращался к сюжетам, темам и образам из «священного писания». Он это делал для того, чтобы обойти цензурные преграды и донести до читателя хотя бы в скрытом виде революционный смысл своих стихотворений. Так и в этом цикле стихов «Молитва» поэт, якобы обращаясь к бсгу, выражает ненависть к царизму.

Мне ж, господи, любовь полай
К заветам праведным земли
И друга верного пошли!

*25 мая 1860 г.
Петербург*

Злоначинающих сдержи,
Их люто в путы не закуй,
В глубокий склеп не замуруй!

А доброзидущим рукам
И укажи и помоги,
Святую силу ниспошли!

А чистых сердцем? Возле них
Постави ангелов своих
И чистоту их соблюди.

А всем нам, детям сей земли,
Единомыслие подай
И братолюбие пошли.

*27 мая 1860 г.
Петербург*

Тем несатым очам,
Тем царям-божествам
Корабли, и плуги,
Все богатства земли,
И хвалы, и псалмы —
Этим мелким божкам!

Работающим умам,
Работающим рукам
Целину поднимать,
Думать, сеять, не ждать,
Что посеяно — жать
Работающим рукам.

Кротким сердцем, простым,
Миролюбцам святым,

Царь небес и земли, —
Долголетье живым
И усопшим твоим
Рай небесный пошли!

Все на свете — не нам,
Все богам, все царям!
Корабли и плуги,
Все богатства земли,
Друг мой милый... А нам...
Нам любовь меж людьми!

31 мая 1860 г.

Петербург

*
**

Над днепровскою водою
Стоит явор меж лозою,
Меж лозою-лозиною
И красною калиною.

Берега стремнина роем,
У явора корни моет.
Стоит явор над обрывом,
Над обрывом, над заливом,

Словно тот казак чубатый,
Что без тына и без хаты,
Без жены без черноокой —
Поседеет одинокий.

Явор молвит: — Наклонюся,
В Днепр студень окупюся! —
Казак молвит: — Погуляю —
Может, люблю повстречаю.

А калина с лозиною
По-над синей стремниною
На ветру легонько гнутся,
Словно девушки смеются:

Разубр́аны, расцвечёны,
С долей-счастьем обручёны,
Горькой думушки не знают —
Вьются-гну́тся, распевают.

1850

Петербур́га

*
**

Свете ясный! Свете тихий! ¹
Свете дивный! Свете вольный!
Что ты гибнешь, свете брате,
В золотой церковной хате,
    Обманутый, закованный,
    Поруганный, оплеванный,
Багряницами закрытый
И распятием добитый?

Не добитый! Встрепенися
Да над нами засветися!
Засветися!.. Будем лучше
С багряницы драть онучи,
Из кадил табак курить,
Печь иконами топить...
А кропилом будем, брате,
Пол мести в родимой хате!

20 июня 1850 г.

Петербур́га

*
**

Ни Архимед, ни Галилей ²
Вина не видели. Елей
Достался чернецам смиренным.
А вы везде, по всей вселенной,
Предтечи светлые, пошли
И кроху хлеба понесли

---

¹ Стихотворение направлено против религиозного культа православной церкви.

² Это стихотворение, проникнутое острой революционной мыслью, нарочито зашифровано поэтом, так что начало стихотворения не нашло до сих пор истолкования.

Царям убогим. Будет бито
Посеянное ими жито!
А люди вырастут. Умрут,
Еще не зачаты, царята,
И на веселой той земле
Врага не будет, супостата,
А будут сын и мать. Тогда-то
Лишь люди будут на земле.

1860

Петербурга

Л.¹

Поставлю хату — не палаты,
Зеленый садик посажу.
И посижу и похожу
В моем владенье небогатом.
А в тишине, наедине
С самим собой, так сладко спится.
Во сне приснятся дети мне,
И мать веселая приснится.
Давно забытый, молодой
Приснится сладкий сон. И ты,
И ты приснишься мне. В земной
Мой рай войдешь ты незаметно
И натворишь беды. Заветный
Сожжешь ты рай спокойный мой.

27 сентября 1860 г.

Петербург

*
**

И молодость моя минула,
И от надежд моих дохнуло
Холодным ветром. Зимний свет!
Сидишь один в дому суровом
И не с кем даже молвить слова

---

¹ Л. — Ликерия Полусмакова, крепостная, служившая горничной в Петербурге. Шевченко хотел жениться на ней, но брак не состоялся.

Иль посоветоваться. Нет,
Ну никого совсем уж нет!
Сиди один, пока надежда
Глупца обманет, засмеет,
Глаза морозом закует
И гордость дум, что были прежде,
Как снег, развеет по степи.
А ты сиди в углу, терпи,
Не жди весны — счастливой доли,
Она уж не вернется боле,
Чтоб садик твой позеленить,
Твою надежду обновить
И мысль свободную на волю
Не сможет выпустить. Сиди,
Сиди и ничего не жди!

18 октября 1850 г.

Петербург

*
**

Хотя лежачего не бьют ¹,
Да и покою не дают
Ленивому... Тебя ж, о сука,
И сами мы, и наши внуки,
И люди миром проклянут!
Не проклянут, а только плюнут
На тех раскормленных щенят,
Что ты щенила. Мука! Мука!
О скорбь моя, моя печаль!
Когда ты сгинешь? Или псами
Цари с министрами-рабами
Тебя затравят, изведут?
Не изведут! А люди тихо
Без всякого лихого лиха
Царя на плаху поведут.

20 октября 1860 г.

Петербург

---

¹ Стихотворение написано по поводу смерти вдовы Николая I — Александры Федоровны, которую Шевченко высмеял еще в 1844 году в поэме «Сон». Царица отличалась жестокостью и заслужила ненависть в народе.

*
**

Куда ни глянешь — все постыло!
Душа с зарей глаза открыла;
Чуть попряла и прилегла
Вздремнуть, забыв о доле тяжкой,
А воля душу стерегла.

— Проснись, — сказала, — плачь,
бедняжка!
Не встанет солнце. Мир во мгле!
И правды нету на земле!

Дурная воля обманула
Тебя, душа: заря встает
И за собою день ведет.
Уж смущены тревожным гулом
Цари в своем всеильном зле...
И будет правда на земле!..

1860
Петербург

*
**

О люди, люди, в вечном мраке!¹
На что вам надобны цари?
На что вам надобны псари?
Ведь люди ж вы, а не собаки!

Ночь, гололедица, и слякоть,
И снег, и холод. И Нева
Куда-то вдаль, струясь едва,
Проносит мелкий лед под мостом,
И я той ночью же иду
И кашляю на холоду.
Гляжу: как жалкие ягнята,

---

¹ В этом стихотворении Шевченко описывает, как из сиротского приюта под присмотром сторожа гонят девочек на похороны царицы Александры Федоровны, вдовы Николая I. Царица считалась попечительницей сиротских приютов, поэтому Шевченко иронически ее называет «матерью» голых и голодных сирот.

Бредут убогие дивчата,
А (инвалид несчастный) дед
Трусит за ними, ковыляет,
Как будто в хлев он загоняет
Чужое стадо... Где же свет?
И где же правда? Горе! Горе!
Голодных, голых, в злом позоре,
Сирот («последний долг отдать») —
Туда, где возлегает «мать», —
Дивчаток гонят, как отару!
Наступит суд, придет ли кара
Для всех царей, царьков земли?..
И правда ль будет меж людьми?..
Да! Ибо солнце, правде внемля,
Сожжет поруганную землю!

1860

Петербург

*
**

Было бы сесть с кем, хлеба съесть с кем,
Промолвить слово б довелось,
Тогда еще на этом свете
Хотя бы как-нибудь жилось.
Да нет, куда там! Свет широкий,
Людей на нем не сосчитать,
А доведется одиноко
В холодной хате кривобокой
Или под тыном помирать.
А то... Нет, надобно жениться
Хотя б на чортовой сестре,
Не то один в своей норе
Рехнусь, пожалуй. Рожь, пшеница —
На доброй почве семена
Взошли. А люди — вот те на! —
Пожнут плоды чужой землицы
И скажут: «В дальней стороне
Погиб бедняга». Горе мне!

4 ноября 1860 г.

Петербург

*
**

И день идет, и ночь идет.
За голову схватившись в муке,
Все думаешь: когда ж придет
Апостол правды и науки?

*5 ноября 1860 г.
Петербург*

*
**

Течет вода от явора
Яром на долину.
Красуется над водою
Красная калина.
Красуется калинонька,
Явор молодеет,
А кругом их верболозы,
Лозы зеленеют.

—

Течет вода из-за леса
Под самой горою,
Плещутся утяточки
Меж речной травой.
А уточка выплывает
С селезнем за ними,
Ловит ряску, рассуждает
С детками своими.

—

Течет вода в огороде,
Вода прудом стала.
Девушка пришла брать воду,
Брала, запевала.
Вышли мать, отец из хаты,
В садике гуляют.
Зятем им назвать кого бы,
Думают, гадают.

*7 ноября 1860 г.
Петербург*

*
**

Однажды над Невой иду
В глухой ночи... И на ходу
Так размышляю сам с собою:
«Когда б, — я думаю, — когда б
Таким покорным не был раб,
То оскверненных над Невою
Не возвышалось бы палат!
Была б сестра, и был бы брат!
А то... Лишь слез и горя много,
И нет ни бога, ни полбога...
Псаря с псарятами царят,
А мы с ухваткой доезжачих ¹
Борзых собак растим и плачем».
Вот так, шагая над Невой,
И размышлял я сам с собой,
Тяжелой думой озадачен.
А за рекою, как из ямы,
Глаза кошачьи на меня
Глядят, — то фонари горят
Возле апостольского храма ².
Тут спохватился и крестом
Я осенился, трижды плюнул
И снова думать стал о том...
О том, о чем и раньше думал.

13 ноября 1860 г.

Петербург

*
**

Так не пора ли понемногу ³
С тобою, спутницей убогой,
Нам вирши слабые бросать
И помаленьку собирать
Телеги в дальнюю дорогу?
На тот свет, к пресвятому богу

---

¹ Доезжачие — крепостные, которые выкармливали охотничьих собак помещика.

² Собор апостолов Петра и Павла в Петропавловской крепости.

³ Это последнее стихотворение Шевченко, написанное незадолго до смерти.

Пойдем, бедняга, отдыхать.
Устали мы, поистрепались,
А все ж и разуму набрались.
Довольно с нас — пойдем-ка спать,
В последней хате отдыхать...
Такой еще мы не видали...

Ой, не надо, друг, не надо,
Рано нам прощаться;
Нам еще ходить бы рядом,
Свету удивляться.
Посмотри же, моя доля, —
Он такой широкий,
Он широкий и веселый,
Ясный и глубокий.
Что ж, звезда моя, побродим,
Поднимемся в горы.
Будут звезды — твои сестры —
Светить в эту пору —
Бесконечные, по небу
Поплывут мерцающая...
Подождем, сестра родная,
Подруга святая!
И правдивыми устами
Помолимся богу
И пойдем себе тихонько
В дальнюю дорогу.
Над бездонной мутной Летою
Мы пойдем с тобою.
И меня благословишь ты
Славою святою!

Покамест то да се, с поклоном
С тобою запросто пойдем
Мы к Эскулапу¹ на прием.
И вдруг обманет он Харона²
И Парку?..³ Мы тогда с тобой,

---

¹ Эскулап — в античной мифологии бог врачевания.

² Харон — в греческой мифологии перевозчик душ умерших через подземную реку Стикс.

³ Парка — в греческой мифологии богиня судьбы, прядущая нить жизни.

Пока мудрил бы дед седой,
Творили б, лежа, эпопею,
Высоко над землею рея,
Да всё б гекзаметры¹ плели
И на чердак стихи снесли,
Чтоб мыши их на завтрак съели.
Мы прозу бы по нотам пели,
Не как-нибудь.

Товарищ мой,
Мой спутник верный и святой!
Пока огонь не гаснет, тлеет,
Пойдем к Харону веселее.

Через волны мутной Леты
Сыщем переправу,
Переплывем, перенесем
И святую славу —
Неизменно молодую...
Впрочем, друг мой милый,
Обойдемся и без славы.
Если ж хватит силы,
То над самым Флегетоном²,
Над Стиксом, речкою в раю,
Как над Днепром своим широким,
Я вспомню родину свою, —
Поставлю хату там и садом
Ее веселым окружу.
Ты вечером придешь, и рядом
Тебя, как кралю, посажу.
Мы Днепр, Украину помянем
И хаты белые в садах,
Курганы старые в степях
И песню весело затянем...

*14—26 февраля 1861 г.
Петербург*

---

¹ Гекзаметр — стихотворный размер у античных поэтов.

² Флегетон — в греческой мифологии река в подземном царстве.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

*

А

«А ну, начнем-ка вновь писагы!..» 251

Б

Батрачка. 191

«Бывает, иногда старик...» 237

«Было бы сесть с кем, хлеба съесть с кем...» 336

В

«В воскресенье не гуляла...» 341

«В воскресенье да ранехонько...» 272

«В неволе тяжко — хоть и с волей...» 228

«В неволе я один скучаю...» 276

«В огороде возле брода...» 273

«В светлый праздник на соломе...» 287

«Ветер буйный, ветер буйный...» 43

«Ветер веет, повеваает...» 117

Вечной памяти Котляревского. 45

«Вишневый садик возле хаты...» 226

«Все снится мне: вот под горою...» 300

Г

Гайдамаки (Отрывки из поэмы). 82

Гамалия. 129

Г. З. («Нет горше доли, чем в неволе...») 259

Гоголю. 159

«Горы мои высокие...» (Сон) 234

«Готово! Парус распустили...» 290

Д

Доля. 321

«Думы мои, думы мои, горе, думы, с вами!..» 50

«Думы мои, думы мои, самые родные!..» 231

Е

Еретик. 161

З

«За солнцем облачко плывет...» 279

Завещание («Как умру, похороните...») 218

«Запели мы и разошлись...» 294

«Зацвела в долине...» 283

«Зачаруй меня, волшебник...» 159

«Зачем буду я жениться...» 280

«Зачем ты ходишь на могилу?...» 222

И

«И богата я...» 266

«И в самых радостных краях...» 284

«И вырос я в краю чужом...» 262

«И день идет, и ночь идет...» 337

«И молодость моя минула...» 333

«И сонные волны, и мутное небо...» 262

«И тернистый и колючий...» 282

«И широкую долину...» 273

Исайя, глава 35. 325

К

Кавказ. 205

«Как днем осенним чумаки...» 279

«Как за подушным, правый боже...» 257

«Как умру, похороните...» (Завещание) 218

«Какого дьявола я трачу...» 300
«Как у той у Катерины...» 268
Катерина. 56
«Когда б вы знали, барчуки...» 296
«Когда бы встретились мы снова...» 261
«Когда есть дом родной...» 255
«Когда мы были казаками...» 239
Козачковскому А. О. 246
Косарь. 228
Костомарову Н. 225
«Куда ни глянешь — все постыло!...» 335
«Кукушечка куковала...» 267

Л

Л. («Поставлю хату — не палаты...») 333
«Лес, овраг, буерак...» 220

М

Маленькой Марьяне. 213
Марку Вовчку. 324
Марьяна-черница. 118
«Мать не бросай!» тебе сказали...» 221
«Мне б сапожки, я бы тоже...» 265
«Мне золотую, дорогую...» 284
«Мне почта вновь не привезла...» 274
«Мне, право, все равно...» 221
Молитва. 329
Муза. 321
«Мы вместе некогда росли...» 290
«Мы все же осенью похожи...» 292

Н

«Над днепровскою водою...» 331
«На улице ветер веет...» 267
«На что черные мне брови...» 81
Невольник (Слепой). 172
«Неволя, или горе злое...» 299
«Не греет солнце на чужбине...» 233
«Не дай ты никому того же...» 255
«Не для людей и не для славы...» 264

- «Не домой спеша, расставшись...» 278
«Не женися на богатой...» 161
«Не завидуй богатому...» 160
«Не молилась мать за сына...» 295
«Не самому ль мне написать...» 288
«Не спится мне, а ночь — как море...» 229
«Не стану я печалиться...» 280
Неофиты. 301
«Нет горше доли, чем в неволе...» (Г. З.) 259
«Ни Архимед, ни Галилей...» 332
N. N. («Солнце заходит, горы чернеют...») 232
N. N. («Тогда мне лет тринадцать было...») 232
«Ну что, казалось бы, слова?...» 256

О

- «Огни горят, оркестр играет...» 298
«Однажды над Невой иду...» 338
«Ой, баю-баю, качаю сына...» 270
«Ой, вскричали серы гуси...» 281
«Ой, гляну да погляжу я...» 254
«Ой, не пьются мед и пиво...» 268
«Ой, одна я, одна...» 219
«Ой ты, темная дуброва!...» 328
«Ой, умер старый батько...» 277
«О люди, люди, в вечном мраке!..» 335
«Она на барском поле жала...» (Сон) 322
«Опять настало время злое!..» 301
«Отчего ты почернело...» 271

П

- Перебендя. 53
Платок. 244
«Повстречалася я...» 266
Подражание. 328
«Поставлю хату — не палаты...» (Л.) 333
«Припомним, братия моя...» 218
Пророк. 261
«Протоптали стёжечку...» 272
«Проходят дни, проходят ночи...» 214
П. С. («Я не досадую на злого...») 258

Р

- «Рано встали, выступали...» 227
«Ревет и стонет Днепр широкий...» 43

С

- «Сам удивляюсь. Кто ответит...» 244
«Свете ясный! Свете тихий!...» 332
Сестре. 326
Слепой (Невольник). 172
Сова. 134
«Солнце заходит, горы чернеют...» (N. N.) 232
Сон («Горы мои высокие!...») 234
Сон («Она на барском поле жала...») 322
Сон («У всякого своя доля...») 141
«Считаю дни, считаю ночи...» 293

Т

- «Так не пора ли понемногу...» 338
«Так я теперь стихи строчу...» 251
«Течет вода в синем море...» 48
«Течет вода от явора...» 337
«Тогда мне лет тринадцать было...» (N. N.) 232
Тополь. 75
«Топор был за дверью у господ бога...» 252
Три года. 215
«Три широкие дороги...» 224
«Тяжко, тяжело жить на свете...» 49

У

- «У всякого своя доля...» (Сон) 141

Х

- Холодный Яр. 211
«Хотя лежачего не бьют...» 334

Ч

Чернец. 240

«Что же мне так тяжко?..» 158

Чума. 274

Ю

Юродивый. 318

Я

«Я, глупый, размышлял порою...» 327

«Я не досадую на злого...» (П. С.) 258

«Я, чтоб не сглазить, не хвораю...» 323

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Александр Дейч. Тарас Шевченко . . . . .</i>	3
---	---

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

«Ревет и стонет Днепр широкий...» <i>Перевод М. Исаковского</i>	43
«Ветер буйный, ветер буйный...» <i>Перевод Л. Длигача</i>	—
Вечной памяти Котляревского. <i>Перевод А. Тарковского</i>	45
«Течет вода в сине море...» <i>Перевод А. Твардовского</i>	48
«Тяжко, тяжко жить на свете...» <i>Перевод А. Твардовского</i>	49
«Думы мои, думы мои, горе, думы, с вами!...» <i>Перевод А. Суркова</i>	50
Перебендя. <i>Перевод П. Карабана</i>	53
Катерина. <i>Перевод М. Исаковского</i>	56
Тополь. <i>Перевод А. Безыменского</i>	75
«На что черные мне брови...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	81
Гайдамаки (Отрывки из поэмы). <i>Перевод Б. Турганова</i>	82
«Ветер веет, повеваает...» <i>Перевод Н. Асеева</i>	117
Марьяна-черница. <i>Перевод Е. Благиной</i>	118
Гамалия. <i>Перевод М. Исаковского</i>	129
Сова. <i>Перевод П. Карабана</i>	134
Сон («У всякого своя доля...»). <i>Перевод П. Карабана</i>	141
«В воскресенье не гуляла...» <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	156
«Что же мне так тяжко?...» <i>Перевод Е. Благиной</i>	158
«Зачаруй меня, волшебник...» <i>Перевод П. Семынина</i>	159
Гоголю. <i>Перевод М. Исаковского</i>	—
«Не завидуй богатому...» <i>Перевод Е. Нежинцева</i>	160
«Не женися на богатой...» <i>Перевод В. Инбер</i>	161
Еретик. <i>Перевод П. Карабана</i>	—
Слепой (Невольник). <i>Перевод Н. Асеева</i>	172

Батрачка. <i>Перевод Е. Благиной</i>	191
Кавказ. <i>Перевод П. Антокольского</i>	205
Холодный Яр. <i>Перевод Ал. Дейча</i>	211
Маленькой Марьяне. <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	213
«Проходят дни, проходят ночи...» <i>Перевод Н. Ушакова</i>	214
Три года. <i>Перевод П. Панченко</i>	215
Завещание («Как умру, похороните...»). <i>Перевод А. Твардовского</i>	218
«Припомним, братья моя...» <i>Перевод А. Чачикова</i>	—
I. «Ой, одна я, одна...» <i>Перевод Е. Благиной</i>	219
II. «Лес, овраг, буерак...» <i>Перевод Е. Благиной</i>	220
III. «Мне, право, все равно...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	221
IV. «Мать не бросай!» тебе сказали...» <i>Перевод Р. Минкус</i>	—
V. «Зачем ты ходишь на могилу?..» <i>Перевод Н. Ушакова</i>	222
VI. «Три широкие дороги...» <i>Перевод М. Исаковского</i>	224
VII. Н. Костомарову. <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	225
VIII. «Вишневый садик возле хаты...» <i>Перевод Н. Ушакова</i>	226
IX. «Рано встали, выступали...» <i>Перевод Н. Ушакова</i>	227
X. «В неволе тяжко — хоть и с волей...» <i>Перевод И. Воробьевой</i> : : : :	228
XI. Косарь. <i>Перевод А. Суркова</i>	—
«Не спится мне, а ночь — как море...» <i>Перевод Л. Длигача</i>	229
«Думы мои, думы мои, самые родные!..» <i>Перевод А. Суркова</i>	231
N. N. («Солнце заходит, горы чернеют...»). <i>Перевод И. Воробьевой</i>	232
N. N. («Тогда мне лет тринадцать было...»). <i>Перевод А. Твардовского</i> :	—
«Не греет солнце на чужбине...» <i>Перевод А. Безыменского</i>	233
Сон («Горы мои высокие!..»). <i>Перевод А. Суркова</i>	234
«Когда мы были казаками...» <i>Перевод Н. Брауна</i>	239
Чернец. <i>Перевод Н. Асеева</i>	240
«Сам удивляюсь. Кто ответит...» <i>Перевод Н. Ушакова</i>	244
Платок. <i>Перевод М. Светлова</i>	—
А. О. Козачковскому. <i>Перевод Б. Пастернака</i>	246
«Так я теперь стихи строчу...» <i>Перевод Л. Пеньковского</i>	251
«А ну, начнем-ка вновь писать!..» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	—
«Топор был за дверью у господ бога...» <i>Перевод Н. Ушакова</i>	252
«Ой, гляну да погляжу я...» <i>Перевод Н. Сидоренко</i>	254
«Не дай ты никому того же...» <i>Перевод Н. Сидоренко</i>	255
«Когда есть дом родной...» <i>Перевод Л. Длигача</i>	—
«Ну что, казалось бы, слова?..» <i>Перевод Н. Сидоренко</i>	256
«Как за подушным, правый боже...» <i>Перевод Н. Ушакова</i>	257

П. С. («Я не досажую на злого...») <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	258
Г. З. («Нет горше доли, чем в неволе...»). <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	259
«Когда бы встретились мы снова...» <i>Перевод Н. Брауна</i>	261
Пророк. <i>Перевод Н. Брауна</i>	—
«И сонные волны, и мутное небо...» <i>Перевод Н. Ушакова</i>	262
«И вырос я в краю чужом...» <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	—
«Не для людей и не для славы...» <i>Перевод Н. Ушакова</i>	264
«Мне б сапожки, я бы тоже...» <i>Перевод Н. Ушакова</i>	265
«И богата я...» <i>Перевод А. Прокофьева</i>	266
«Повстречалась я...» <i>Перевод В. Имбер</i>	—
«На улице ветер веет...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	267
«Кукушечка куковала...» <i>Перевод И. Сельвинского</i>	—
«Ой, не пьются мед и пиво...» <i>Перевод Н. Ушакова</i>	268
«Как у той у Катерины...» <i>Перевод А. Твардовского</i>	—
«Ой, баю-баю, качаю сына...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	270
«Отчего ты почернело...» <i>Перевод Н. Брауна</i>	271
«В воскресеньице да ранехонько...» <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	272
«Протоптала стёжечку...» <i>Перевод Е. Благиной</i>	—
«И широкую долину...» <i>Перевод Н. Брауна</i>	273
«В огороде возле брода...» <i>Перевод А. Суркова</i>	—
Чума. <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	274
«Мне почта вновь не привезла...» <i>Перевод Н. Ушакова</i>	275
«В неволе я один скучаю...» <i>Перевод Л. Озерова</i>	276
«Ой, умер старый батько...» <i>Перевод М. Светлова</i>	277
«Не домой спеша, расставшись...» <i>Перевод С. Олендера</i>	278
«Как днем осенним чумаки...» <i>Перевод Н. Брауна</i>	279
«За солнцем облачко плывет...» <i>Перевод Н. Брауна</i>	—
«Не стану я печалиться...» <i>Перевод М. Замаховской</i>	280
«Зачем буду я жениться...» <i>Перевод Н. Брауна</i>	—
«Ой, вскричали серы гуси...» <i>Перевод П. Семынина</i>	281
«И тернистый и колючий...» <i>Перевод С. Гордеева</i>	282
«Зацвела в долине...» <i>Перевод Е. Нежинцева</i>	283
«И в самых радостных краях...» <i>Перевод А. Твардовского</i>	284
«В светлый праздник на соломе...» <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	287
«Бывает, иногда старик...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	—
«Не самому ль мне написать...» <i>Перевод М. Матусовского</i>	288
«Мне золотую, дорогую...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	289
«Мы вместе некогда росли...» <i>Перевод Н. Ушакова</i>	290
«Готово! Парус распустили...» <i>Перевод Н. Ушакова</i>	292
«Мы все же осенью похожи...» <i>Перевод П. Карабана</i>	—
«Считаю дни, считаю ночи..» <i>Перевод М. Исиковского</i>	293

«Запели мы и разошлись...» <i>Перевод Н. Брауна</i>	294
«Не молилась мать за сына...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	295
«Когда б вы знали, барчуки...» <i>Перевод Ал. Дейча</i>	296
«Огни горят, оркестр играет...» <i>Перевод Н. Ушакова</i>	298
«Неволя, или горе злое...» <i>Перевод А. Ойслендера</i>	299
«Какого дьявола я трачу...» <i>Перевод Н. Сидоренко</i>	300
«Все снится мне: вот под горою...» <i>Перевод Т. Волгиной</i>	—
«Опять настало время злое!..» <i>Перевод С. Олендера</i>	301
Неофиты. <i>Перевод А. Островского</i>	—
Юродивый. <i>Перевод Ал. Дейча</i>	318
Доля. <i>Перевод Е. Благиной</i>	321
Муза. <i>Перевод М. Рыльского</i>	—
Сон («Она на барском поле жала...»). <i>Перевод А. Плещеева</i>	322
«Я, чтоб не сглазить, не хвораю...» <i>Перевод Н. Ушакова</i>	323
Марку Вовчку. <i>Перевод И. Воробьевой</i>	324
Исайя, глава 35. <i>Перевод П. Антокольского</i>	325
Сестре. <i>Перевод Е. Благиной</i>	326
«Я, глупый, размышлял порою...» <i>Перевод А. Ойслендера</i>	327
Подражание (Эдуарду Сове). <i>Перевод Л. Пеньковского</i>	328
«Ой ты, темная дуброва!..» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	—
Молитва. <i>Перевод П. Карабана</i>	329
«Над днепровскою водою...» <i>Перевод Е. Благиной</i>	331
«Свете ясный! Свете тихий!..» <i>Перевод А. Безыменского</i>	332
«Ни Архимед, ни Галилей...» <i>Перевод Н. Ушакова</i>	—
Л. («Поставлю хату — не палаты...»). <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	333
«И молодость моя минула...» <i>Перевод В. Луговского</i>	—
«Хотя лежачего не бьют...» <i>Перевод А. Суркова</i>	334
«Куда ни глянешь — все постыло!..» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	335
«О люди, люди, в вечном мраке!..» <i>Перевод П. Карабана</i>	—
«Было бы сесть с кем, хлеба съесть с кем...» <i>Перевод В. Инбер</i>	336
«И день идет, и ночь идет...» <i>Перевод С. Гордеева</i>	337
«Течет вода от явора...» <i>Перевод М. Комиссаровой</i>	—
«Однажды над Невою иду...» <i>Перевод Н. Брауна</i>	338
«Так не пора ли понемногу...» <i>Перевод К. Симонова</i>	—
Алфавитный указатель	341

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге присылать по адресу: Москва 47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Для средней школы

ШЕВЧЕНКО Т. Г.

*

Стихотворения и поэмы

*

Ответственный редактор *Л. И. Доукиа*. Художественный редактор *С. И. Нижняя*. Технический редактор *М. А. Кутузова*. Корректоры *С. Д. Локшина* и *Б. Ф. Третьяченко*. Сдано в набор 12/II 1954 г. Подписано к печати 2/IV 1954 г. Формат 84 × 108 $\frac{1}{2}$ — 11,56 = 19,0 печ. л. (19,24 уч.-изд. л.). Тираж 100 000 экз. А03336. Москва. Детгиз. М. Черкасский пер., 1. Заказ № 179. Цена 8 р. 95 к.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Суцеский вал, 49.

В 1954 году издаются следующие произведения украинского народного творчества и украинских писателей-классиков:

Украинские народные сказки

Марко Вовчок «Народные рассказы и сказки»

Леся Украинка «Избранное»

Сборник «Рассказы украинских писателей-классиков»

8p.95k.